

2(53) Тюмень-2019

ВРАТА СИБИРИ

В 2(53) ВРАТА СИБИРИ

Тюмень-2019

16+

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
Л.К. ИВАНОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 2 (53)

С.В. БЕЛКИН
М.М. ГАРДУБЕЙ
С.С. КОЗЛОВ
С.И. ЕГОРОВ
А.Н. СКОРБЕНКО
В.Л. СТРОГАЛЬЩИКОВ
М.А. ФЕДОСЕЕНКОВ
А.П. ЯРКОВ
И.А. ШИРМАНОВ
Л.Г. ЕФРЕМОВА

Тюмень
2019

Содержание

ПРОЗА

Виктор СТРОГАЛЬЩИКОВ ЗАМ, или Сашины люди	3-13
Сергей КОЗЛОВ Возвращение	20-27
Людмила ЕФРЕМОВА Паша-тоболяк.....	32-42
Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ О чем думает Кузьма	52-67
Альбина КУЗЬМИНА Дед Захарий и табакерка	71-80
Николай ВТОРУШИН Рассказы	84-88
Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ Дон Педро и веселый Дьявол	93-96
Татьяна ПОТЕМКИНА Я ухожу на Север!	105-107

ПОЭЗИЯ

Игорь КИРИЛЛОВ (14), Леонид ТКАЧУК (28), Валерий АКИМОВ (43),
Александр ЖУРАВСКИЙ (68), Антонина МАРКОВА (81),
Дмитрий СЕРГЕЕВ (89), Анжела БЕЦКО (97), Павел ЧЕРКАШИН (101)
Сергей ПЕРУНОВ (108) Владимир НЕЧВОЛОДА (111)

ПУБЛИЦИСТИКА

Павел ПЛЮХИН Вот так надо жить!	117-120
Геннадий САЗОНОВ Чудо в Тобольске	121-122
Екатерина ПИОНТ Редкие люди	123-129
Светлана ПАВЛОВА Мне было двадцать	130-134

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Аркадий ЗАХАРОВ Петр Ершов: Источники вдохновения.....	135-137
Елена РУСАНОВА Летопись любви.....	138-142
Эдуард АНАШКИН «Это все, что от детства осталось».....	143-147

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Валентина ВАНУЙТО Шаманизм – это и есть сюрреализм Леонида Лара.....	148-151
---	---------

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Сергей БОРОВСКИЙ	152-167
------------------------	---------

НАШИ ГОСТИ. ЛИТО

Саня ЕФРЕМОВА Открытия любви	169-173
Кирилл ФИЛОНОВ Трудная дорога навстречу	174-188

Литературная хроника	189-192
Коротко об авторах	193-199

ПРОЗА

Виктор СТРОГАЛЬЩИКОВ

ЗАМ, или Сашины люди

Глава из романа

Со стороны реки дул сильный ветер, отгонял комаров, и ловить рыбу, стоя по колено в прохладной воде, было приятно. Мальки стайками тыкались в пальцы ног и щекотали. Александр рыбачил на поплавковую удочку, леску сносило течением, он часто перезабрасывал снасть, щурясь от солнечных бликов на речной ряби. Отец ловил на закидушку, сидел у кромки воды на песке в клубах папиросного дыма. Младшая сестра в отдалении бегала по мелководью с тонким металлическим прутиком в руке, глядела вниз и, завизжав, хлестала по воде с плеча. Такой вот рыбалке ее научили местные пацаны. У взрослых совсем не клевало, а эта мелкая уже притащила отцу двух вполне приличных щурогаек. Рыбачили они с утра и просто так, рыбу для готовки им приносили. Речка называлась Сойва, как и поселок на ее правом берегу, где были две улицы, рыбколхоз и контора бурения, в которой отец был начальником. Уже второе лето Александр отбывал здесь по воле отца трудовую повинность.

В прошлом году еще было понятно: он окончил девятый класс, сестра четвертый, отец соскучился и выписал семью к себе на Север. Вот именно что выписал – прислал служебные бумаги, по ним они бесплатно добирались сначала «кукурузником» Ан-2 до Хантов, потом на катере в Березово, оттуда вертолетом в Сойву. Раньше Коновалов не летал и не плавал, было жутко интересно, то есть вначале было жутко – самолетик болтало до тошноты, катер трясся по речной зыби, вертолет нестерпимо ревел, – а потом интересно, пока не добрались до Сойвы, где отец в первый же вечер сказал, что его взрослый сын бездельничать не станет, сутки отдохнет, осмотрится и пойдет учеником в реммастерские при конторе. И он пошел, куда деваться. Но нынче же десятый класс, сданы выпускные экзамены, все нормальные люди отдыхают и готовятся к поступлению в вузы, а тут... Ничего, сказал отец, учебники возьмишь с собой, еще и деньги заработаешь.

Насчет денег, конечно же, было серьезно. За полтора месяца в прошлом году ему выдали на руки двести пятьдесят три рубля (и сколько-то копеек, он не помнил). Для сравнения, в своем тюменском гастрономе мама-кассир получала восемьдесят в месяц. В лавке конторского ОРСа он тогда купил часы отцу и маме болоневый плащ, сестре демисезонное пальто слегка навырост, а себе обалденные черные туфли с явно импортным, на глаз видно, узорчиком, и настоящие польские джинсы. Когда по возвращении в Тюмень пошел к друзьям, стуча по асфальту твердыми (это вам не резина) высокими каблуками, ощущая плотность фирменной джинсы ладонями в карманах, то чуть ли не летел над тротуаром. Копейки он не помнил, а это помнил хорошо. И то, как водил свою девушку в кино, на эстрадный концерт и в кафе, не одалживаясь у родителей. В кафе они брали коктейль и мороженое.

– Завяжем, что ли? – спросил отец, пряча в песок очередной окурок. Песок был плотным, ровным. Такие места здешние рыбаки так и называли песками, под номером или по именам. Этот же считался близким и непромысловым, потому ни номера, ни клички не имел.

- Давай хоть что-нибудь поймаем, батя.
- Тогда червя-то проверь!
- А ты?

Сестра завопила «Ура!» и выхватила из воды третью щурогайку. Червяков она боялась, а колючих мелких щучек хватко цапала ладонью. Сестра хорошо загорела и вообще подросла в это лето. Осенью дареное пальто станет ей впрокру, не придется уже подворачивать рукава. На этот раз Александру заплатят лишь за три недели – приехали поздно, после июньских экзаменов, к августу же надо возвращаться, зато уродоваться меньше в мастерских. А денег на магнитофон должно хватить и этих. У всех ребят из класса – конечно, не у всех, но он именно так объяснял свое желание родителям – магнитофоны уже были, и самый лучший у Васильева, переносной японский и на батарееках, с ним было так круто гулять по кварталу, пугать старушек громкой зарубежной музыкой, отловленной и переписанной ночами в школьном радиоузле, где был мощный приемник от шефов из воинской части. Будучи школьным комсоргом, Коновалов в ночных рейдах не участвовал, но по кварталу гулял с удовольствием в общей компании и вместе со всеми ржал до упаду, когда одна из старушек у автобусной остановки крикнула на них: «Сумасшедшие, и музыка ваша сумасшедшая!» – а это был всего лишь Пресли с песенкой про замшевые туфли.

Из-за реки низко над ними прошел вертолет и стал делать круг, заходя на посадку. Деревянная изба отца стояла на краю поселка, и прямо за ее забором на болотце, густо засыпанном песком, из бревен на коротких сваях вымостили вертолетную площадку. Когда на дозаправку в сезон прилетали из тундры пожарные, то спали прямо под забором, не снимая брезентовых роб и набросив от гнуса на голову сетки Павловского. Здесь они и выпивали, мама по отлету собирала после них бутылки и ворчала. В основном же по воздуху доставляли на дальние буровые и обратно сменные вахты рабочих. Коновалов знал все бортовые номера «вертушек», а тут сообразил не сразу, что номер не вахтовых, начальника авиагруппы, и если так, то может быть и почта, которую он ждал уже неделю. Не стану дергаться, решил Александр, а то еще подумают.

В этом году он ходил с другой девушкой, из параллельного класса, что было не очень-то принято: полагалось ходить со своими. По той причине возникали сложности. Он не мог позвать ее с собой ни в поход, ни на экскурсию, ни на дни рождения друзей, где собирались все свои, включая девочек. В день собственный, что был в апреле, он все-таки ее позвал, она с улыбкой отказалась и погладила его по волосам. Они уже держались за руки в темноте кино. Иногда Коновалов, набравшись решимости, в отсутствие ее родителей являлся к ней домой и заявлял, что он всерьез намерен выходить из рамок. Она сидела за круглым столом, подперев ладонями лицо, смотрела на него, и он, страшась этого взгляда и себя, начинал ходить вокруг и что-то говорить, она ловила его за руку и усаживала рядом: ну хватит, ты прочел Анчарова?

Отцовскую донку рвануло, висевший у рогатки колокольчик завертелся на леске пропеллером. Короткая удочка клюнула носом, воткнувший ее комель вдруг выскочил, стрельнув песком, и удочка полетела к воде, за нею с криком бросился отец. Александр уронил свою снасть и побежал наперерез, высоко выдергивая ноги из воды. Они чуть не столкнулись плечами. Отец упал плашмя, как был в рубашке и под колени закатанных брюках, поднялся – весь в воде, сжимая в кулаке прут удочки, подпернул, леска с дрожью натянулась и тут же опала, провисла. Еще не верящий своим глазам отец подпернул снова, стал выбирать вялую леску руками, но было уже ясно: сорвалось. Отец убрал со лба мокрые волосы, нашарил в воде удочку и за-

швырнул ее подальше. Про свою Александр и забыл, а когда вспомнил, ее уже снесло течением.

– А к нам мама идет! – звонко подала голос сестра.

Коновалов поднял голову от воды и увидел маму, спешащую к ним с поросшей травой верхушки пологого длинного берега.

– Что там, Дуся? – встревожено крикнул отец.

– Поднимайтесь, к тебе прилетели!

– Какого черта? – тихо и зло проговорил отец. – В выходной и то покоя не дадут.

Мама не стала спускаться дальше, быстро шагала назад, ей вслед неслась, подскакивая на бегу, сестра с щурогайками в охапку. Отец шел медленно, расстроенный и неудавшейся рыбалкой, и неуточными гостями, и тем, что прыгнул в воду как пацан и промок до нитки. По мере приближения к дому, когда три мужские фигуры у калитки стали прорисовываться четче, узнаваемее, плечи отца распрямлялись, он ускорил шаг, и Александр заметил даже со спины, как щеки отца расплываются в улыбке, он кричит: «Какие люди!» – и идет на них вразвалку, широко разбросив руки, с которых еще капает вода.

Из главка к отцу прилетели начальник отдела бурения Ахмадишин и его заместитель Харашвили. Александр знал их с детства и любил, называя дядями Мишей и Швили. Доставил же друзей-начальников еще один отцовский друг из новых, со смешной фамилией Лохматов, главный вертолетчик Березовской авиагруппы. Ахмадишин сразу извинился, что прилетели коротко, по делу, и вечером назад. Отец расстроено нахмурился, но лысый Лохматов сказал, что день почти полярный, длинный, взлетим попозже, норма позволяет, так что времени у нас вагон.

Отец повеселел:

– Сейчас на стол подсуетимся!

– Я все привез, – сказал Лохматов.

– Не ты один, – осадил его Швили и шлепнул вертолетчика Лохматова по лысине.

Александр показалось, что более отца прибывшим радуется мама, и ее можно было понять: свежая картошка, овощи, вареная колбаса (здесь была только копченая, она дольше хранится), растворимый кофе, концентрированное молоко (не сгущенка и не порошком), настоящее мясо, не в банках (это Швили, он без мяса не мог), фрукты для мелкой, что-то еще в хрустящих кулках и огромный замороженный муксун (это Лохматов, берет из морозильника на рыбокомбинате). Рыбы и в поселке было завались, уже надоела до чертиков, но летом морозить ее было негде – единственный на весь поселок холодильник стоял в рабочей столовке, куда по приказанию отца никто со своей рыбой и сунуться не мог, он проверял, – поэтому коптили, вялили, солили, свежую баржой отправляли в Березово. А вот зимой по сараям мороженная рыба лежала как дрова, но Александр того не видел, только слышал. Еще существовала черная и красная икра, ее меняли на еду и водку кастрюлями и тазиками. В доме отца к столу икру не подавали: приехав первый раз на Север, отец объелся и с той поры на дух не переносил, а все другие не имели к ней привычки.

Пока мама жарила мясо с картошкой и луком на электроплитке, Лохматов напластал миску строганины. Мужчины уселись за деревенский стол из толстых досок, хорошо подогнанных и набело отструганных. Александр считался мужчиной и сидел за столом наравне. Есть строганину он боялся. В избе стояла сильная химическая вонь, это мама для гостей еще раз опшикала все дихлофосом. Коновалов был голоден, ушли на рыбалку без завтрака

(отцу взбрело вдруг в голову, собрались и пошли), и сейчас так сглатывал слюну, что стучало в ушах. На побеждавший химию запах жареного мяса косился в кухонный угол избы, прикрытый маминой спиной в гостевом пла-
тье. Дядя Швили перехватил его взгляд и сказал отцу с укоризной в голосе:

– Ты когда мангал нормальный заведешь? У тебя вон Сашка учится на сварщика, пусть сварганит с мужиками, дай команду, сколько можно мясо гробить.

– А мне и так понравится, – Лохматов хмыкнул и поднял бутылку. Тому, что вертолетчик пьет на смене, Александр уже не удивлялся: в конце концов есть и второй пилот.

– Ты глянь-ка, – тихо сказал Ахмадишин, показывая на кровать глазами. Все повернулись. Там, сдвинув марлевый полог, сидела сестра и поедала бананы вприкуску с зефиром, опустив голову и зыря по сторонам. Подоконник над ее головой, словно песком, был усеян слоем дохлых комаров. Сестренку он любил, жалел и охранял по долгу старшего, но уж очень та была прилипчивая, вечно путалась под ногами и мешала Коновалову жить своей отдельной взрослой жизнью.

– Так зачем прибыли? – спросил отец.

– Не спеши, дай поесть, – сказал Швили, не любивший мерзлую сырую рыбу. – Дуся, заканчивай!

– Уже несу, мальчики.

Александр стало смешно: она что, до старости будет их так называть? От голода и запаха жаркого он уже съел три больших ломтя хлеба. В поселке работала своя пекарня: деньги на нее в прошлом году выбил из главка отец, пекаря сманил из райцентра Лохматов. Хлеб обалденно вкусный, не то что привозной, трехдневной давности (зимой и вовсе, говорил отец, раз в две недели волокли мороженный на тракторных санях).

Жаркое ели ложками со сковороды. Вилки здесь были не в ходу, даже в столовке, и оказалось, нет такой еды, что непременно требовала вилки.

– О черт! – отец ударил себя по лбу тыльной стороной ладони. – А парни-то твои?

– У них сухпай, – сказал Лохматов. – Или в столовку сходят.

– Никаких столовок! Дуся, тащи миску! Так, все вываливай, себе еще на-жарим. Мясо осталось, Дуся?

– Конечно, осталось. Швили разве мало привезет?

– Тогда мы понесли, а ты давай к плите. И не рюмки тут без нас!

К вертолетчикам пошли отец с Лохматовым. Сестра сползла с кровати, подергала маму за платье и прошептала, что тоже хочет мяса. О господи, сказала мама, ну что ж ты раньше, теперь вот жди, пока пожарю.

– Тебе письмо, – сказала мама. – На тумбочке лежит.

За углом дома, усевшись на высокую завалинку – здесь все высокие, под сильный снег, не как у бабушки, – он распечатал конверт, достал тетрадный лист и стал его читать, отгоняя комаров пустым конвертом. Почерк был крупный, некрасивый, но разборчивый. Сам Коновалов и нынче писал, как его научили когда-то по прописям, так что плакаты-стенгазеты поручали рисовать ему, тем паче что при всей каллиграфичности письма Александр умудрялся делать это быстро. Когда он писал ей, почерк странным образом менялся до расхлябанности, словно Коновалов изображал в нем кого-то другого.

Он услышал скрип двери, шаги на крыльце, голоса мамы и дяди Миши. Как хочешь, говорила мама, но вы его отсюда забирайте, он здесь совсем сопьется, там в подполе на полметра бутылок, если не веришь – посмотри. Да мы сюда поэтому и прилетели, отвечал Ахмадишин, только зря ты на-

писала на имя начальника, слух по конторе разойдется, в ней по-другому не бывает, и рано или поздно Борьке донесут, и он тебе задаст. И пусть задаст, лишь бы не пил. Да все мы выпиваем, вяло сказал Ахмадишин. Все, сказала мама, да не так. Ладно, Дуся, я же обещал. Ой, господи, сторит же все!

Калитка взвизгнула, грохнула – похоже, открыли пинком, – и голос вертолетчика Лохматова с легким перематом сообщил, что зря мотались, парни в столовку ушли. Александр убрал письмо в конверт, посидел еще немного, не замечая комаров, и быстро пошел в избу.

– Быстрее, мужики, совсем остыло.

– Ты этого не ешь, – мама погрозила сестре пальцем. – Подожди горячего, а то получишь заворот кишок.

– Что ты, Дуся, всякой дурью ребенка пугаешь.

– Это не дурь, – сказала мама.

– Хватит вам, – проворчал Ахмадишин. – Значит, такое дело, Боря. Есть мнение, что ты здесь засиделся.

– Как засиделся? – округлил глаза отец. – Всего два года, и уже засиделся?

– Ты сначала послушай, – сказал ему Швили. – Орать будешь потом, хорошо?

Главк скоро будут разделять, поведал Ахмадишин, это вопрос решенный. Сам он на газ не пойдет, останется в нефтянке, а вот начальником отдела бурения в новую газовую часть наверняка назначат его зама – больше некого.

– Так что давай-ка ко мне заместителем. Наверху согласны, но и тянуть нельзя – могут передумать, ты их знаешь.

– Так вот же твой готовый зам, – отец ложкой указал на Швили, бросил ложку на стол, стал прикуривать, щурясь на спичку. По старой памяти отец курил везде, и к этому привыкли, притом настолько, что Александр, попробовав разок, не закашлялся даже. Ему не понравилось. Объясняя потом, почему он не курит, с усмешкой говорил: я свою норму дыма еще в детстве получил.

– Конкретного опыта мало. На твоём месте, здесь, его и доберу. Там будет видно, Боря.

– А как же выход на Темьянку?

– Будешь курировать его как заместитель, – предложил Ахмадишин.

– Курировать, – брезгливо произнес отец, – хурировать...

– Боря! – предостерегающе сказала мама.

– Мы столько сил потратили...

– И молодцы, – веско сказал Ахмадишин. – Швили будет легче. Да и ты поможешь. Я же тебя не в кабинете отсиживаться приглашаю. Ты готовил – ты и поведешь. Вместе с ним. Кстати, с обоих потом и спросим.

Осенью, как станут реки и схватятся болота, буровая контора планировала первый саночный десант на Темьянку – новое и перспективное по газовым запасам месторождение, сданное геологами под эксплуатационное бурение. Все в конторе только про десант и говорили. Пойдут тракторной колонной, с вагончиками и техникой на железных санях – в ремконторе, где работал Коновалов, их варили из труб непрерывно ударными темпами. Триста семьдесят километров по снегам до первой «точки», там поставят опорную базу и начнут волочить туда все, что можно поместить на сани – прежде всего горючее и генераторы, без них не выжить. А уже весной, когда вскроются реки – какой весной, дай бог в середине июня, – повезут водой «габарит» и стройматериалы, смонтируют вышки и начнут забуриваться. Любимое батино слово и вечный его крик по рации: «Ну что, забурился, собака?»

В отличие от Александра отец любил собак. В Сойве он пустил на двор бродячего пса (других здесь не бывает) и назвал его Приятель. Пес был низ-

корослый, крепкий, лохматый, отец в хорошем настроении так и кричал ему: «Эй ты, Лохматов!» – чем злил и веселил лысого друга. В зимнем десанте вертолеты не применялись, малоподъемно и дорого. Зато когда раскиснет, а реки еще подо льдом, только на них и надежда, если где-то серьезно припрет. В разговорах про десант Александр чувствовал увлекавшее и его самого азартное нетерпение. Иногда он представлял себя в кабине ревущего трактора или в рабочей будке, ползущей за ним по снегам морозной ночью под свет машинных фар и навесных прожекторов. Как здорово, как интересно, думал Коновалов. Ему нравилось так представлять.

– И когда? – спросил отец.

– Отпуск бери и прилетай. Ты же за два года в отпуске не был ни разу.

– Нахрена мне отпуск, Миша? Я в санатории не езжу, а семья летом тут.

– Отпуск бери, говорю. Прилетишь в Тюмень – походим, порешаем. Будет надо – слетаем в министерство. И вроде неофициально: ты же в отпуске, свободен. Если не склеится – догуляешь и вернешься на работу без разговоров и проблем. Так что давай в конце августа, все уже будут на местах. На Темьянку когда, в ноябре?

– Хотелось бы раньше. Как погода ляжет.

– В любом случае успеешь.

– Вот так вот, Лохматов, – с надрывом произнес отец. – Конец нашей дружбе! Забирают меня от тебя!

– Я и сам в Тюмень перевозжусь. Повысили.

– А что молчал?

Лохматов хмыкнул, пожал плечами. Швили рассмеялся и предложил налить.

– Ты сам-то как смотришь? – спросил его отец. – Мы тут болтаем, ты молчишь.

– Нормально я смотрю, – ответил Швили. – Нормальный расклад. Считал бы по-другому – не приехал. Ты меня знаешь.

– Да всех я вас знаю, собаки!

– Как хорошо, что вы приехали, мальчики, – сказала мама, не проронившая прежде ни слова. – Ладно уж, налейте и мне полрюмочки, – обычно мама водку не пила.

– Темьянка – что! – отец тряс над столом рукою с папиросой. – Разбурился, оттуда на Угорское пойдем. Вот где масштаб, вот где будущее наше. Если, конечно, геологи не врут.

– Я им верю, – сказал Ахмадишин. – Там серьезные люди работали. Но это уже без меня.

– Это как? – удивился отец.

– Так разделимся же к тому времени.

– Ничего, Миша, – подал голос Швили, – в нефтянке тоже будет чем заняться. Ты одно Озеро возьми, там дебит страшный. Мне даже жалко оттуда на газ уходить.

– Ерунда, – сказал отец. – На нефть любой дурак пробурит. Ты на газ побури, на двести атмосфер.

– А я что, на газ не бурил?

– Бурил. Вот я и удивляюсь, что ерунду несешь.

– Оба вы несете ерунду, – сказал Ахмадишин. – Вот позатопят всех вас, господа ученые...

Из разговоров Александр знал, что в государственных верхах гулял проект строительства на Оби каскада гидроэлектростанций, чьи водохранилища покроют больше половины нефтеносных территорий. И как тогда бурить? Отец в апреле прилетал в Тюмень на совещание, и в гости заглянул Лисун,

буривший под Угутом, кричал про заговор евреев из «Гидропроекта»: у них там связи наверху, миллиарды сожрут из бюджета, а на нефтяников плевать. Враги народа, к стенке всех.

– Если на Озере дадим большую нефть, – сказал Швили, – никто нас не затопит. В правительстве не дураки сидят, и Дед на нашей стороне. Госплан – большая сила.

– Мы и дадим, – спокойно подытожил Ахмадишин. – Слушай, пока есть время, пойдем в контору, хочу сам сводки посмотреть. И не маши руками, Боря! Все твои заявки у меня, я их поддерживаю. Но когда пойду к начальству и скажу, что все на месте видел сам, будет другой разговор.

– Так и скажи, что видел, – предложил Лохматов. – Че ходить-то?

– Мы так не работаем, – глядя в миску с растаявшей строганиной, сказал Ахмадишин.

– Без обид, мужики, без обид! Я ведь на чистом глазу сказанул. Хотите – идите. А я своих поищу, мало ли чего.

– Не надо искать, – сказала мама. – Они в бане спят, я там поппикала от комаров.

– Я тогда Куценку попроведаю. Он здесь или на промысле?

– С утра был здесь, в «Победе» ковырялся.

– Назад пойдете – свистните. Э, может, позовем его?

– И в самом деле, – сказал Швили. – Почему сразу не позвали?

– Занят человек, – сказал отец. – Машину ремонтирует.

Где-то день на третий, как приехали, начальник промысла Куценко, лучший папин друг из местных, сидел и выпивал у них в гостях, и взбрело ему в голову поучить отца водить машину. Такой взрослый мужик, а рулить не умеет! Ты лучше Саньку поучи, сказал отец. И кто бы знал, чем это кончится.

Две улицы поселка выходили на крутой изгиб реки, где пересекались грузовой дорогой, ведущей из промзоны к речной пристани. По ней отец и предложил кататься с целью обучения. Рано, ответил Куценко, пусть сначала на вертолетной площадке попробует. Территория вокруг деревянного настила была обсыпана песком и хорошо уезжена. По этому песку и катался Александр на первой передаче, пока Куценко не решил, что пацан освоился и можно выезжать в поселок. Врубай вторую, сначала сцепление, потом рычаг сюда, да не сюда, пацан, куда ты прешь!

Когда он оторвал глаза от рычага коробки передач и посмотрел вперед, на него летели бочки с вертолетным керосином, сложенные штабелем у выезда с площадки. Он крутанул рулем и проскочил, Куценко и отец вразнобой кричали на него. Александр стал высматривать в темноте под баранкой – низкое солнце слепило глаза – тормозную педаль, нашел, поставил ногу, поднял голову и взрезался в поленницу у ближнего забора.

На грохот и крик от соседних домов сбежались люди, принялись оттащить машину. Александр стоял столбом у дверцы и мешал, его толкали. Из носа текла кровь, он утирал ее запястьем. Отец осмотрел ему лицо, ухватив за подбородок жесткими пальцами, достал из брючного кармана носовой платок, сунул в руку и приказал идти домой. Он и пошел, удивляясь тому, что грудь болит сильнее, чем разбитый нос. От калитки к нему бежала мама, белая пыль разлеталась под ее калошами. Здесь в них ходили все на босу ногу.

Машину утолкали в куценковский двор. Отец с соседями допоздна чинил поваленный забор, складывал в поленницу разлетевшиеся дрова. Домой пришел вместе с Куценко, оба смеялись, сели допивать. Отец шумел, что все оплатит, друг мотал головой: сам виноват, моя была идея – и требовал от Александра, чтобы тот не сидел с похоронным видом и вообще в голову

не брал. Но после того случая к отцу не заходил, да и отец не кричал ему, как бывало раньше, по вечерам зазывно через улицу. Не подавая виду, радовалась мама, потому что в одиночку отец не выпивал – так говорил он сам.

– Ну куда вот напластали, – сказала мама. – Пойду Приятелю отдам. – Она взяла миску с растаявшей строганиной, ложки и тарелки со стола и пошла во двор, где была бочка с водой и умывальник с тазиком, совсем как в городе у бабушки. – Хлеб полотенцем накрой.

Александр накрыл, достал из кармана письмо и принялась читать его с начала.

Ему опять казалось, что сквозь неровные крупные строчки она над ним слегка посмеивается. Коновалов сам писал – и говорил между своими – с неприменной иронией, так было модно, и Александр эту моду принимал, ведь если ты над всем не подхихикиваешь, то ты деревня, ты Фома, Степан и далее по списку. Сморозившему глупость так и говорили: ты Фома! И подразумевалось, что там, под смехом, глубоко внутри мы умные, серьезные, всезнающие, и защищаемся усмешкой от скучного и пошлого мира стариков, а стариками были все, кто старше нас, даже студенты. Мир делился на нас, стариков и деревню, не ведающую, что такое решетчатый резервуар, водруженный на четыре моноциклических агрегата, и плакавшую над пустыми виршами Асадова. Так что в ее письмах все звучало правильно, выдерживался стиль, и сам он тоже строчки в простоте не написал. Только он дурачился над самим собой, а она, получалось, дурачилась над ним. Не зло, конечно, но посмеивалась. И даже в письмах – особенно в письмах – была как бы взрослее его. Все прежние девушки Коновалова, их с седьмого класса насчитывалось целых три, смотрели на него немножко снизу, он это чувствовал, пусть и задирали девичьи носы и строили из себя все то, что полагалось строить. Она же, ростом до плеча, всегда была на равных, если не повыше, невнятным образом и лстя ему – смотрите, с кем хожу, – и удивляя этим и пугая Коновалова. Может быть, она так защищается, думал Александр, нечитывая тетрадный лист без обращения и подписи внизу. Скоро домой, нет смысла отвечать.

Вернувшиеся из конторы пить и закусывать не стали, попросили чаю. В избе было слышно, как разгоняет турбины и раскручивает винты вертолет Лохматова. Все пошли провожаться. Сестра подпрыгивала на песке, шлепая себя по худым ногам веткой с редкими листьями. Отец приобнял маму за плечо, возле него сидел Приятель с прижатыми на вертолетный рев ушами. Машина поднялась над бревнами настила, по дуге пошла вперед и вверх, слегка заваливаясь вправо, и полетела в сторону Березово. Ее уже не стало видно в небе, а звук мотора еще долетал. И взлет был лохматовский, фирменный; неужто сам за ручку взялся?

– А я еще бы стопочку хватил, Дуся, – сказал отец, когда вошли в избу. – Вот ведь как жизнь поворачивается.

– Да хорошо все будет, Боря, – сказала мама. – Слушай, я рыбу-то собаке отдала... Еще подрезать? Вон в телогрейке холодная.

– Со сковородки поклюю. Ты, это, завтра на обед уху свари из головы с хвостом, а рыбу вечером нажаришь.

– Сама так думала, – сказала мама. – Что-то Миша сильно похудел. Болеет, что ли?

– С нашей работой без болезни похудеешь. Что, мелкая, обьелась?

– Ничего я не обьелась, – сердито сказала сестра.

– А чего за живот держишься?

– Я спать не хочу, вон девочки еще гуляют.

– Мало ли кто там гуляет, – сказал отец. – По графику отбой.

Сестра сидела, сцепив пальцы замком на животе. Она так наловчилась делать еще маленькой, если ей что-то не нравилось. Когда к ней обращались, только дергала плечами. Коновалов ее передразнивал, сестра бросалась на него и молотила кулачками. Да она больше пацан, чем ты, любил подначивать отец. Александр ни разу в жизни по-серьезному не дрался – сам не лез и умел договариваться. Парни из класса, где училась его нынешняя девушка, хотели его отлупить, но он и здесь сумел договориться, обошлось без драки. Классная руководительница однажды сказала Коновалову, что ему с таким характером следует пойти по профсоюзной линии. Александр впервые подумал тогда, что классручка не так умна, как полагали окружающие.

Мама и папа спали в сенях на деревянных низких нарах. Сестру укладывали на широкой лавке, устеленной вчетверо сложенным стеганым одеялом. Александру отвели отцовскую кровать с панцирной сеткой. Все огораживались марлевыми пологами. По первости, в прошлое лето, он с непривычки приваливался к пологу во сне и просыпался с опухшим от комариных укусов плечом. Утром мама их будила, гнала наружу умываться, сама же все обрызгивала «Примой» и тоже выходила на крыльцо. Так они ждали минут десять, потом входили и сметали дохлых комаров, пока мама готовила завтрак – обычно омлет из сухого яичного порошка и такого же сухого молока, иногда для сытности добавляя банку говяжьей тушенки (отец говорил: ералаш).

Нынче утром завтракали бутербродами с тюменской колбасой. Коновалов вспомнил про заказанную на обед противную уху и попросил сухпаем пару бутербродов, сославшись на предстоящий сегодня экзамен по сварке.

В ремонтных мастерских он еще с прошлого года обжился и знал там всех по именам и отчествам. Все тоже знали, что он сынок начальника, и долго не могли решить, как же к нему относиться. При разговорах косились на него или подчеркнуто не замечали – дадут работу и забудут. Да и работа-то была: тут подмети, там приберись, перетащи туда, поставь сюда. Все ждали (Александр тоже), что непременно явится отец с проверкой – как там сын, не обижают ли его. Отец не пришел в мастерские ни в первый день, ни в первую неделю, ни далее. И как-то все наладилось само собой. Не сказать, что он стал для рабочих своим в доску, но пустоты вокруг уже не ощущал. Его учили слесарному делу. Он вырубал зубилом заготовки из мягкого железа для каких-то муфт, наворачивал резьбу на тонкие болты, пилил из профиля уголки и прогоны, гнул в тисках киянкой прутья под нужным углом и прибирал потом рабочие места за собой и дядей Костей, мастером участка и его учителем. В соседнем цехе разбирали для ремонта дизели, и Коновалова посылали туда мыть в ведре с соляркой мелкие детали и драить проволочной щеткой детали покрупнее. Когда починенный и выдраенный дизель начинали собирать, Александр по нужде и без нее заглядывал туда и любовался, как из засранного и убитого (так здесь выражались) грязного куска железа складывается умная, сложная, почти живая, тихим блеском внутри отливающаяся красотища.

А поначалу ведь он не мог дожидаться, когда же стрелки на больших часах под шиферным копченым потолком покажут пять часов, и он через поселок побредет из промзоны домой. Он выполнял указанное «принеси-подай» и ждал другой команды, стоя дураком, пока она не поступала. И вот пошла работа. Пусть еще не норматив, не выработка, но Коновалов уже знал, покаяя мастерские, чем будет заниматься завтра и чему учиться.

Этим летом он учился сварке.

Наловивши по неопытности «зайцев», Александр три ночи не мог нормально спать от жуткой рези в глазах, кое-как спасаясь мокрой тряпкой. Через это проходили все ученики, не умевшие сразу попасть электродом куда

надо и потому выглядывавшие из-за щитка на первые вспышки контакта, что и называлось «наловить зайцев». Теперь был понедельник, и Коновалов ждал экзамена на сварочный разряд.

Учил его все тот же дядя Костя, а принимать должна прийти комиссия из техотдела буровой конторы.

Дядя Костя отвел Коновалова в огороженный заборчиком угол рабочего двора, где были кучей свалены различные железные отходы.

– Вот, – ткнул рукою дядя Костя. – Выбирай что хочешь и работай. Главное – трубы покажи, они по трубам всегда смотрят. И после резки края напильником не зачищай, их не обманешь. А по швам чтобы все петли показал. Ты меня понял?

Двоем они притащили сварочный аппарат, подключили его. Александр получил в инструменталке щиток, держак и пачку электродов. Дядя Костя сказал ему:

– Робу надень. И потом сиди в ней, не снимай, они это любят. После трех должны прийти. Ты, как закончишь, позови – я погляжу.

Солнце палило по-страшному, в робе было жарко, а еще сварочный шлем на голове, похожий на танкистский. Александр варил и резал до полудня. Сбросил робу и шлем прямо наземь, отключил на щитке аппарат. В служебке налил себе общего чаю и пообедал бутербродами с теплой на вкус колбасой. Обедавший здесь же учитель спросил его, закончил или нет. Коновалов в ответ помотал головой, рот был занят.

– Все равно покажи.

Дядя Костя неспешно шагал через двор мастерских, Александр с нехорошим предчувствием топал следом. Учитель обогнул край заборчика, остановился и сказал:

– Мать твою за ногу!

В киножурнале перед фильмом Коновалов однажды видел репортаж с зарубежной выставки современного искусства. Выставку ругали за «абстракт». Коновалову врезалась в память странная конструкция из всевозможных железяк, похожая на человекоптицу. Замахнуться на копию он не решился, но сам принцип конструкции был интересен.

Любимая присказка дяди Кости давно переросла в его прозвище. За глаза люди так и спрашивали: Матьтвоюзаногу где? Длинно, однако всем нравилось. Сам Коновалов даже в мыслях подобного себе не позволял. Он слышал от рабочих, что давно, еще при Сталине, дядя Костя сидел где-то севернее за немецкий плен, строил железную дорогу, ее потом забросили и позабыли, а дядя Костя так и остался в здешних местах. Александр его уважал и побаивался. Было ощущение, что учителю все ясно: в жизни, в людях, в работе (этим он походил на отца), тогда как в обществе школьных друзей было модно во всем сомневаться, все ставить под вопрос, и тех, кому «все ясно», воспринимать с усмешкой. Но вот над дядей Костей усмехаться почему-то не хотелось.

– Ну ты и наварганил.

Надев очки посильнее, дядя Костя обследовал швы и срезы, почти утыкаясь в них носом (обнюхивает, что ли, весело подумал Коновалов), распрямился и сказал:

– Сойдет.

Что за вредный старик, никогда не похвалит открыто, только «сойдет» или «не пойдет». Последнее, правда, слышалось все реже, старик был хорошим учителем, да и Александр старался, в один момент поймав себя на мысли, что ему нравится стараться.

– Я еще повоюю, если можно.

– Возись. И это, коврик-то под ноги постели. Лопухнулись мы с тобой перед проверкой, а? Давай бегом, скоро придут.

В работе никто никогда не стелил себе под ноги кусок резины, по инструкции обязательный и называемый ковриком. Зачем, когда и так все в мастерских ходят в резиновых сапогах. Отец научил Коновалова наматывать портянки. Удобнее и мягче, чем в носках, нога в сапоге не болтается и не потеет. Как-то раз он перематывал портянку в мастерской, дядя Костя заметил и кивнул с одобрением. Приятно было чувствовать себя, как все, нормальным мужиком.

Ни в три, ни полчетвертого комиссия не появилась. Коновалов принес от гаража ящик из-под стеклотары, поставил у забора в тень и сидел на нем в робе, разглядывая свою конструкцию, пока не надоело. Потом ходил вокруг нее и шепотом читал «Руслана и Людмилу» – отрывки, что выскакивали в памяти. В четвертом классе у него случился срыв, он ничего не мог запомнить из прочитанного, тогда как раньше, пробежав глазами текст, на спор шпарил страницами. Вечному отличнику стало трудно держаться на уровне, пошли четверки, Александр нервничал, мама таскала его по врачам, те разводили руками и обещали, что с возрастом память вернется. Память действительно вернулась, но не такой феноменальной (гордое папино слово), как была, а вполне обычной, приходилось ее напрягать. Зато сама собой всплывала в голове – не вся, но большими кусками – легко заученная в детстве ерунда: царь Салтан и прочая Полтава. Девушке, с которой он нынче ходил, именно эта ерунда и нравилась, и когда Коновалов не знал, что сказать (вернее, знал и хотел, но боялся), он декларировал стихи, она слушала и улыбалась.

В пять часов, если не было аврала, мастерские обычно шабашили. Дядя Костя запер двери на висячий (здесь говорили: амбарный) замок и принес ключ Александру.

– Сунешь знаешь куда. Жди, придут.

– Прибраться надо?

– Нет, не надо. Причиндалы занеси, сварку завтра затащим.

Первые в жизни часы марки «Восток» Коновалову подарил отец на окончание школы. Он мог купить и сам на прошлогодний заработок, но почему-то и в голову не пришло, хотя у всех парней в его компании часы были давно и Александр им слегка завидовал. Отцу купил, а себе нет. Может, потому и нет, что купил отцу. На работе он снимал часы с руки и прятал в нагрудный карман старой отцовской рубашки, выданной ему под спецодежду, застегивал карман на пуговицу и постоянно чувствовал там неназойливый вес. Закончив сварку, Коновалов надел часы на левое запястье – так носили все, кроме отца, – и лучше б этого не делал: лазить часто в карман было лень, а тут вертел рукой перед глазами постоянно, отчего время тянулось зануднее.

Услышав во дворе шаги, он вышел за угол забора и помахал рукой: я здесь. На часах было пять тридцать две пополудни. В старых книжках так писали – пополудни, и Коновалову это понравилось.

Пришли начальник техотдела и две тетки – сердитые, уставшие. Начальника отдела Коновалов знал, по выходным писал ему красивым почерком настенные инструкции, и теток тоже видел в конторском коридоре.

– Это? – не здороваясь, спросил начальник.

– Это, – сказал Коновалов.

Начальник схватил конструкции за ближнюю к нему трубу и коротко потряс. Ничего не лопнуло и не отвалилось.

– Третий разряд, – сказал начальник, и тетки подтвердили: третий.

– Завтра зайти в отдел, в протоколе распишешься.

ПОЭЗИЯ

Игорь КИРИЛЛОВ

Полюбить этот край тяжело

Птица ль с криком легла на крыло,
Дождь во мрак ли вползает тревожно,
В каждом звуке я слышу одно:
«Полюбить этот край тяжело,
Разлюбить этот край невозможно».
Полюбить этот край тяжело –
Двое суток бредем бездорожьем,
Только все, что прошел, то мое!
Разлюбить этот край невозможно.
Пусть беда постучится в окно,
Пусть судьба ухмыльнется острожно.
Но со мной, как спасенье мое:
«Полюбить этот край тяжело,
Разлюбить этот край невозможно».

Вдоль тракта

Неприметные дома,
развалюхи, недотроги.
В них история сама
расселилась у дороги.
Помнят посвист ямщиков
эти низкие оконца,
Утром испокон веков
в них заглядывает солнце.
И о тусклое стекло
Разбивался взгляд прощальный.
Время между рам текло,
Разбавляя звон кандалный.
В нем проклятия и плач.
Ветер дерзкий грозно воет.
Где-то узнику палач
пятерней глаза прикроет.
Узник в лица палачам
Перед смертью рассмеялся.
Смех тот слышен по ночам,
Он меж бревен жить остался.
Где-то в недрах чердаков
Тех домов подслеповатых,
Что стоят во тьме веков,
Словно в чем-то виноваты.
Обрели они приют у обочины дороги.
Все стоят, чего-то ждут,
Развалюхи, недотроги.

Баба Маша, или Зима в деревне

Зима страшит ее бездельем,
Аморфностью своей страшит.
И тем, что новый понедельник
Уйти немедленно спешит.
Смешит метель, швыряет снегом.
Зима морозами грешит.
И под тяжелым серым небом
Равнина скорбная лежит.
Бело.
Дорог нигде не видно,
Над крышами столбом дымки.
А ей порой бывает стыдно
За бесполезные деньки.
За то, что пусто на подворье.
И нищета, как тошнота –
Застряла тяжким комом
В горле.
А в сердце правит темнота.
Нет даже малого просвета,
Надежды тоже больше нет.
И даже скорбного совета
Никто не сможет бросить вслед.

Тетка Таня

Снова пятница, и снова тетка Таня
Баню топит, сына в гости ждет.
Топит духовитыми дровами,
Жар ядреный стелется, течет.
Греется вода в железном баке,
Веничек березовый влечет...
Вот уже четыре года с гаком
Сын маманьке весточку не шлет.
То, что не звонит, не пишет, – ладно.
Передал бы с кем-нибудь привет.
Тетка Таня стойко ищет правду.
Каждый месяц ходит в сельсовет.
А над ней всю смеются,
Кличут ненормальной за глаза.
Вот еще один запрос вернулся
Да в конверте лег за образа.
Лег-лежит спокойненько, не дышит.
В нем все омертвляющий ответ:
Пишут – сына нет среди погибших
И в госпиталях парнишки нет.
Осень ли пожалует с грибами,
По реке прокатит ледоход –
Тетка Таня стойко топит баню,
Свято веря в то, что сын придет.

Рыбалка

Только водная гладь,
Да перо поплавка чуть дрожит.
Как всегда, на рассвете
Ждешь только отличного клева.
Выбираясь сюда, понимаешь,
Как здорово жить
И о чем говорят эти мощные
Старые клены.
Снова учишься слушать
И слышать, как шепчется
С лесом трава,
Как о прошлом вороны кричат
Да трещат заводные сороки...
И стремишься узнать,
Чем же дышит родная страна,
А еще угадать все
Про новые вехи и сроки.
В небе, как облака,
Чередой все идут миражи,
Рассыпаясь на части
И вновь в табуны собираясь...
Небольшой ручеек чуть поодаль
Беспечно бежит.
Прикрывая лицо
Да святой простотой притворяясь.
Но в означенный срок
Разорвет берега ручеек,
Да бурлящей волной
Прошвырнется по дремлющей пойме.
Будет горек урок
И печален итог –
Но однако должны
Принимать мы все это спокойно.
Что поделаешь, если
Таков наш характер и нрав:
То тихонько журчать,
А потом бунтовать и яриться...
Только годы спустя мы узнаем,
Что каждый по-своему прав.
Как бы нам научиться прощать,
Научиться мириться.
Ох и славный денек!
И полынь молодая горчит,
Земляника лесная нас балует
Сладким дурманом,
Достает солнцепек,
Под собой уж не чувствую ног.
Обещает быть вечер
Негромким и ласково пряным.

Ну а что же рыбалка?
Похоже, она удалась –
На кукане – плотва,
Здесь же благостно-тихий подлещик.
Ах как радует глаз
Этот жирный отъевшийся язь,
Что своим серебром
С напускной горделивостью
Блещет.
Да, задался денек,
Он один из немногих такой –
Словно свет золотой,
Что исходит от родины малой.
Он подарит покой,
Ну а если схлестнешься с бедой –
Путь тебе он укажет
К родным берегам и причалам.

Моим землякам – генетически ссыльным

Ваше сиятельство, нежная пани...

«Ваше сиятельство, нежная пани»,
Ночь за окном воет зверем стреноженным,
Гулко звенит кандалами, штыками...
«Ваше сиятельство, чем вы встревожены?
Вам померещилось...»
В зареве душном рубятся всадники,
Рушатся конники...
Холод безмолвия выстудил душу,
Ногти вонзились в эмаль подоконника.
«Нужно ли вам это, нежная пани?
Темень пронизывать взором отчаянным,
Вам вечера коротать бы с гостями
За разговорами, бриджем и чаем.
Выживет в сече, выпадет каторга.
Так уж судьбой для него уготовано.
Жизнь будет верстами мерять этапными,
Чтоб заслужить лишь забвенью потомков.
Ваше сиятельство...»
Не отвечает. Шубу накинув на девичьи плечи,
Не повернув головы на прощанье.
Сходит с крыльца
И берет ее вечность.
Время течет над местами острожными,
Песней негромкой плывет над веками:
«Ваше сиятельство, чем вы встревожены,
Чем вы взволнованы, нежная пани?»

Отпуск

Я отпуск свой нежно люблю
Над тихой речушкой Непрядвой.
Здесь дети, и женщина рядом,
И прялка бормочет в углу.
С утра – бутерброды и чай,
Щи, тефтели, каша к обеду.
А вечером – книги, беседы.
Живи да не очень скучай.
Заводит рулады сверчок,
Вот кошка вчера окотилась.
Ну чем же, скажите на милость,
Не вечный уютный шесток?
Но день так пройдет или два –
И ляжет на сердце тревога,
И дальняя станет дорога
Милее родного угла.
Скорее, в застывший балок –
К тушенке и грязным матрацам.
Туда, где полярная трасса
Замеряет твой потолок,
Туда, где на стыках трубы
Швы полнятся стынущей синью,
И ты прикипаешь к России,
Иной не приемля судьбы.
Все будет – наград круговерть,
Где к месту, а где и не к месту.
Ах как будут славно греметь
Литавры парадных оркестров.
Но путь свой итожа крутой,
Как высшую примешь награду
Тот домик над тихой рекой,
Где дети и женщина рядом.
Где буйствует вечный сверчок,
И кошка вчера окотилась,
А счастье там в щель закатилось,
Как стертый седой пятачок.

Кинжал

Завалился за диван
Недочитанный роман,
А в углу стоять остался
Нераскуренный кальян.
Под стеклом кинжал лежит,
Был когда-то знаменит.
Холодно ему и скучно –
Кто его развеселит?
Кто возьмет его с собой,
Чтоб вступить в тяжелый бой?

Только бой ему не светит.
Он ничей, ни твой, ни мой.
Он – музейный экспонат,
Посетителям он рад,
Но они проходят мимо
Вот уж много лет подряд.
Кто бы с ним потолковал,
Он бы много рассказал:
Про походы и про битвы,
С кем дружил, кого знавал.
Он не стал бы рьяно врать,
Сказки о себе слагать.
Это люди привирают,
А стальному что скрывать?
Много знает ветеран:
Кто раскуривал кальян,
Как писал роман хозяин,
Правда где, а где обман.

Как хозяин жил-служил,
Чьею дружбой дорожил.
И за что на самом деле
Голову свою сложил.
Но хозяин мифом стал,
А кинжал в музей попал.
В гроб стеклянный положили,
Чтобы много не болтал.

Вот он под стеклом лежит.
Сделал вид, что будто спит.
Верит, что наступит время,
Он тогда заговорит.
Но коварное стекло знает:
Время истекло.
Если узник что расскажет –
Не поверит в то никто.
Не услышит, не поймет,
Близко к сердцу не возьмет.
Никому не интересно –
Дел своих невпроворот.

ПРОЗА

Сергей КОЗЛОВ

Возвращение

Он еще раз посмотрел на сад. Почему-то больше всего жалко было именно сад. Посаженный еще прадедом, он словно впитал в себя любовь и труд нескольких поколений. Гуляя по нему, можно было услышать память: сухой кашель деда, раскуривающего самокрутку; ласковое бабулино «возьми яблочко»; окрик отца: «Илюха, неси известку!»; смех младшего брата...

Продать можно было дом, который они заново отстроили с отцом еще в семидесятом, продать можно было сад, который благодаря заботе стариков исправно плодоносил все эти годы, продать можно было мебель, которую ныне можно увидеть только в кино о сталинских временах, продать можно было мотоцикл и почуханный отцовский «запорожец-ушастик», но память продать нельзя. И теперь Илья Семенович мучился, сравнивая понятия «продать» и «предать».

Тридцать лет он приезжал сюда в отпуск, щедро растрачивая свои невиданные на Краснодарщине северные зарплаты, заваливая родственников подарками, соленой и вяленой рыбой. За эти тридцать лет никто и никогда не упрекнул его за то, что сразу после армии он подался на Север за длинным рублем. Никто не упрекнул его, когда он, обустроившись на новом месте, переманил туда и младшего брата. Только когда Иван погиб из-за несчастного случая на буровой, отец на поминках вытер единственную слезу и горько сказал Илье:

– Вот он, ваш север-то...

Но и это был не упрек, а констатация факта что ли...

Илья Семенович вернулся сюда доживать свой век. Так делали многие. За тридцать лет в сибирской тайге он не заработал миллионов, а то, что заработал, сгорело в огне инфляции, свалившейся на головы честных работников рыночной экономики. Мотаясь по буровым, он потерял семью. А потеряв семью, потерял и смысл вкалывать.

Вот и продал он свою «шестерку», продал мебель и подался в пустовавший родительский дом. Не успел только продать квартиру, хотя последнее время в поселке они были нарасхват. Молодежи прибывало. А Илья Семенович перед самым отъездом пустил к себе пожить молодую семью, пока у той решится проблема со своим жильем. Ему в трех комнатах даже пустовато было.

Когда же подошел срок уезжать, не хватило духу попросить их освободить помещение. Как-никак – годовалое дите на руках. Так и уехал. Только сказал на всякий случай:

– Может, вернись еще... Коммунальные исправно платите.

Сад... Почему больше всего жалко сад? Ведь работал-то здесь только летом, от случая к случаю. Старику-отцу многое уже не по силам было.

Покупатель-сосед не подгонял. И когда замечал, что Илья Семенович впадает в раздумья, уходил на свою половину, даже сам уговаривал:

– Может, останешься, Семеныч? Куда тебе еще мотаться? Вон у нас пенсионеры на станцию ходят, фруктами-овощами торгуют и ничего – живут. И ты проживешь. Климат-то какой, да и родная земля...

– Где она теперь – родная земля? Да и вообще – я работать привык. От тоски либо сопьюсь, либо инфаркт приголубит.

Бывший председатель бывшего колхоза, а теперь директор закрытого акционерного общества встретил Илью Семеновича коньяком, но разговор повел с места и в карьер:

– Не, Семеныч, работы нет, своим не знаю, чем платить. А ваших, знаешь, сколько сейчас возвращается. Что у вас там в Ханты-Мансийске – ханты и манси вас со своей земли выживают? Или работы нет?

– Никто у нас никого не выживает, – ответил, вздохнув, Илья Семенович, больше всего его обидело это «у вас там», четко определившее, что здесь он за своего уже не считается, – там вообще все мирно живут. За Уралом земли на всех хватит и еще останется, и нефти еще лет на двести, а то и боле. Если только добывать по уму. Думаешь, твои яблоки и груши за граница покупает?

– Да знаю, знаю... Наши-то фрукты хоть воском для блеску и не крытые, но врачи говорят – экологически чистые. Я своим внучатам всю эту импортную ботву есть запрещаю!

– Не горячись. Не я в стране порядки устанавливал и на нефтедоллары коттеджей себе не строил. Я ведь приехал век скоротать. Жена ушла, дети выросли, свои семьи у них... Хотел под родным кубанским солнышком кости погреть, а то у меня полжизни ледниковый период. Специальностей у меня, сам знаешь, сколько... А работы там хватает для тех, кто от нее не бегаёт, кому на пособия жить тошно.

– Не могу, Семеныч, не жалобь ты меня... Разве что сторожем, да и то сезонным.

– Ну-у, это ничем не лучше, что у поездов торговать...

Помолчали, выпили и разошлись.

Дня два Илья Семенович просидел у родных могил на погосте. Поправил оградки, покрыл лаком большие деревянные кресты, а все больше грустил, уставив глаза в землю, словно ждал, что дадут ему родимые совет с того света. Но могилы, как и положено им, молчали.

Прежде чем решился продать дом и сад, с неделю ходил по проселочным дорогам да дивился, какие невеселые нынче стали станичники. А уж столько пьяных он в этих местах никогда не видывал. Правда, кое-где сады были ухожены, и стояло на окраинах несколько кирпичных особняков, выстроенных по всем правилам комфортной индивидуальной жизни. Стало быть, не везде разор и запустение, думал Илья Семенович. И наверняка не всяк из этих «новых казаков» вор или бывший директор торго, небось и своим трудом кто нагорбатил. Как раз у этих домов хваткие хозяева предлагали Илье Семеновичу то поденщину, то работу по контракту, но за те деньги, что они ему сулили, Семеныч на севере даже гаечный ключ в руки не брал.

Лето еще не кончилось, и на полученные за дом и сад деньги можно было поехать куда-нибудь к морю, но настроение было далеко не курортное. Покупая билеты на поезд (захотелось проехаться через всю страну, да и дешевле), Илья Семенович мысленно благодарил Бога за то, что не успел продать квартиру в Горноправдинске. Да еще крутилась в голове фраза, сказанная начальником экспедиции на прощание: «Если что не так, Семеныч, возвращайся, таких работников, как ты – еще поискать. Тебя с удовольствием возьму обратно». «Да я вроде как и так возвращаюсь. Домой. На Родину», – ответил Илья Семенович. Билеты взял традиционно –

с пересадкой в Москве до Тюмени, а уж там решит так: либо до Правдинска «только самолетом можно долететь». Вертолетом. Можно еще по Иртышу на барже, если удастся встретить кого-нибудь из знакомых, кто возвращается из отпуска или командировки на машине.

Москва встретила жуткой вокзальной суетой, от которой мельтешило в глазах. Можно было, конечно, почтить столицу прогулкой и неизбежной тратой денег на каждом углу, но Илья Семенович, погруженный в свои мысли, двинулся к метро, чтобы переместиться от вокзала к вокзалу. А если уж купить, так только журналов и перекусить в поезд. Единственное, что отметил беглым взглядом – Москва вроде как стала чище, только люди казались еще более озабоченными, может, немного озлобленными, да изобиловала столица как всегда «добродушно»-нагловатыми прощельягами аферистами. Вспомнилось, что раньше всей семьей ехали сначала на Красную площадь, подолгу любовались храмом Василия Блаженного и, конечно же, шли за покупками во всенародный магазин ГУМ. Но в этот раз, несмотря на торжество новой капиталистической жизни, хотелось поскорее обратно в поезд.

Уж непонятно почему (а может, так и есть), Казанский вокзал виделся Илье Семеновичу всегда грязнее, чем остальные. И сейчас это впечатление не изменилось. Что-то в нем, конечно, было от Казанского кремля, но и ощущение вечной несмываемой грязи тоже было... Даже бомжи в этом районе были самые оборванные и зачуханные.

Поезд отходил только вечером, кроме посещения гастронома, пришлось еще некоторое время шататься по окрестностям, отмахиваясь от назойливых зазывал в различные «народные» игры и лотереи. За час до поезда Илья Семенович забрал свои вещи в камере хранения и решил пойти на перрон. Камеры хранения находились в подвальном помещении, там были и автоматические, и обычные – несколько окон, где дремали или резались в карты широкоплечие работники далеко не пролетарского вида. Когда они сменили тщедушных старичков и пышнотелых женщин в засаленных спецовках? Чем это место прибыльно или престижно для них? Такая мысль то ли мелькнула, то ли еще только рождалась, чтобы подвергнуться всестороннему обсуждению в голове Ильи Семеновича, когда он уже подходил к лестнице, ведущей из подвала...

– Помогите!.. – это больше походило на крик шепотом.

За локоть его взяла молодая испуганная девушка, готовая в любую минуту расплакаться от отчаяния.

– Помогите, – повторила она, видимо заметив, как медленно «въезжает» в окружающую реальность этот пожилой мужчина, – меня хотят ограбить...

– А милиция? – пришел в себя Илья Семенович.

– Что Вы?! Какая милиция! Они же занимаются уже совершившимися преступлениями, а если я им скажу, что меня еще только хотят ограбить, они будут только смеяться да пошлют подальше.

Очень походило на правду.

– Да и купленные они здесь, – аргументировала дальше девушка, – все знают, что вокзальные фараоны заодно с бандитами, даже наводят сами. Челночников долбят. Милиция с этого процент имеет...

– Ну а чем я, собственно, могу помочь? Я, как видишь, милая, далеко не супермен.

– Ой, ну что Вы! Я же Вас не битья с ними прошу!

В таких случаях нормальный человек чувствует подвох и опасность сразу же, но она словно гипнотизировала Илью Семеновича своим липким шепотом. Да и воспитан Илья Семенович был в старых традициях, когда не принято было отказывать человеку в нужде, особенно если ему грозит опасность. Он даже четко и ярко помнил времена, когда прохожие на улицах не боялись подходить к хулиганам и делать им замечания. Нет, он прекрасно знал, как и насколько изменился мир с тех пор, но сам верил и другим говорил, что добрых людей на свете больше.

– Вы мне только сумки до вагона донесите. При Вас они наехать не посмеют, а уж в вагоне – там я сама. – И все увлекала его с собой обратно к окнам, где выдавали багаж.

Сделав первый шаг вместе с девушкой, Илья Семенович уже не мог повернуть назад. Последние его подозрения развеялись, когда она достала свою квитанцию из своего паспорта, и большой рыжий детина, неохотно отбросив карты и ругнувшись на «неовремя», проверил квитанцию и подал ей две большие клетчатые сумки, с которыми обычно промышляют челночники.

Сумки оказались не очень тяжелые, хотя вид имели внушительный. «Тряпье», – невесело подумал Илья Семенович, а девушка уже задорно щебетала ему о Свердловске-Екатеринбурге, о каком-то еще Алапаевске, о тетке, которая вместо нее стоит на рынке, «а сама я в детском саду работаю», о спившемся муже...

Короче, все как полагается. Житье-бытье первому встречному, вагонному-ресторанному. Одна из загадок русской души?

А когда выяснилось, что у них даже поезд один и вагоны рядом, девушка, назвавшаяся Мариной, уже как закадычного друга попросила Илью Семеновича подождать ее под табло, а она сходит и купит себе в «Роспечати» последний «Космополитен». С тем и растворилась в толпе. Семеныч даже сказать ничего не успел и через пару минут послушно занял место под табло, прижав свои и чужие сумки к парапету, на который присел и сам.

Вокруг сновали люди, их чемоданы и сумки, бродили бомжи, выжидательно поглядывая на мужиков, утоляющих жажду пивом. Подумалось о пиве, потом о холодном шампанском. Следовало, наверное, взять пару бутылок, выпить с новой знакомой за возвращение. Но больше всего хотелось – на верхнюю полку купе и смотреть в окно...

– Да вот он!.. Вот же он! Даже не прячется! – Илья Семенович не подозревал, что эти слова могут быть обращены к нему. Дошло до него, только когда сухощавый милиционер ловко вывернул ему руку и шепнул: «Двигай и не дергайся». Возражения застряли в горле Ильи Семеновича вместе с дикой болью, скользнувшей туда из вывернутой за спиной руки. Еще через полминуты и вторая его рука присоединилась к первой, и за его спиной застегнулись наручники. Рядом с милиционером оказался еще какой-то верзила с нагловатой, пару дней не бритой рожой, а кричала «вот он» его новая знакомая, которую он только что хотел напоить шампанским.

– В чем дело-то? – наконец смог спросить Илья Семенович.

– Шагай! – подтолкнул его мент. – В отделении расскажешь.

Самым страшным для Ильи Семеновича было шагать сквозь толпу со скованными за спиной руками и ловить на себе любопытные и заранее ненавидящие взгляды добропорядочных граждан. А говорила когда-то мама: от тюрьмы да от сумы не зарекайся... А может, нет ничего верней, чем аксиома: беда не приходит одна?

Вотделении – забегаловке из двух комнат и «обезьянника» – было душно, за столом чинно восседал лейтенант и только бросил на Илью Семеновича беглый взгляд, сразу же обратившись к девушке, которую Илья Семенович знал как Марину.

– Вы узнаете свои вещи, пострадавшая? Можете перечислить, что находится в сумках?

– Да там даже паспорт мой есть. А квитанция багажная, скорее всего, у него. Вы проверьте! Я как увидела, что он мои вещи получает – сразу к вам, специально у дальнего окна караулила, как только поняла, что квитанцию украли. И деньги...

Илья Семенович уже все понял, но ему даже в голову не приходило, что он мог на это возразить. Квитанция действительно была в его кармане. Точнее, не квитанция, а какой-то счет, который выдали при получении. На хрена он сунул его в свой карман? Заговорила?

– Сообщники? – спросил сержант и подтвердил свой вопрос ударом дубинки по ногам.

Илья Семенович тут же осел на пол.

– Подожди, не налегай! – остановил замахнувшегося по второму разу сержанта лейтенант.

– Правовое государство, твою мать! – вдруг вырвалось у Ильи Семеновича.

Далее дознавательно-следственная машина раскручивалась по давно отработанному сценарию. Актеры даже не стеснялись фальшивить, ехидно улыбались, рылись в вещах и документах Ильи Семеновича. Небритый верзила оказался свидетелем, которого гражданка Лямкина (вот же фамилия!) успела пригласить, когда Савельев И.С. получал ее вещи из камеры хранения. Лейтенант с сержантом старательно нагнетали обстановку перечислением возможных сроков, которые Илья Семенович получит. Гражданка Лямкина стремительно расписывала заявление, сержант то и дело тряс Семеныча за грудки, а лейтенант поминутно набирал номер, чтобы вызвать по телефону машину за Ильей Семеновичем. Но, видимо, там от веку было занято. По сценарию.

Кульминация спектакля наступила, когда составленный протокол подписывал осведомленный о даче ложных показаний свидетель. Верзила вдруг смягчился лицом, с явным сочувствием посмотрел на Илью Семеновича и дрогнувшим от душевных переживаний баском обратился к Марине Лямкиной:

– Слышь, девах, может, пожалеешь мужика. Сумки-то при тебе. Что ему теперь, за шмотки твои последние годы по зонам мотаться? Умрет ведь, блин... – Но самая существенная часть речи защитника прозвучала уже более весело: – А он тебе моральную компенсацию оплатит? Правда, мужик?

– Это, конечно, Ваше дело, гражданка Лямкина, – подыграл лейтенант, – хотя нам раскрытое преступление не помешало бы. Премии, награды.

Сержант ехидно хохотнул. А Марина с хорошо отыгранной ненавистью глянула на сидевшего на скамейке Илью Семеновича.

– Сколько? – дошло до Ильи Семеновича. Как сразу-то не догадался.

– А сколько у него там есть? – как бы без интереса полюбопытствовала гражданка Лямкина.

Это были деньги за дом и сад, а еще добрая половина отпускных.

Лейтенант назвал сумму так, будто он ежедневно получает такую

в качестве административного штрафа с граждан, нарушающих общественный порядок. Таким же тоном Марина Лямкина запросила почти все, любезно оставляя Илье Семеновичу рублей триста на обратную дорогу.

– Дешево отделается, – решил лейтенант, – но дело ваше.

Прежде чем Савельеву дали уйти, лейтенант прочитал ему назидательную лекцию, завершавшуюся логичным предупреждением:

– Лучше тебе, дядя, больше к нам не попадать.

– Да я бы ему!.. Бля... – сержант, похоже, настолько поверил, что стоявший перед ним мужчина настоящий преступник, что готов был повторить в отношении него задержание бесчисленное количество раз и даже применить пытки для установления справедливости.

Илья Семенович поспешно вышел в кишачье суетой чрево вокзала и двинулся в сторону перрона. За дверью, которую он только что захлопнул, раздался звонкий хохот Марины Лямкиной, да еще прокомментировал что-то лейтенант. Илья Семенович подумал вдруг пойти к окну выдачи багажа: может, тот бритоголовый парень подтвердит, что багаж они получали вместе с девушкой. Но горько усмехнулся над очередной своей наивностью. Никого там не найти, кроме очередного свидетеля его преступления. Да и вообще мысли о мести очень быстро уступили желанию замкнуться, поскорее уйти, а обида почему-то была не на конкретных людей, а на всю матушку-Москву. Он и раньше-то считал, что Москва жрет чужие деньги. Нет, она слезам никогда не верила и не поверит, она верит деньгам. Уж не рачительный Калита ли приучил ее к высасыванию движимого и недвижимого из всех и вся?..

За всю свою жизнь Илья Семенович никогда не жаловался на сердце. Да и другими недугами болел только пару раз. И поэтому, когда сердце заболело, он, не знающий каким образом это выражается в человеческом организме, даже не обратил внимания.

Он просто шел в сторону перрона, с ужасом осознавая, что ко всем бедам – его поезд ушел. И когда уставшее кричать о своей невыносимой боли сердце вдруг треснуло по швам, если они у него есть, ноги у Ильи Семеновича перестали идти, а глаза видеть.

Нет, это не было похоже на киношные падения с ахами и охами и хватанием за грудь, с медленным оседанием на пол. Это больше походило на падение оловянного солдатика, сбитого щелчком играющего ребенка...

Кроме «Склифосовского» в Москве Илья Семенович ничего не знал, поэтому, очнувшись, он решил, что находится именно там.

Глаза медленно привыкали и к свету, и к новой обстановке. Правда, ничего кроме бледно-серого потолка, проводов и капельниц, опутавших его кровать, увидеть ему не удалось. Зато услышал почти сразу:

– Доктор! Алексей Иванович! Больной из семнадцатой в себя пришел!

И уже через минуту увидел над собой лицо молодого, но по-профессорски бородатого мужчины. Он познавательным взглядом заглядывал ему в глаза и щупал пульс.

– Как себя чувствуете? Говорить можете?

– Никак, – ответил на все его вопросы Илья Семенович. Очень тихо ответил, потому что в горле стоял сухой ком.

– Воды! – сообразил доктор.

– У вас инфаркт. Еще нельзя сказать, что был, но уже точно можно сказать, что опасность миновала.

– Ясно, – Савельев с огромным удовольствием выпил полстакана воды.

– В ваших документах не было медицинского страхового полиса. Он у вас есть? Бесплатно мы могли оказать только первую помощь. – Доктор не извинялся, он говорил как привыкший к чужой боли и новой выживательно-капиталистической системе человек. Но и недоброжелательства в его голосе не чувствовалось.

«Опять деньги», – подумал Савельев.

– Могу я Вас попросить? – вновь закрыл глаза Илья Семенович, напрягая размытую темнотой забытья память.

– Конечно, – ответил доктор из новой жизни.

– Позвоните в Горноправдинск. Это Ханты-Мансийский район. В Правдинскую экспедицию и передайте... Телефонограмму что ли? Скажите: Савельев попал в беду, срочно нужны деньги и помощь... Назовите адрес больницы.

– А кому передать?

– Тому, кто ответит.

Первую ночь в сознании Илья Семенович не спал. Да и «надоело» организму небытие, особенно не хотел отключаться мозг. Хотя думать, собственно, было не о чем. Что-то важное в жизни уже кончилось, а новое еще не началось. Под окном какой-то подпитой мужичок горланил новую псевдонародную песню:

На хрена нужны юга,

На хрена столица?!

Улечу на Север я,

Буду вольной птицей!

* * *

Мужики из бригады были в Москве уже через три дня. Двое ехали в отпуск, а друг Ильи Семеновича Митрофанов приехал специально за ним. Кроме денег, они привезли с собой стерлядь для ублажения медицинского персонала и заверения для Савельева, что его ждут на работе. Какие после этого еще нужны лекарства?

Но самое интересное Федор Митрофанов сказал Илье Семеновичу в день выписки, видимо, ожидал докторской уверенности в способности Савельева перенести волнение:

– Жена твоя, Елена, вернулась. Молодым-то дали квартиру. Она теперь в вашей трехкомнатке порядок наводит. Ты это, Семеныч, не волнуйся. Уж не знаю из-за тебя или нет вернулась, а может, ей в этом суверенном Казахстане тоже невмоготу стало. Какая там на хрен национальная терпимость, ежели русские оттуда при первой возможности бегут?

– Вернулась... – только-то и сказал на все это Илья Семенович.

– Да и слава Богу!

– Слава Богу...

Теперь Илья Семенович знал, как болит сердце. И даже понял, что болит оно не только от печалей, но и от переполнения радостью, от ожидания ее.

Баржа, сплошь уставленная машинами, подходила к Горноправдинску. Еще несколько километров – и будет устье Кайгарки. На крутом правом берегу Иртыша, как и сотни лет назад, высились величественные холмы, плотно, словно древние витязи на поле брани, выстроились на них ели

и кедр. Частые буреломы не портили пейзажа, а наоборот, добавляли ему сказочности. На левом пологом берегу тянулись ивняк и луга, изредка, будто призраки давнишних времен, показывались полуразваленные, покосившиеся избы и хозяйственные постройки – заброшенные деревни, да на околицах угадывались заросшие кустарниками погосты...

Сколько бы раз ни возвращался сюда, всякий раз кажется, что несмотря на всю седину прошедших по этому краю времен, здесь все только начинается. Нет, жить здесь нелегко, просто после развала великой державы кому-то досталось теплое солнышко, кто-то выторговал себе синее и черное море, кому-то – близость Европы, кому-то – джихад, а здесь – здесь осталось чувство будущего. Это неправда, что человек ищет, где лучше, он ищет, где есть чувство будущего. «Вероятность наступления завтрашнего дня», – домыслил, как ему показалось философски, Илья Семенович.

Уже показались цистерны ГСМ на берегу и трехэтажные каменные дома на самом высоком холме, когда он задремал, а потом и вовсе погрузился в глубокий сон выздоравливающего человека.

Ему снова приснился сад. Навстречу ему шел отец и, взяв за плечи, сказал, как и несколько лет назад, только без упрека:

– Вот он ваш север-то...

ПОЭЗИЯ

Леонид ТКАЧУК

Арктический вальс (соло на трубопроводе)

Вместо ярких цветочных клумб
На окошках зеленый лук.
И гитару возьмет «колумб» –
И проклюнется первый звук.

И оттает застывший люд,
И чуть-чуть посветлеет мрак,
И сквозь щели земных кают
Соловьем сквозняки споют.

Начинается вальс не вдруг
Под старинную песню вьюг,
Где на тысячу верст вокруг
Пустота и тоска разлук.

Вальс приходит, как добрый друг,
Как лекарство от горьких мук.
И в кольце ваших теплых рук
Закружился полярный круг...

Про мороженое забыл –
Бесконечных ночей накал.
Молодой не остудит пыл
Промороженных труб металл.

Этот край поневоле мил
Тем, кто колышек первый вбил,
Кто подшипники для турбин
На морозе в солярке мыл.

Не напрасно на буровой,
На верхах свою вахту нес –
Вот и город мастеровой
В небеса этажами врос.

Нюют косточки по ночам –
Возраст, сам посуди, не мал.
Только рано спешить к врачам –
Черт возьми, не окончен бал!

* * *

Рассветы детства в дальнем далеке,
Вы в памяти и в сердце не угасли.
Мечтал я о клубнике в молоке,
А уминал картошку в постном масле.

Забрякали монеты в кошельке.
Но видит Бог, старался я напрасно:
Передо мной клубника в молоке,
А я хочу... картошку с постным маслом.

Клятва Сократа

Вместо ярких цветочных клумб
Врачи приносят клятву Гиппократу –
А пресса остается в стороне.
Но сила слов сметает все преграды.
Есть в Слове свойства снадобья и яда –
Нам тоже нужно присягнуть стране.

Всем нам, живущим, забывать негоже:
«Платон мне друг, но истина дороже!»
Так некогда друзьям сказал Сократ.

Клянусь высоким именем Сократа,
Пускай моим пером владеет Правда.
И все, что происходит на планете,
Не искаженным предстает в газете.

А если клятву я свою нарушу –
Неправда искалечит чью-то душу.
И это будет до последних дней
Пятном лежать на совести моей.

Мамин подарок

Мамы моей не стало.
В трудах жила, как пчела.
Лоскутное одеяло
Сыну приберегла.

Мамиными руками
Гладко – к стежку стежок –
Выложен лоскутками
Жизни простой итог.

Бабушкино наследство –
Черный вдовый платок.
Цвет военного детства.
Горький в горле комок...

В моде послевоенной
Белый – любимый цвет.
В блузке обыкновенной
Первый мамин рассвет...

Редко случался праздник.
Платьев нарядных шелк –
Розовый, синий, красный –
На лоскутки пошел...

Сумрак ночей печальных.
Печки остывший жар.
Греет меня ночами
Мамин бесценный дар...

Первый учитель

Память, как старый учебник, листаю.
Вижу ребячью веселую стаю.

Голос учителя нашего слышу:
«Тише, ребята, пожалуйста, тише...»

Ты несмышленишей вывела к свету.
Вместе с тобой мы открыли планету,

Что защищает всех нас от беды
Круговоротом любви и воды.

Память, как старый учебник, листаю.
Первый учитель, ты – мама вторая...

Родительский день

Малюю по кладбищенской ограде
У жизни промелькнувшей на краю.
Прости мне, мать! Прости ты, Бога ради,
За нежность запоздалую мою!
Сейчас она не к месту и некстати –
Белилами печаль не осветлю.

Не жалко для металла белой краски.
Покой твой, мама, потревожил сын,
Казниться обреченный до седин,
Тебе при жизни не додавший ласки.
И сам, как перст, оставшийся один.

Бог видит, не был я с тобой небрежным.
Не бережным – точнее не сказать!
Небрежность мою прости мне, мать!
Как часто получалось по-медвежьи,
Где мог бы по-сыновьи приласкать!

Пора земной любви учиться снова!
Не поздно начинать, пока живой...
Не просто за своих стоять стеной –
Быть щедрым и на ласковое слово.
Свое тепло дарить душе родной...

ПРОЗА

Людмила ЕФРЕМОВА

Паша-тоболяк

Макушка жестких, непослушных волос Паши как-то враз побелела. Я сначала даже не поверила, что это островок седины, думала, белилами нечаянно мазнул. Небольшого росточка, щупленький, Павел Едайкинович Нядонги, как и десять лет назад, и двадцать, наверное, когда я его еще не знала, остается таким же – шумным и трогательно-сентиментальным. И стихи, выходящие из-под его пера, не перепутаешь ни с чьими, настолько они прозрачны, искренни и озорны.

Особую прелесть его речи придает чуть заметная картавинка. Паша умеет заставлять присутствующих не только слушать, но и в какой-то мере становиться соучастниками своих веселых и грустных историй. А рассказчик он отменный, живописует не хуже, чем пейзажи северной природы на крагисе и холсте, которые у надымчан пользуются большим спросом.

ДОЛЯ СИРОТСКАЯ

– Я родился в 1965 году в поселке Шуга Надымского района. Пяти-месячным младенцем после смерти матери попал в Дом малютки. У нее какая-то женская болезнь была, кровью истекла. Матери в ту пору сорок восьмой год шел, она семнадцатого года рождения. Звали ее Сяурта, отца – Едэйко, ему пятьдесят исполнилось, пятнадцатого года значит... Отчество Едайкинович мне потом в паспорте нарисовали, у нас ведь у ненцев их просто не было. Куда было отцу деваться, мы мал-мала меньше: Саша, Татьяна, Борис, Мария, Антонина и я – шестой, вот и отправили меня в Салехард.

Воспитывался там до трех лет. Помню, как с пацанами мастерил вертолеты МИ-4. Они постоянно кружили над нами, рядом находился гидропорт. Мы обламывали алюминиевые ложки и из ручек делали лопасти, а сам корпус вырезали из дерева. Никто нас этому не учил, выпрашивали у кухработницы ножик, вырезали и летали. Играли еще и по-другому. В Салехарде в ту пору самыми крутыми из автомобилей считались «Победы». Высунемся из окна и смотрим. Кто первый заметит машину, тот и кричит: «Моя «Победа»! Моя!»

Году в 68-м или чуть раньше помню, как заклеивали окна бумагой крест-накрест. Потом салехардских жителей почти на сутки вывезли на сталинскую дорогу. Тогда или на Новой Земле или еще где проводилось испытание какой-то страшной бомбы. Нас, детдомовских, доставили на телегах любимые лошадки: Орлик, Звездочка. Кормили военно-полевые кухни. Землю так жутко трянуло, потом еще раз. А мы веселились, бегали, воспринимая происходящее как игру и веселое путешествие.

Мальчишкой я рос шустрым и любопытным, и меня захотела усыновить семья журналиста Игоря Харламова из «Красного Севера», но им не разрешили, потому что был жив отец. Да и не брошен был я, меня навещали тетки.

И ПОМЕРЕТЬ НЕ СТРАШНО

Впервые на родине после десяти лет Тобольска я побывал тринадцатилетним подростком в 1978 году. Летал на вертолете с дядей Володи, братом отца, он бурильщиком работал. Я так удивился: у нас в Тобольске никаких товаров, а на буровых сказочные магазины! А в них джинсы, всякие игрушки! Жаль, купить не на что было, только облизнулся. Тогда, видимо, как я сейчас по карте знаю, разбуривали Тазовское месторождение. Потому что там Обская губа, а тут еще одна – Тазовская. И болот видимо-невидимо, тракторы тонули.

Тогда же я увиделся с отцом. Идем мы по Салехарду с сестрой Тоней, она мне и говорит: «Вот твой папа». А я ж по-ненецки не умею разговаривать, робею. Он к нам навстречу по тротуарчику, хилый такой дощатый тротуарчик. Тоня меня – вперед, сама ждет за спиной. По-ненецки отцу говорит, он отвечает, она переводит: «Ну теперь и помереть не страшно».

По-русски он только и знал: «милисья» да «елки-палки». Последние годы жил в тундре один. О демобилизации отца и его брата на войну в 1941-м в семье сохранилась целая легенда. Призывников-ненцев привезли на фронт. Дали оружие, загнали в окопы, говорят: стреляйте. А они ни в какую: «Зверь – могу стрелять, человек – не могу». Хотели под трибунал отдать, да вмешался какой-то умный особист, говорит, мол, они же не предатели, не дезертиры, отпустите их, пусть рыбу ловят, зверя промышляют, нас кормят. Их и отпустили.

В чуме в Старых Норях я у него три месяца погостил. Учился морошку собирать, рыбачить. Пробовал в его самодельной лодочке-долбленке покататься, да не смог, перевернулся. Вот смеху-то было!

Выпивать он выпивал при случае, но никогда не курил. Имел свои участки, сети, рыбу ловил, были и олени. Когда с 1984-го на 1985-й в армии я получил отпуск, то еще не знал, что в декабре папа умер, не сообщили. Он прожил 69 лет.

У нас похороны – очень сложная процедура, не такая, как у русских. Причем у каждого рода свои особенности. Покойника заворачивают в оленью шкуру и вместе с рыболовными и охотничьими принадлежностями, которыми он пользовался при жизни, но предварительно приведенными в негодность, кладут в сколоченный из дерева ящик, ставят на небольшое возвышение, а над изголовьем на перекладине вешают колокольчик с оленьей упряжки. Потом каждый берет веточку или палочку и несколько раз обходит могилу по кругу. Там же полагается поесть свежего мяса с кровью.

Единственный, кто мог прийти и разгромить захоронение, так это дядя Миша косолапый. Ему-то прощалось. Но с появлением пришлых кладбища стали разорять и грабить. Чего уж они там ищут? Грустно это...

МОЙ ПУШКИН

Нас часто водили в музей. Потом и сами приохотились, гордились, что у нас Ершов жил, Менделеев, что у нас Ермак, ссыльные декабристы и столько людей знаменитых. Ухаживали за Завальным кладбищем. Там похоронена жена Радищева – Рубановская, первая женщина, последовавшая за мужем в ссылку. У Кюхельбекера памятник весьма скромный. У того же Фонвизина и Краснокутского памятники отлиты в Каслях. Они считались состоятельными людьми. Слышал, памятник Ершову не так давно украли и переплавили на цветной металл. Вот до чего дожили.

Директор интерната Владимир Васильевич Тунгусов, видя мою тягу к лепке и резьбе, выделил комнату для занятий, и начал я творить. В подражание знаменитому скульптору Распопову, в свое время сделавшему неопределимый вклад в создание музея, взялся за монументальные, неподъемные работы – бюст Менделеева, потом Ершова. Конечно, по неопытности взялся, хотя уже умел делать каркас, пользовался для обжига паяльной лампой.

Глины много, вышел за порог, накопил – и лепи себе в удовольствие. Интернатовский сторож дядя Володя и одновременно завхоз в Пушкинском музее, с интересом наблюдая за мной, как-то спрашивает: «А Пушкина можешь?» Я и слепил бюст Пушкина, покрасил белой краской. Он похвалил, говорит: «Дай-ка покажу, может, потом и Ленина сделаешь». Через пару деньков радостно мне сообщает: «Паша, иди в бухгалтерию музея, тебе пять рублей причитается». По тем временам пять рублей для подростка – деньги солидные. Я – бегом. Мне выдали, сказали, за Пушкина.

Любил я и лошадей лепить, но из пластилина. Эта моя любовь и помогла мне после восьмого класса попасть на косторезную фабрику, директором которой был Василий Иванович Грязнов. В 1976 году к столетнему юбилею фабрику наградили орденом Трудовой Славы. Там же я познакомился с известным резчиком по кости, ставшим впоследствии моим опекуном, Минсалимом Темиргазеевым.

Пишет он мне в армию: «Паша, новый зал Декабристов открыли. Твой Пушкин там». Получив отпуск, прилетаю в Тобольск и первым делом направляю стопы в музей. Экскурсовод подробно рассказывает, показывает: «Вот видите, Пушкин, личные вещи декабристов...».

Я аж присвистнул: «Вот те на-а-а... Мой Пушкин, которого я слепил в 1980-ом, в личных вещах декабристов!!! Ай да Паша!»

«ДЕМБЕЛЬНУТЫЙ» ХУДОЖНИК

После армии надо было определяться с местом жительства, я позвонил сестре и, получив вызов, прилетел в Надым. Вскоре устроился художником в СМУ. Историческая запись в трудовой датируется 16 марта 1986 года.

Работы никакой, посылают в командировку в совхоз «Геолог» под Тюмень. Прилетел и думаю: зачем мне этот «Геолог»? Махнул в Свердловск. И погулял, и подработал. Близилась майские праздники, и я в своем родном строительном управлении подрядился оформить машину для демонстрации и написать лозунги. Таким образом, мое состояние выросло до 500 рублей. За месяц я их промотал – и опять в Тюмень.

Дозваниваюсь до начальника треста Пал Саркисыча и твердым голосом сообщаю, что нуждаюсь в средствах. Он отправил – 250 рублей. Мол, пока хватит, а то опять куда-нибудь исчезнешь. На почтамте такие же высокие стойки, как и аэровокзале, только глаза мои торчат. Подаю паспорт, спрашиваю перевод из Надыма. А девушка приподнялась со стула, разглядывает меня и пытливым так: кто должен отправить, кому, когда. Вернувшись в Надым, тут же уволился.

РАССАДНИК ЛИТЕРАТУРЫ

В городской газете «Рабочий Надыма» прочитал, что там по воскресеньям под руководством Альфреда Гольда собирается литературное объединение. Буквально через неделю я посетил этот рассадник литературы, почитал свои стихи и обрел новых друзей. Там были Анатолий Алексеев, Юрий Басков, Саша Милованкин, Володька Шумков, другие. Приняли хорошо, Мартынов много добрых слов сказал. Была еще Ирина Ипатова, прозванная «Такой метель». Потом с Басковым мы пошли в газету «Комсомольская вахта». Встречались почти каждый день, выпивали, безусловно.

Я работал художником в строительном управлении НГЖС и продолжал заниматься лепкой, а на общественных началах три раза в неделю вел кружок в Доме пионеров. Ходило человек пятнадцать – и девчонки, и мальчишки. Рисовали, лепили. Даже в сильные морозы, когда в школах активровку объявляли, ребята бежали ко мне. Купил чашечки под чай. Печенье, сахар всегда на столе, в общем, обстановка непринужденная. Сейчас они вымахали, своих детей завели, а как встретят в автобусе или на улице: здравствуйте, Павел Евдокимович! Отчество Едайкович так и не освоили.

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ И КОЕ-ЧТО О ЖЕЛЕЗНОМ ФЕЛИКСЕ

Началось все с кагэбистов, они часто приходили в мастерскую с разными просьбами, наш трест им строил здание, то что-то оформить, то эскизы нарисовать. А тут заказали мне бюст Дзержинского. Фотографии принесли. Я смотался на карьер, глины набрал и принялся за Железного Феликса. Как-то Юра Басков на огонек заглянул, посмотрел на рук моих творенье и говорит: «Так ты, Паша, не Феликса Эдмундовича, а Гольда слепил. Почему бы тебе на бюст Героя Советского Союза Анатолия Зверева не замахнуться!? Он ведь твой земляк, тоже в поселке Шуга родился. Посмертно получил звание Героя Советского Союза».

Идея мне понравилась. Сходил в музей Зверева, организованный во второй школе. Познакомился с директором В.П. Гавриловой. Слепил предварительный набросок, и мы с Юрой Басковым пошли в горком партии в отдел пропаганды. Потом в горисполкоме этот вопрос обсудили. Предложение сделать памятник поступало от москвичей, но они запросили такие деньжищи, что от их услуг отказались. Я же свой труд собирался подарить городу.

Но без специального образования я не имел права делать и пропагандировать какие-либо монументальные работы, этим занимаются профессиональные скульпторы из Союза художников. И меня отправили в двухнедельную командировку в Астрахань к родственникам Анатолия Зверева за разрешением.

ПРАЗДНИЧНЫЙ МИТИНГ

Из командировки я привез слепленный мною маленький бюст героя, а уже в Надыме в подвале второй школы сделал большой бюст из бетона. Принимал его Петр Семенович Гумич, главный архитектор города. Завод КПД готовил стелу, отдельные детали отлили на заводе, РМП капсулу сделал.

Открытие назначили на 23 февраля 1987 года. Братья приехали, однополчане, со всего Союза. Мероприятие прошло с помпой, с речами, ленточку разрезали.

ДАЕШЬ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КАДРЫ!

...Месяца три отработал в поселке Ныда, организовал мастерскую, где обучал ребят резьбе по кости. Рога обрабатывал, у меня и станок был из Тобольска, и все инструменты. И тут меня срочно вызывают в Надым. А на дворе разгар перестройки, в особой цене национальные кадры, чтобы на местах руководить. Председатель горисполкома В.Г. Иванов спрашивает: «Ты помнишь годичный разговор? В двадцать рановато. Теперь тебе двадцать один год, выбирай: Кутопь-Юган или Нори, будешь председателем поселкового совета». Я первым делом поинтересовался, какая связь у поселков с городом. Узнав, что релейная и минсвязь, выбрал поселок Нори и получил отношение на перевод.

КУРС – НА ЧУМЫ!

Тогда вертолеты как такси были. Своих не хватало, так заказывали из Тюмени, из Ярославля пригоняли, Центральной России, Свердловска, Тобольска на базировку. Отовсюду, где только могли организации заказать.

Летим. У Иванова в руках папочка такая представительная, на ногах туфельки легкие. А еще холодно достаточно. Пятое мая! Между поселком и вертолеткой лесок, сразу и не сообразишь, куда идти. Нас выгрузили, а встречающих нет. Потоптались на месте, смотрим: со стороны озера два ненца идут. А лед-то уже некрепкий. Погода изумительная, солнышко сияет. На той стороне озера чумы стоят и дымки такие. Иванов возмущается, что вертолет нас далеко высадил, озеро надо переходить.

Переходить так переходить. Я-то еще ладно – в сапогах коротких, а Иванов в своих штиблетах раз – и провалился чуть не по пояс.

Папку вверх, вылез, продолжает двигаться дальше. Опять провалился, уже основательнее, шумит: «Да что это за издевательство! Ну прилечу в Надым я им!» Почти до середины озера дошли, как слышим: «Эй, эй! Куда? Сюда, сюда!» Иванов оглядывается и видит женщину в зеленом пальто, усиленно нам машущую. А слов разобрать не может, сочувствует: «Женщина заблудилась. Зови ее к нам». И вдруг, когда мы хорошо обернулись, поселок-то за леском и открылся! А мы к чумам от него пилили. Давай возвращаться. Иванов еще раз искупался. Короче, когда мы вылезли на берег, Татьяна, что в зеленом пальто, руками всплеснула: «Я просто не успела к вертолету добежать. И зачем вы туда полезли?»

Иванов из туфель воду вылил. На солнце-то плюсовая, градусов пять. Но это хорошо, когда ты не мокрый.

КТО – ЗА? ВСЕ – ЗА...

«Белый дом» поселка Нори выглядел весьма убого, и дома вокруг такие страшные, кругом грязища. Весна есть весна. Одна-единственная полу-сгнившая дорожка и вела к сельсовету. Собственно, от домов он ничем не отличался. Рядом мужики местные на завалинках сидят. Обросшие, немые, курят усиленно. И такие собаки ходят, как телята, правда, спокойные. Наша троица тоже весело выглядела. Впереди Татьяна, за ней

весь мокрый Иванов, следом я, чуть выше собак.

Встречает нас Болеслав Петрович Канев, из местных зырян, управляющий отделением совхоза.

– Что, Татьяна, куда они пропали? А этот мужик куда залез? Что они, чокнутые? По льду-то и ходить уже нельзя.

А кто гости, им пофигу было, председатель горисполкома или кто, они их никогда и в глаза-то не видели. Проходим внутрь, печка жарко натоплена, а накурено хоть топор вешай. Одна комната – отделение совхоза, другая – сельсовет, а вход один. Если всех людей собрать, никак не поместятся.

Но стол стоял под красной скатертью с графином воды еще времен двадцатых годов, я полагаю. Флаг такой выцветший на крыше болтался как-то сбоку. Мы зашли, Иванов сразу к печке руки. Ладно, папка сухой осталась, протокол же надо вести. Ему нашли какие-то тапки, туфли сушиться поставили.

Началось собрание. Иванов представляет меня народу. До этого несколько лет обязанности и председателя поселкового совета, и его секретаря исполняла Татьяна Алексеевна Ковалева, зырянка. У мужиков-то полно дел, им надо по домам. Лодки там, сети, весна. Быстро протокол написали, начали голосовать.

Кто за? Все дружно подняли руки. Мужики быстро восвоились. Никаких вопросов.

Татьяна шепнула, что Болеслав рыбки соленой принес. Вертолет был заказан через три часа, думали собрание – как в городе, нудно и долго.

В Надыме меня утвердили, и через пару дней я приступил к своим обязанностям.

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ, ВОТ МОЙ ДОМ РОДНОЙ...

В домиках, приличные собачьи будки и те побольше, проживало 254 человека. И двести с лишним тундровиков жили по чумам.

На задворках сельсовета был клуб, ФАП – фельдшерско-акушерский пункт, детский садик новый, самое теплое здание в поселке. Стояла начальная школа, потом детей – по интернатам. Банька-развалюшка, магазин старенький, почта, где была и связь, хоть и с треском, но напрямую с Надымом. Пекарня своя. Правда, летом навигация в те годы очень мощная была, нас постоянно глушили судовые радиостанции. А так как движение летом по реке круглосуточное, что-либо расслышать в телефонной трубке не представлялось возможным, легче по воздуху доораться.

Речка у поселка – рукав большого Ярудея, который впадает в Хамби-Яху, а она впадает в Обскую губу и идет в сторону реки Надым. И тем не менее это судоходный рукав, мы даже плавкраны таскали в Нори. У нас и самоходки трехтонные, «тюменки», и баржи по весне заходили. Иногда по две сразу. Уголь привозили, промышленные товары.

И конечно, в поселке катастрофически не хватало электроэнергии. Лампочки горели тускло, стиральные машины не стирали, телевизоры не показывали, еле-еле мигали. И дело-то не в шестидесятикиловаттной электростанции, ее мощности вполне хватило бы на все. Дело было в ЛЭП – столбы пятидесятилетней давности, провода перепутанные. Они эту электростанцию и сажали. То там замкнет, то там.

За первое лето удалось договориться с СТПС, они полностью поменяли

ЛЭП, новые столбы поставили, новую разводку сделали, школу отремонтировали. Когда запустили ЛЭП, уже лег снег. И так ярко загорелся свет, у людей и телевизоры стали работать, и стиральные машины. Вот что значит сделать по уму. Там лет пятьдесят никто ничего не менял, все прохудилось, развалилось. Я целую бригаду принял, разместил и питанием обеспечил.

Вертолет каждый день летал в Надым, и конечно, все решалось там. Начальство приезжало смотреть, как идут работы.

СМЕКАЛКА + НАРОД + ЦЕМЕНТ = ЛЕНИН...

Как-то летом, где-то в августе, а в пятницу, субботу и воскресенье в клубе шли танцы, я предложил молодежи сделать памятник Ленину. В Ныде, мол, есть, и мы не хуже. Молодежь с радостью поддержала. Мы отменили танцы, я сколотил ящик примерно на кубометр раствора. Стали думать, где взять цемент.

Недалеко от нас стояла буровая РСУ-3 Нумгинской экспедиции глубокого бурения. По большой воде туда пытались завезти стройматериалы, но не смогли пройти. Обмелела река, и весь груз припарковывался на берегу возле Нори. Брус, доски. Буровой раствор чуть дальше за поселком на обрыве. А обрыв постоянно поддувает, он обрушивается, и все это скатывается в воду. Химреагент как-никак. Люди начали потихоньку возмущаться. И тут приехал новый собкор «Тюменской правды» Александр Васильевич Гмырин, в простонародье Гмырь, с намерением описать поселок в прессе.

За три дня с Гмыриным мы познакомились и подружились.

Поехали на эту буровую. Он там фотографировал, брал интервью.

Так вот на буровой я заметил залежи цемента в мешках. Бригады не было, только повариха. Мы по-хозяйски обошли их владения, раскритиковали разбросанные материалы. Почему вы то не сделали, то, вы сейчас начнете в воду все сбрасывать. А тогда как раз начали про экологию во весь голос говорить и зорко за ней следить. А мы еще народу с собой привели – две лодки по четыре человека! Перепуганная повариха позвонила в экспедицию и сообщила, что здесь вот такая представительная делегация, все тут фотографируют, наверное, хотят в центральной прессе пропечатать. Что делать?

Шуму, конечно, мы наделали. На следующий день прилетает начальник экспедиции: «Ребята, ну давайте мы вам чем-нибудь поможем!» Я и смекнул: «Неплохо бы нам четыре тонны цемента, гвоздей». А жители меня в бок толкают, оказывается, здесь еще две вышки ставили раньше: «Проси у них стекла, проси то, другое».

Сказано – сделано. Одну часть цемента они на подвеске притащили, другую вертолетом доставили. На поддоне взять – это одно, а разгрузить и загрузить в вертолет две тонны! Вертолетчики, осыпанные цементом, все изругались.

Я еще у них бурукрытие выпросил – что-то вроде дерматина, только толще, с подкладкой. Рулоны здоровенные, ими обматывают основание вышки, а сельским пошли на сидушки «Буранов», кому для чего. Раздал стекло, чтобы по-человечески застеклили окна. Тогда же и возникло стихотворение «Норинские избушки».

Пенсии как будто не дождавшись,

Лица изб-старушек так горьки.

Что уж там – последние деньки...
Ведь самой Земли, наверно, старше.
Слепотою раненые окна
Под сугробом источают свет.
И не раз глаза хозяйки взмокнут,
С просьбою пришедшей в сельсовет:
– Ту избу еще мой прадед ставил,
Может, простоит еще, дай Бог!
Хоть бы кто мне половицы справил,
Мой старик совсем уж занемог...
Заскорузлы немощные стены,
Печь, кряхтя, не жалуется теплом.
Разговор меняется на темы
О давно прошедшем, о былом.
Норинские крыши невысоки,
Даже шифер их не молодит.
Тихо здесь, и горизонт далекий,
Да и ветер нынче не знобит.

Ведь в поселке тоже разные люди живут: есть хозяйственные, а есть и разгильдяи, кому наплевать. Так что и в этом случае стекло взяли хозяйственники, остальное дети побили.

Однако вернемся к Ленину. До самой темноты работали всем поселком, замесили кубометр раствора, благо я знал, как это делается, в какой пропорции. Залили по той же технологии, что и памятник Анатолию Звереву. Только в первом случае варили металлический каркас, а нынче я его модернизировал. Взял поломанный школьный стул, внутрь поставил и залил. Самого Ленина я сделал часов за шесть по прошлому опыту, люди встали и уже смотрели.

А вот с постаментом пришлось повозиться. Для двухметрового цемента опять не хватало.

НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ!

Приезжаю в Надым – и начинается самое интересное. Сообщаю об этой новости Баскову, как, мол, объявить властям. А делать памятники и бюсты Ленина было привилегией больших-больших скульпторов. И конечно, их потом штамповали на заводах. Поэтому много одинаковых Лениных украшало многие города, например, в Тобольске в подгорной части их два стояло. Один в монастыре, где детский дом был, второй – на площади перед банком, где жил когда-то ссыльный Николай П.

В общем, пригласили меня в горком, и пошел я по кабинетам, по секретарям до самого главного, до первого. Он то же, что и остальные, голосом, переполненным ужасом: «Вы что? Ты что, Павел, с ума сошел? – и переходя на крик, грозно добавляет: – Ты не коммунист! Какое у тебя на это право? Немедленно самодеятельность снести!». Я возмутился: «Как это снести? Весь поселок делал от малых до стариков, а вы – снести. А как народ реагирует? Вы у него спросили?» Коллективное участие поселка в «строительстве» Ленина стало контраргументом. И было принято соломоново решение: памятник открыть пятого ноября, в канун 70-й годовщины Великой Октябрьской революции. Власть будет представлять третий секретарь горкома Ольга Витальевна Кошкарова. Но журналистов туда не пускать.

– Все чтобы тихо и мирно. Еще, не дай Бог, в газете напечатают, с нас головы снимут, – первый секретарь показал пальцем в потолок, – и в Тюмени, и в округе. Ни-ко-го...

Кошкарова прилетела. Конечно, весь народ гордо собрался. Белое покрывало, ленточка красная, гимн. Еще кто-то от горисполкома выступил. Наши три ветерана Великой Отечественной войны. Потом большие гости расспросили о проблемах населения, поселок осмотрели, с тем и отбыли в Надым.

«КАРТОФЕЛЬНЫЙ БАРТЕР»

Дело пошло, поселок расстраивался. К нам стала прибывать масса грузов, вертолеты привозили. А вот картофель доставлялся крайне нерегулярно. Сначала в Салехард с большой задержкой, оттуда в Ныду, а уж потом вертолетом в Нори, по-другому не получалось. Я заказывал вертолет в СТПС на целый световой день, он успевал сделать рейсов пять до темноты Ныда – Нори. Бывало, и на второй день заказывал. Одним словом, морока. И тут весной 1987-го подвернулся удачный случай.

В Пангодах в ту пору в ОРСе работал один мужичок экспедитором, водивший дружбу с нашим сельчанином Митрофаном. Он снабжал экспедитора рыбкой, а тот ему возил бензин, молоко концентрированное для его язвы, в поселке-то не было. Ну так, всего понемногу. Но ведь вертолет-то пустой летает! А у нас летом до прихода барж магазины вообще пусты. Хозяйство в поселке имели немногие, две-три семьи коров держали. Из рабочих лошадей были одна-две, да и те совхозные, а остальные дикарями выросли, такой шерстью покрылись, что зимой на улице не замерзали. Сами по себе, не объезженные гуляют. Летом в лес уходят, потом приходят.

Я Митрофану и говорю: «Ты закажи, у тебя же с ОРСа вертолет. Пусть привезут картошки, других овощей. Люди купят, не запросто же так. Когда еще к нам попадет». Он промолчал.

А тут гляжу – вертолет к Митрофану зачастил: раз прилетел, потом второй раз, потом смотрю: уже одиннадцатый час вечера, хотя какая ночь, светло в начале июня, белые ночи, опять летит с Пангод. Я бегу к нему, Митрофан не успел вперед, а ему две бочки бензина сгружают. Он хотел их втихую умыкнуть. Ну я представляюсь команде:

– Я председатель сельсовета. Борт не наш, я все номера знаю. Чей-то базировочный, с Пангод поди? В общем так, мужики, составляю на вас акт, и завтра же он будет лежать в горисполкоме и горкоме партии, и вас отсюда вышвырнут. Вы сегодня за один день несколько раз использовали вертолет не по назначению, за три рейса только и привезли две бочки. Можете попрощаться с Севером. Все, я пошел, можете дальше летать.

Как они за мной побежали, весь экипаж, впереди экспедитор:

– Слушай, постой, давай я тебе хоть сейчас борт пригоню с продуктами!

– Так я же просил Митрофана передать. Вы же второй раз в обед прилетали, а привезли сеточку концентрированного молока. Ну ладно, если слово держите, погожу с актом. Желательно вместе с вашим продавцом, с весами, берите картошку и другое.

Они улетели и часам к двенадцати вернулись. Привезли зелень, овощи, фрукты, которых мы в поселке и не видели, лук, чеснок, колбасы, молоко. Народ сбежался, ночь не ночь. Вертолет заглушили.

Митрофан между тем катит себе бочки вдоль берега, а сам туда-сюда настороженно посматривает, нет ли меня. А я сижу в кустах, наблюдаю. Слышу, жена ему говорит: «Нас председатель все равно в поселке увидит». Он ее успокаивает: «Ничего, мы спрячем бочки куда-нибудь в другое место, пусть потом докажет». С трудом грузят бочки в лодку. И тут я из кустов выхожу:

– Митрофан, зайди-ка в сельский совет с утраца.

Приходит он утром. Показываю ему акт, составленный на него и на вертолет:

– Пошлю-ка я эту бумажку в исполком. Или давай договоримся: ты сдаешь бочки с бензином на почту, я не даю хода делу.

Тогда связисты на почте, до ремонта ЛЭП, подключали маленькую электростанцию, и у них постоянно не было бензина. Конечно, горючее шло и на их лодки тоже, его потом списывали.

Митрофан пробурчал что-то под нос: «Ладно, сдам». Договорились, одним словом.

А у нас был Михаил, такой хозяйственный дед. Ему-то и поручил взять лошадь, телегу – и к дому Митрофана. А там уже начинает собираться народ. Полпоселка сбежалось посмотреть, как будет происходить конфискация.

Михаил подогнал телегу ко двору, а сам отошел на безопасное расстояние. Я рядом. Митрофан, пыхтя, бочки выкатывает, а в каждой по 220 литров. Сзади с топором выскакивает жена, вся психованная:

– Порублю щас эти бочки, чтоб никому не достались!

– Уйди, женщина, – хмуро говорит Митрофан и зло стреляет глазками в мою сторону, – на, забирай.

Через полчаса ко мне приходят связисты:

– А Митроха-то хитрый, бензин водичкой разбавил. Проверили – бочки тяжелее стали. Внизу вода, сверху бензин, он легче воды. Литров по пятьдесят, по сто с каждой слил. Обманул.

Но я разбираться не стал. С Митрофаном целый год не разговаривали, а потом отношения нормализовались.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Вот такой он, наш Паша-тоболяк. Сколько талантов ему Господь отпустил! Жаль, не получил достойного образования. А ведь помню, году в 1988-м приезжала искусствовед из Тюмени и на выставке местных художников опытным глазом выхватила работы молодого Павла Нядонги: «Несомненно одарен. Ему прямая дорога в Суриковский институт или Мухинское училище. Такое чувство цвета, такая эмоциональность и непосредственность...» И стихи его могли бы наполнить отдельную книжку. Однако остался Паша самоучкой, вольным художником, русским ненцем. И ничего с этим не поделаешь. Оторванный в раннем детстве от своих корней, знает лишь русский язык. Избалованный властью в председателях, как сам вспоминает, пристрастился к рюмке. То банкет, то прием.

Кто знает, как могла бы сложиться жизнь Паши, не начнись она столь трагично?! Его сестры тоже обрели дом в Надыме и заботятся о нем, особенно Татьяна, питающая к брату не просто сестринские, а материнские чувства. И нам, его многочисленным друзьям, теперь невозможно представить Север, наш город без Паши-тоболяка, появляющегося то в под-

питии, то подчеркнуто отутюженным в костюме-тройке. В одном Паша остается неизменным: и озорство, и лукавство, и сентиментальность выдают в нем вечного ребенка, глядящего на мир добрыми и грустными глазами. За это его любят, за это и прощают.

P.S. Паша не дожил до этой публикации. Он умер от туберкулеза в больнице под Тюменью в июне 2004-го... В литературное объединение до последнего дня приходили от него письма, полные надежды на выздоровление. «Думаю, к осени выкарабкаюсь Прибавил в весе, стал весить аж 40 кг! Хочу устроить в отделении выставку картин, написанных здесь гуашью и акварелью». Не случилось...

ПОЭЗИЯ

Валерий АКИМОВ

Паломник

Паломники всегда приходят с миром,
Имея в душах пальмовую ветвь.
Не ради поклонения кумирам,
К себе влечет не просто белый свет.
Желанье это в них неколебимо:
Им надо побывать в святых местах!
Бредут себе по миру пилигримы
С молитвой неизменной на устах,
И взгляды их светлы от покаянья,
Проходят километры и года.
Живут они добром и подаяньем,
Им в помощь – Божий промысел всегда.
Вся жизнь их – над собою переможье
И с Богом бесконечный разговор.
Не в тягость непогода, бездорожье...
Идут себе страстям наперекор.
Как повезло мне в жизни, Христа ради,
Лишь капле в океане бытия:
Церковным старостою был мой прадед,
Не заплутал в безверии и я.

Отыскав себя в нашем приходе,
Видно, в церковь привел Божий глас.
И всегда активист по природе,
Отличиться сумел и сейчас.
По сибирскому гостеприимству,
Не за золотом и серебром,
Пригласили в Тобольск. Пилигримство!
Ну, а так как дружу я с пером,
То могу описать откровенье.
Неспроста вдруг такой поворот:
На поездку дал благословенье
Настоятель Георгий. И вот,
Словно свет мне из буднего мрака,
И моя есть на небе звезда.
Устремляюсь в Тобольск не зевакой,
А паломником еду туда,
Хоть живу с ним почти по-соседству,
И всегда был и есть выездной.
Этим городом бредил я с детства,
С Менделеевым связан судьбой,
Там величье и смерть атамана,
Кремль парит над иртышской водой...
Поклонюсь я мощам Иоанна

И счастливым приеду домой!
Ветерок обдувает вагоны,
Занося к нам таежный дурман.
А мы мчимся вперед к небосклону...
Кто же этот святой Иоанн?

Слова о доброй памяти звучат,
С молвою растекаются все шире
В честь жившего здесь триста лет назад
святого покровителя Сибири.
Тот век его бездушием не смял –
Идущему не страшно бездорожье.
Он в искушеньях смуты устоял,
Всем сердцем прославляя имя Божье.
И выбрал путь свой без мирских утех
Великий сын Руси и Украины,
Чтоб дальше жить с молитвою за всех,
Оставшись неподвластным властелинам.
Врагов своих в смирении прощал,
Не уставая думать о грядущем.
Упорно тьму незнанья просвещал,
Убогим помогал и неимущим.
Всегда в делах, с покоем на душе
Он превратил трудом священным в клире
Тобольский городок на Иртыше
В столицу православия Сибири.
И высоко пронес церковный сан,
Народу делал праздники из буден
Заступник наш – Тобольский Иоанн.
И мы его вовеки не забудем!
Не зря спешим в Тобольск на торжество,
И нас уже ничто не остановит.
Сильней роднит духовное родство
Друг к другу и волнует чувство нови.

Не счастье ли, когда мечта сбывается!
Выстукивает сердце многоточия,
И мне загоризонтъе открывается,
И вот увидел я Тобольск воочию.
Так привлекали взор к себе строения,
И не было в домах однообразия.
Гуляли, пробуждая вдохновение,
Все девушки – красавицы из Азии.
Задался день чудесною погодою,
Ни шороха пока, ни дуновения,
И наслаждалось облако свободою,
Остановив счастливые мгновения.
И золотилось небо бирюзовое
Над куполами солнечными бликами,
И было настроение особое,

И расцветали улицы улыбками
В честь нашего тобольского Святителя,
И благовест ему, и песнопение...
Заступнику и нашему Учителю
Мы воздаем на Празднике почтение.
Со всей Сибири съехались посланники,
И краше мир от этого свидания.
И я теперь такой, как эти странники,
И с ними одного того же звания.

Тобольский кремль зубчатою стеной
Мне передал привет из прастолетий.
Теперь он в яви тут передо мной
Раскинулся во всем великолепии.
Хотя еще Софиевка в лесах,
Над нею благодатью свет струился.
С лицом от умиления в слезах
Зашел туда, куда я так стремился.
На миг меня величьем ослепил,
Я воспылал надеждой несказанно,
Когда простым паломником ступил
В Покровский храм, где мощи Иоанна.
И там своей молитвою не вдруг
Я попросил его не по записке,
Чтобы помог он исцелить недуг
Той, что сейчас мне ближе самых близких.
Вымаливал здоровье не себе
Пред ракою коленопреклоненно.
И небо становилось голубей,
Казалась взгляду глубь его бездонной.
И благовест разлился, как ответ,
И неспроста душе моей запелось:
Милее стал и краше божий свет,
И жить еще сильнее захотелось.
И я поставил к образу свечу,
И сердце так восторженно забилося,
И стали все невзгоды по плечу,
И будто солнце ярче засветилось.

За ракой в крестном ходе, как во сне я,
Прошел в Кремле, а небо все яснее.
И был невдалеке совсем Владыка –
Рукой подать от мала до Велика!
Что я стою в Софиевском соборе.
Не осознал в паломническом задоре.
Таких соборов три еще на свете.
Открылся этот мне в церковном свете.
Веками тут намоливали стены,
И лики образов глядят степенно.
И хоть с икон в глаза Он смотрит строго,

Что я в Тобольске – промысел от Бога!
Неужто происходит все со мною?
Но люди – слева, справа, за спиною,
И, наконец, себя воспринимаю.
Словам с благоговением внимаю.
Звучит молитва, чудо сотворяя,
А я ее тихонько повторяю.
Покойней на душе от покаянья.
И хоть устал от долгого стоянья,
Вдруг ощутил в себе такую силу,
Когда услышал: Господи, помилуй!
А мне и со смиренной головою
Звон колокольный силу ту удвоил.
А благовест все шире растекался.
И как-то незаметно день смеркался.
И в свете звезд мы будем неустанно
В молитвах славить память Иоанна.

День, как перелистнутая страница,
Всего лишь раз успел я оскоромиться.
Не терпится с детинцем ознакомиться,
Хоть столько на ногах, а мне не спится.
Светает. Алый цвет, как на порфире.
Тобольск в туманной дымке поднимается,
Но без Кремля он не воспринимается.
Взмывает Кремль – жемчужина Сибири.
Не дремлют его башни в карауле.
Глядит со всех сторон сама история.
А в глубине, за лугом – консистория,
Напоминает мне пчелиный улей.
Рассвет на заглядение лучистый.
И снова служит Богу семинария.
Запоминаю, как на семинаре я
Смотрю во все глаза. Семинаристы
Чисты в стремленьях, с долею иною,
Они на Красной площади встречаются,
И в светском платье статью отличают –
Походка с распрямленною спиною.
В глазах – забота, лицами светлеют,
И на челе у каждого – достоинство.
Все в черных кителях – Святое воинство,
Лишь подворотнички на них белеют.
Я видел, как сторонний наблюдатель:
Они не для того, чтобы тщеславиться.
И зря хотят красотки им понравиться –
В ребячьих душах царствует Создатель!
Уверен, радость не бывает серой!
И синь до горизонта простирается.
Благочестиво отроки стараются,
Страну упрочить православной верой.

Не могу я усидеть.
Коль в Тобольск приехал,
Надо город оглядеть!
Возраст – не помеха.
В грусти старые дома,
Прошное жалея.
Набирался тут ума
Юный Менделеев.
Им гордится неспроста
Городок былинный.
Манят чудные места,
Не страшит путь длинный.
А дорога – не пряма,
Гонит по столетьям.
Тут и царская тюрьма,
И костел с мечетью.
Люд сибирский дорожил
Не болотной хлябью.
Здесь родился, долго жил
Александр Алябьев.
Знаменит он, ей же ей,
Автор пьес и песен,
Наш тобольский соловей
Многим стал известен.
Неспроста мой взгляд горит:
В чудных красках лета
Все в округе говорит
О коньке поэта.
Не по этим ли холмам
Он унес Ивана
В сказке к царским теремам
В зицунишке рваном.
Голубеет не спеша
Лента Иртышова.
Восхищается душа
Родиной Ершова.
Все проходит в жизни, пусть
Будет снегом талым...
И навеяло мне грусть
Кладбище за валом.
Тут историю хранит
Отчая земляца!
Вот и колокол звонит:
Надо помолиться!
Я в душе – славянофил
Обратился к Богу,
Чтоб Господь благословил
Дальнюю дорогу.

Все также, как и много раз,
Явила добрый нрав Сибирь,
Любовно от сглазливых глаз
Упрятав женский монастырь.
Его лелеют, как цветок,
Чтоб этот светоч не зачах.
И вот – старания итог
На хрупких сестринских плечах.
Они здесь дома, не в гостях.
А день июньский тепл и тих
И небо, словно синий стяг,
Передо мной – одна из них.
Как целомудренна она!
Стяжанья нет, душой цветя,
Вся – в послушанье. Тишина
Ей для моления. Хотя
Еще по-женски молода
И привлекательна на вид,
Но неулыбчива всегда
И без веселости глядит.
Мир уместила в закуток,
Такую выбрала из норм:
Все темно, длинно и платок,
Ни каблучков и ни платформ,
Закрытый ворот, рукава...
На ней и платье, как доспех.
Судьба черницы такова –
С губ не сорвется громкий смех.
Зато глаза, ее глаза!
Из них всегда лучится свет
И могут многое сказать,
Дав на любой вопрос ответ.
И будь то зной или мороз –
Решимость бледного лица...
Ее жених – Иисус Христос
И ей идти с ним до конца.

На небе тучи. И жара
Сегодня спала. И с прохладой
Готов я снова в путь с утра
И побывать в скиту мне надо.
Так много в жизни повидал,
Свидетель страшных потрясений.
Не забывая вознесений,
С народом вместе он страдал,
Не избежав земных потерь.
Но Божья Матерь Абалака
Спасала всех тогда от мрака.

Она спасает и теперь.
Познав предательский навет,
Все пережили эти стены.
И в прошлом – подлые измены.
В монастыре грядет расцвет.
Мы у него всегда в долгу.
Он наш душевный утешитель..
И возрожденную обитель
Не посетить я не могу.
Был встречен солнечным дождем.
Там старина и новостройки.
Так будем, люди, верой стойки!
И в смуте мы не пропадем.
Ничто не делает Бог зря,
И кровь людская не водица!
Должна Россия возродиться,
Как стены вокруг монастыря!
И будет вновь такой размах!
Не может это не случиться.
И мы сумеем отличиться.
Напрасно ль братия в мольбах?

А мне уже пора домой –
Какой роман без точек.
Но будет вечно жить со мной
Тобольский городочек.
И я в обиде на судьбу,
Что не бывал тут раньше.
И говорю не в похвальбу,
Без лести и без фальши:
Куда не взглянешь – экспонат!
Нельзя им не гордиться.
И манит древний аромат –
Ну как не возвратиться!
Он был когда-то как замок
У врат восточной шири:
Старинный русский городок,
Быв стольником Сибири.
Он слышал визг туземных стрел
И ритм шаманской пляски,
Хранил веками свой удел
От Камня до Аляски.
И возвышался, и страдал
Тут в поднебесной сини!
А сколько гениев он дал
И славы для России.
Тут городам, как поводырь,
Для нас хранимый Богом.
И на любом пути в Сибирь
Является порогом.

Писать о нем не хватит строк,
Всегда в могучей силе!
Провинциальный городок,
Известный всей России.
Мир изменяется вокруг,
И жить на свете любо.
Звон колокольный нежит слух,
Чуть слышно шепчут губы:
Когда ласкает солнце плоть,
И в стужу ледяную
Благодарю тебя, Господь,
За благодать земную!
Что путеводная звезда
Мне светит лучезарно,
Благодарю! Жаль, не всегда
Бываю благодарным.
За это, Господи, прости.
Как рад, что я – не лишний!
И легче будет мне в пути,
Когда прощен Всевышним.

Послесловие

Паломничество – это не от скуки!
Проходит жизнь в дороге? Ну и пусть.
Перрон. Гудок. Все чаще перестуки,
Ритмичностью навеивая грусть.
«Как Вам в Тобольске?» – если бы спросили,
То я б ответил без отвода глаз:
«Тоболяки, не вы ли соль России,
Но почему так горько мне сейчас?
Вначале вы меня очаровали.
Открыв красоты, взгляд мой веселя,
Но душу поразило от развалин,
Как будто здесь ничейная земля.
И без кровопролитного сраженья,
Так взял его неумолимый враг...
И горше мне вдвойне от униженья,
И время превращает город в прах.
Так что с тобой, столица Православья?
Понатворили, Господи, прости!
Где храмов красота и величавье?
Осталось шесть от сорока шести.
Покровский и Христова Воскресенья,
Андрея Первозванного... И в них
Не будет никогда богослуженья,
Навеки колокольный звон утих.
И нет уже былого загляденья.
Стоит несокрушимый божий дом,
Как знамение и предупрежденье
Поникнувшим трехвековым крестом.

Всей горечи не передать словами.
И кремль уже не поднимает ввысь.
Глядит Тобольск руинными церквами,
И даже не пытается спастись» .
А в будущее смотрит без опаски.
И мною лишь придуман диалог.
Наверное, я зря сгущаю краски,
Ведь город не такое перемог.
Нет, он не безнадежный горемыка,
Которому нельзя не сострадать,
А коль престол здесь нашего Владыки,
Тобольск не минет Божья благодать!

Тобольск, 2004 г.

ПРОЗА

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

О ЧЕМ ДУМАЕТ КУЗЬМА, или Одна судьба на всех (цикл рассказов)

– О чем задумался, Кузьма?

– Как жить, думаю, – вздохнет тяжело, не отрывая взгляд от огня.

В наступившей темноте лицо его то вспыхивает, то вновь сравнивается с ночью. Костер уже прогорел и пышет красным жаром. Кузьма поворачивает подаушку, пыхтит. Надувая щеки, он сдувает дым, вертит головой, уворачиваясь от надоедливого, отдергивает руку от углей.

Возникшая пауза нас не тяготит.

Я ищу заварку в кармане рюкзака, не отрывая взгляда от красноокого затухающего костра и от задрожавшего наконец-то чайника. В густой темноте глаза не помогают. Пальцы натываются на рассыпанные спички, жирный на ощупь свечной огарок, какой-то патрон, варежки... Шелестнул под пальцами полиэтилен.... А вот искомый пакет с заваркой. Достая вслепую, на ощупь открываю и высыпаю сначала в руку, оттаскиваю чайник на край уже горячей поперечины и засыпаю в притихший кипяток. Чайник зашипел открытой пастью и поперхнулся от неожиданности. Крышки у этого чернопузика отродясь не было. Сколько чаю выхлебали из этого гнutoго чайника с алюминиевой проволокой вместо ручки? Сколько раз обогрел он нутро замерзающим путникам?

Кузьма снова поворачивает подаушку – распластанную щуку, насаженную на специально выструганный деревянный шампур.

– Квартиру предлагают, – продолжает он. – Как думаешь: на каком этаже брать? Мне сказали, что выбрать можно.

– Ну... – я отвернулся от как нельзя кстати намернувшегося дыма, дающего мне возможность посообразовать, – второй, третий обычно самые ходовые.

– Нет, – подумал и отмахнулся от дыма Кузьма, – по-нашему: в лабазе не живут. На земле жить нужно. На первом возьму.

Снова тишина.

Я знаю, что Кузьма давно решил, на каком этаже будет жить, но проверят, совпадет ли его мнение с моим.

Часто не совпадает.

Мы разные...

* * *

Как-то по дороге на стойбище решил Кузьма проверить мордушки.

– Давно не смотрел. А на обратном пути еще раз проверим, – прокричал он, перебивая ревуший двигатель снегохода.

Я кивнул головой.

Свернули с накатанного зимника. В лесу прямой дороги не бывает. С надрывом ползет «Буря», продираясь сквозь густой кустарник,

пересекаем ручей один раз, другой, выбираемся из тесноты ивняка, и уже березки захороводились вокруг, потом горельником прошлись, снова ручей. Кузьма пытается держаться старой буралицы – уже заметенного места старого следа снегохода. Солнце то слева, то спереди, то уже с правой стороны мелькает сквозь молодняк. Долго петляем. Устал уже уворачиваться от свистящих веток, норовящих съездить по физиономии. Кручусь на нартах, как чебак на крючке. Наконец-то выныриваем из-под густого куста ивняка, и снегоход прытко устремляется вниз к реке.

Кузьма глушит мотор. Тишина непривычно звенит в ушах. Пока я прихожу в себя, разминаю ноги, отряхиваю налипший снег, Кузьма уже работает пешней. Со стороны кажется легко, с лентой – тюк, тюк, тюк. «Ук, ук, ук» – отбивается от высокого противоположного берега эхом. Лед брызгает шелестящими осколками.

– Дай потюкаю.

– На! Я пока вариаторный ремень подтяну – буксует. Кончается уже. Тама заменю, – махнул Кузьма в сторону стойбища.

Сначала пешня летает играючи. Но получается не так ловко, как у друга. Не после каждого удара удачно скалывается лед, приходится стучать несколько раз в одну точку. Кузьма дважды в одно место не бьет. Снимаю шапку, расстегиваю меховую куртку. Согрелся, однако, быстро. «Тюк – тюк – тюк». Стало жарко, снимаю куртку. Увлёкся, пот уже струится ручейками. Я и не замечаю, что Кузьма, управившись со снегоходом, стоит сбоку и улыбается:

– Что, сало топится? Совсем жирным стал. Чаше в лес ходить нужно.

Я молчу, чтоб дыхание не сбивать. Снимаю свитер. Снова вколачиваю с силой пешню в неподатливый лед, выбрасываю крошево ногой.

– Скоро и майку снимешь. – Кузьма берет из моих рук пешню. Я и не противлюсь – устал.

«Тюк – тюк – тюк». Кузьма не частит, бьет реже, но взмах ловкий, и лед откалывается большими кусками. Работает легко и, кажется, с лентой...

Уже на стойбище, потягивая ароматно заваренный чай со смородиновыми ветками, я спросил Кузьму:

– Почему ты запетлял, как только свернул с зимника? Там же напрямую от дороги до реки не больше двух-трех километров, а наворочили все десять.

– Так... от людей прячусь. Напрямую натопчешь след – пешком ходить будут, мордушки проверять будут, – он поймал взглядом синичку за окном, отвлекся. Желтобокая птичка по-хозяйски прыгала по кормушке, словно изучала запасы подсыпанного Кузьмой корма, цвкнула, клюнула, оглянулась. Подлетели еще две подруги. Кузьма улыбнулся, показывая чашкой в окно.

– Рыбы не жалко, – продолжал он, – пусть возьмут, сколько нужно; мордушку вморозят: бросят как-нибудь. Человек, когда ворует – спешит. В прошлую зиму сетку вморозили, так и пропала. Пока выдалбливал – всю порвал. Им лишь бы рыбу снять...

Приехал Кузьма в поселок, где в то время я работал в амбулатории, размещенной в бараке, каких там было множество. Почитай все жили в таких приземистых длинных щитовых бараках на несколько семей каждый.

Возводились они на скорую руку, а потому, несмотря на их скромный возраст, многие покосились боками или прогнулись хребтами, вызывали к себе жалость со стороны редких гостей и понятное равнодушие жильцов. Все примелькалось, свыклось.

Кузьма сначала посетовал:

– Избы у вас схожи, улицы тоже – спутать можно. Только по белым занавескам нашел больницу, а там уже и дом твой, – начал он. – Воздух тоже здесь другой, и людей много, и шумно от машин.

В то время Кузьма постоянно жил на стойбище, и суетная жизнь ему казалась пустой и зряшной. Вот в лесу там жизнь. «Как люди живут? Как муравьи копошатся», – бросил он в сердцах, пока я возился на кухне.

– Шибко зубы ломит. Ни днем ни ночью покою нет, – за чаем поведал он.

Я теперь уже знаю, что пока чаю не «пошвыркаем», о деле Кузьма толковать не будет. Не любит на ходу трещать. Вот сядем, чаю нальем, нутро согреется, вот тогда разговор клеится и сам собой ведется как надо. Теперь-то я знаю. Уже два года знакомы.

– Полечим у меня, – говорю, – а вот вставлять в Мегионе придется, но там платно... У меня протезистов нет.

– Кого нет?

– Тех, кто вставляет зубы.

– А-а-а, – понимающе протянул Кузьма. – Но у меня нет денег. Рыбу сдали еще два месяца назад, а деньги не заплатили, но шкурки есть: два соболя, лиса, белки... Маленько охотился...

– Договоримся, доктор там знакомый...

На том и порешили.

Время до вечернего приема стоматолога еще было, и мы зашли к моему водителю Андриющенко Анатолию. Кузьма как-то намекал, что хочет посмотреть, как картошку сажать, морковку, зелень там всякую.

– В лесу себе посажу, хоть и непривычные мы в земле ковыряться.

Толя умудрился рядом с баракком огородик небольшой обиходить. Жена его агроном, а потому, получив квартиру после брезентовой палатки, потом комнаты в общежитии, в первую очередь попросила мужа огородить кусок земли, вернее песка. Соседи, обалдевшие от счастья, связанного с новосельем, смеялись над сумасбродной бабой и согласились на прирез пустыря под окнами в пользу агрономши. Теперь вот локти кусают.

– Вот уже картошка взошла, – Толя с удовольствием показывает свое хозяйство.

В теплицах высаженные помидоры, кое-где набравшие цвет, от прикосновения отдавали густой запах. Теплицы – особая гордость Толи и его Галины и, естественно, предмет зависти всего поселка. Никому таких крупных плодов вырастить не получается, хоть и не скупится на советы агрономша, но напрасны старания.

Кузьма ходит, молчит.

А что тут скажешь? Слушать нужно, что люди скажут. Тут и Галина подошла, давай нараспев лекцию читать. Сразу видно, что не впервой.

Кузьма еще пуще задумался.

Кто помнит те бормашины, вызывавшие «шок и трепет» еще задолго до экзекуции, тот знает, почему Кузьма еще часа два после посещения стоматолога молчал, лежа на диванчике, уставившись в потолок.

– Чаю поставь, – наконец промычал он, придерживая щеку и шаркая тапочками.

– Больно? – спросил я его.

Кузьма стоял спиной и смотрел сквозь окно вдаль, словно не слышал моего вопроса.

– Да так. Не пойму: болит или не болит. Неловко как-то, – с опозданием молвил он. – Я вот думаю: помидоры как растут? На кусту или их выкапывают, как картошку?

– На кусту, – удивился я такому вопросу и улыбнулся. – Ты же видел: они цветут.

– Картошка тоже цветет, – сказал он тихо, помешивая чай, и замолчал.

Фотопленки, как это водится, имеют странное свойство куда-то исчезать, разбежаться по ящикам, захламленным разным ненужным барахлом. Четыре выходных на майские праздники подвигли меня на большое дело: отыскать и напечатать пленки пятилетней давности. Тогда я сделал пробные фотографии и спрятал работу на «потом». И вот это «потом» растянулось на пять лет. Предстоял приезд Кузьмы с Дусей на праздники, и я решил воспользоваться их помощью, тем более, что с трудом найденные фотопленки таили в себе много интересного для моих друзей. Пять лет назад я со своим другом Толей Вологжаниным охотился во владениях Кузьмы. Несколько пленок запечатлели их родственников, живущих на берегах живописнейшей реки Вать-Еган.

– Ну что, Кузьма, – за чаем спросил я, – можете мне с Дусей фотографии печатать? А то одному несподручно...

– Так мы не умеем, – тихо проронила Дуся.

– Мы ни разу не печатали, – Кузьма растерянно посмотрел на меня.

– Ничего, научитесь. Я буду печатать, а вы проявлять.

– Ладно, научимся. Интересно посмотреть.

Я уже заранее затемнил одну комнату, приготовил все необходимое, развел растворы.

Сначала проявляющиеся лица своих родственников произвели на моих друзей эффект разорвавшейся бомбы. На их глазах лица обретали контуры тени, полутени, вырисовывались знакомые пейзажи. Они хохотали, тыкая пальцами в очередную фотографию, но вскоре Кузьма, тонко подмечая мои замечания по поводу качества фотографий, строго сказал:

– Не додержал эту фотографию, дай больше выдержку. Видишь – светлая, а на свету она совсем бледной будет.

Я удивился верному замечанию, потому, что Кузьма еще не знает, как будет выглядеть фотография при обычном освещении. У него еще нет такого опыта.

– Вроде передержал, – говорю я, замечая, как быстро вылупляется очередное лицо.

– Как раз будет хорошо, там на свету будет нормально, – возражает Кузьма.

Уже потом, включив свет, убеждаюсь в правоте своего друга.

– Вот передашь Алексею, – отбираю я уже высушенные фотографии.

– Нет его: утонул, – глухо произнес Кузьма.

Мне стало не по себе.

– Жене отдашь.

– Они вместе с женой утонули.

Я замешкался. Попалась фотография Витьки, что живет выше развилки.

– Витьке передашь, – я протянул фотографию с улыбающимся Витькой, балагуром и весельчаком, какие редко встречаются среди лесного люда.

– Убили Витьку. В прошлом году в лодке нашли с простреленной головой.

– Вот Максим...

– Умер...

Я не слышал уже голоса Кузьмы.

Я смотрел на разложенные в беспорядке фотографии и видел Алексея с его маленькой женой, стоящих на пороге своего утлого домишки, рядом на дощатом пороге ползает маленькая дочурка, а из-за отцовского плеча выглядывает Ленька – старшенький. Тогда ему исполнилось десять.

Вдруг Витька поднимается с реки. Лицо его лучится радостью. Вот он рассказывает, красочно жестикулируя, как учил ленивую собаку, подвязывая ее на ночь так, чтобы она стояла только на задних лапах. «Утром беру ее на охоту. Работает, как угорелая: ноги разминает», – хочет Витка.

Всегда бледный и страшно худой скуластый Максим молчаливо курит «Приму». Он мне запомнился тихим и молчаливым с тяжелой грустью в глазах. После смерти отца Усть Ивановича он совсем осунулся, замкнулся. Он такой же на фотографии: худой и бледный.

А вот Усть Иванович рядом со своими оленями.

...Нет уже Усть Ивановича, нет его оленей, нет и сына его Максима...

...Там Анна на одной фотографии с Лукиным. Николай не фотографировался: «Зачем меня такого будешь фотографировать?» – спросил он на предложение стать перед фотоаппаратом. Он не хотел выглядеть слабым...

И только Пашка, сын Кузьмы, весело шагает в будущее с огромной кружкой воды... Я горжусь этой фотографией и считаю ее лучшей в жизни...

Вот тогда-то я и решил, что обязательно когда-нибудь напишу об этих простых людях с такими непростыми судьбами, заплетенными этим взъерошенным временем.

И вспомнились мне слова мудрого Усть Ивановича:

– Мы хотим, чтобы нам не мешали жить по-нашему. У нас одна вера, у нас и судьба на всех одна, что на Агане, что на Вахе или где-нибудь еще. Каждый живет в своем урмане, в своем бору, но все едят одну рыбу и носят одинаковые одежды. И мы все молимся одним Богам.

Зимник

Буран навалился в пути. И прошло-то не более часа, но он полонил нас, и в этом вихревом ветвороте, казалось, не будет уже ни солнца, ни света. Низкие, корявые сосенки на неоглядном болоте исчезли в белых завертях пурги, и, отыскивая хантыйское стойбище, до боли всматривался я во мглу, боясь в снежной пелене не угадать натоптанный за зиму олений путь. Светало. Волком, упускающим добычу, взвыл буран, заглушая натружено ревущий двигатель УАЗа.

Среди сугробов, на торосе дорожного отвала, поджав под себя ноги, сидел человек, а в том, как аккуратно были уложены на коленях его руки, чувствовалась безысходность и покорность пережившего не один буран. Когда мы по-

равнялись, он пошевелился, повернул голову, роняя с капюшона лохмотья снега. По толстым очкам-линзам я узнал старого ханты-старожила. Вышел к нему, протянул руку.

– Здравствуй, Усть Иванович. Что в такую погоду?

– Траствуй, токтор. Человека жту.

– Случилось что?

– Ничего не случилось, – отвечал он каждый раз коротко с характерным для ханты «т» вместо «д».

Голос его дрогнул. Он суетливо протер очки, зачем-то вытащил трубку, убрал ее, втянув ее через рукав под малицу, вконец растерялся. Казалось, он извинялся за присутствие на зимнике в такую погоду.

– Не болеешь? – перевел я разговор на нейтральную тему.

– Так, ничего, только клаза шибко плохо витят. Вчерась клухаря стрелял, промазал. Шипко плохо клаза витят, шипко плохо, – закричал старик.

– Кузьма-то дома?

– Тома, тома. И Кузьма и Туся – все тома.

Километра два-три мы шли почти на ощупь. Оленью дорогу занесло, только кое-где видны углубления в снегу от следов старика. Ветер утих, тучи быстро прогнало на север, и выкатилось солнце. Яркий снег-переновок слепил глаза до боли. Мы с водителем Иваном, человеком надежным и многоопытным, шли сосновым бором. Много дорог вместе исколесили. Вот и олени. При нашем приближении они встали, насторожились, но убежать не спешили.

Показались хантыйские избы, срубленные из нетолстой сосны. Небольшие и непохожие на крепкие русские пятистенки, по самые окна занесенные снегом, они немногим больше метра возвышались над сугробами. Плоские крыши, скошенные с обеих сторон, повторяли двускатную форму потолка. За избами виднелись лабазы, сделанные особым образом и служившие лесным жителям для хранения провизии, шкур.

Собаки, привязанные к вбитым кольям, не имели крыши над головой в виде собачьих будок. Они спали прямо на снегу в вырытых углублениях. Увидев нас, громко залаяли. Но в их лае не чувствовалось той оголтелой ярости и ненависти к человеку, как у дворняги, сидящей на цепи.

– Кучум, ты что, меня не узнал?

Большой, черный с белым воротником пес сразу завилял хвостом, опустил, как будто смутился, голову и залаял с повизгиванием. Узнал, конечно, узнал, но свою работу сделать обязан. Подавать голос хозяину – его обязанность. И старый пес это усвоил еще с детства. В тайге, на охоте он – добытчик, дома – сторож. Недаром Кузьма так дорожит своей собакой.

– Сначала с собакой здороваешься, потом – с хозяином? – Кузьма появился совсем незаметно на пороге избы.

Меня всегда поражало его внезапное незаметное появление. Лесной житель, он умел ходить бесшумно, терпеть не мог, когда в избе дверь скрипит или половицы «поют». Никакой посторонний шум не должен глушить лесную тишину. Я часто замечал, как ходят желваки на его скуластом лице, когда слышит он шум ревущих двигателей и лязг железа со стороны очередной нефтяной вышки.

– Я жду тебя. Слышу – УАЗик идет, так что чай уже заварен. Заходите.

Поздоровались, посмотрели друг другу в глаза. Не виделись уже больше года. Не произошло ли каких изменений? Глаза вмиг расскажут больше

длинного разговора.

– Там на зимнике Усть Иванович сидит. Кого-то ждет, что ли, в такую рань?

– Ждет! Каждое утро и вечер ждет, – как-то зло пробасил Кузьма, – потом сам расскажет. Он тебя видеть хотел: болеет.

В избе, несмотря на раннее утро, никто уже не спал. Трехлетняя дочурка Галя с красным бантом на макушке бегала по избе и тискала кошку. Та слабо сопротивлялась, видимо, понимая бесполезность своих усилий. Сын Павел приехал из школы-интерната на каникулы. Лицо его было серьезное и какое-то недоверчивое: отпечаток интернатовской жизни вдали от родных. Из рассказов Кузьмы я потом узнал, как Паша тяжело расставался с родным домом. Слово птенца, пойманного в силки, увезли его осенью в первый класс школы-интерната.

В избе чисто, уютно, тепло. Дуся возле печки помешивала варево.

– Кузьма сказал, что доктор едет, вот я суп поставила: тебя ведь рыбкой не накормишь, – Дуся блеснула своими карими глазами, хихикнула. В избе витал нежный аромат косачинного супа.

– А у тебя, я смотрю, семейство уже сыто.

– Они давно уже встали: вчера Кузьма сказал, что ты приедешь – ждут. Мне с тобой поговорить нужно...

– Вы тут с доктором поговорите, а мы с Иваном дров привезем, – надевая шапку, кинул уже с порога Кузьма.

– В лесу живешь и дров не наготовил? – хотел подтрунить над Кузьмой.

– А зачем мне их загодя готовить? Я ведь в лесу живу, – хитро усмехнулся Кузьма и уже серьезно добавил: – Мне «Бураном» по снегу сподручней дрова возить.

Дуся проводила мужа мягким, теплым взглядом, прикрыла за ним плотнее дверь, а для порядка проворчала:

– Дети по полу ползают, не лето ведь.

Дуся, худенькая, невысокого роста женщина, ловко управляет хозяйством, успеваешь и суп помешать, и рыбу почистить, и маленькой Галинке по-матерински шлепок отвесить за озорство.

Любит ее Кузьма, и она ему отвечает взаимностью. Вместе с мужем ездит на рыбалку, сама может поймать оленей, снарядить упряжку, наколоть дров. Кисы сошьет и малицу спроворит. За детьми следит строго и Кузьму, если надо, уберезет от неверного шага, и он ей редко перечит. На вид хрупкая, она крепко держит хозяйство в руках. И все у нее ладно: и в избе чисто, и дети сыты и ухожены, и муж обласкан ее нежной заботой. Получили они с Кузьмой недавно трехкомнатную квартиру в Покачах. Поселок и назвали Покачи, потому, что построен на родовых угодьях его деда – Покачева Павла Ивановича. Места были ягодные, богатые боровой дичью. Ягель чистым светло-зеленым ковром устилал сосновые боры. Оленей помногу держали тогда ханты, населяющие пойму реки Вать-Еган и берега озера Имн-Лор. Покачевские угодья давали все необходимое лесным жителям, и они берегли свои сокровища. Рачительный хозяин лишнее из кладовой не возьмет. Иностранное тело в глазу матери-природы сидит поселок. Не вяжутся, не гармонируют стекло, бетон с ягелем, молодыми соснами. И Кузьма со своей семьей не могут пока привыкнуть к новому жилищу. А с другой стороны – и школа, и детский сад. Все рядом. Паша во второй класс пойдет в школу, что напротив дома...

Почему-то уже который раз мысленно возвращаюсь к старику на зимнике и, не находя ответа на свои вопросы, снова возвращаюсь в эту простую и необыкновенно жизненную реальность.

– Я теперь работать буду, – с какой-то гордостью и решительностью сказала Дуся, прервав поток моих мыслей, – в детский сад пойду няней. Боюсь: справлюсь ли? – и засмеялась. Смех ее был ответом на свой же вопрос.

– В интернат я больше не поеду! – пробасил сердито Паша в углу.

Дуся рассказывала о своем житье-бытье. Ее страшит предстоящая новая жизнь в поселке. Я слушал неторопливый рассказ Дуси, прерываемый то Галей, то Пашей, то разыгравшейся кошкой, но мое воображение снова и снова навязчиво возвращалось к снежной фигуре Усть Ивановича. Что заставляет его ходить каждое утро и вечер на зимник? Кого ждет каждый день? Старый и больной житель леса мне сегодня показался совсем не таким, как я привык его видеть. Что-то его растревожило, раздавило. Всегда гордый и уверенный в себе старый воин, прошедший войну, показался мне сегодня беззащитным ребенком.

День пролетел в обычных хлопотах. Кузьма привез дрова, нашел ушедших в дальний сосновый бор оленей. Затем проверили «мордушки», поставили две сетки под лед, поправили кораль для оленей, завезли две бочки бензина на весеннее стойбище: скоро перебираться на весновку, и «Бураном» тяжелые грузы забросить сподручнее. К вечеру устали. Невольно понимаешь, что жить в тайге ее милостью и дарами – большой, тяжелый труд. Как говорится: не потопаешь – не полопаешь.

Вечером завели бензиновый генератор и пили чай в освещенной привычным для горожанина электрическом свете избе. В углу беспрерывно вещал «Маяк».

– Как в городе, – кивнул я на электрическую лампочку. Я по осени привез генератор, отданный мне бригадиром строительства железной дороги за поллитровку спирта. «У нас такого добра навалом», – сказал бригадир. Старый генератор сгорел, и починить его Кузьме не удалось.

– Мы уже привыкли, – отозвалась от печки Дуся.

– Так-то оно хорошо, – подхватил Кузьма. – Обещают «Буран» новый. Этот я за две зимы изъездил совсем. На оленях-то все реже и реже ездим: мало осталось...

Я не стал спрашивать, сколько осталось, зная, что Кузьма не любит считать оленей. «Сколько есть – столько есть. Зачем считать? По-нашему не нужно считать свое добро».

Кузьма отхлебнул суп, помолчал и продолжил:

– Нам без оленей нельзя. Но теперь тяжело стало с ними. Раньше я на лыжах находил их в лесу, а теперь на «Буране» по несколько дней ищу. Далеко уходят: шарахаются, боятся всего. Везде шум...

Пришел Усть Иванович в новой футболке с нарисованной тигриной пастью во всю грудь и в меховых кисах. Он присел к столу, протирая очки-линзы и смешно щурясь. Пили чай. Разговор, как всегда, шел о рыбалке, охоте, об оленях, которым становится тесно в окружении дорог и нефтяных вышек.

– Земли мало становится, – заключил Усть Иванович.

Как точно и емко сказал! Ведь как назвать землей залитые нефтью болота, озера, исковерканные «гэтэтэшками» беломошные гривы.

Это уже не земля – это месторождение.

Одну тему все деликатно обходили. Я осмотрел старого охотника, выслушал сердце, измерил артериальное давление и остался доволен осмотром: сердце работало ритмично, давление сто сорок на девяносто для его возраста хорошее. Рубец от ранения в правое легкое смотрел вороньим глазом на правой лопатке. Но терпеливый охотник не стал жаловаться на одышку:

– В лесу востух чистый, тышать легко.

Плохо дело обстояло с глазами: веки воспалены, ярко выраженный сосудистый рисунок на белочной оболочке. Явные признаки конъюнктивита, который может развиваться от холодного ветра, яркого весеннего солнца, кратно усиленного его очками-линзами. Старику нужен покой и лечение в домашних условиях. Особенно вреден яркий солнечный свет. Я достал из сумки глазные капли, мазь, рассказал, как пользоваться.

– Неделю нужно полежать дома, дать глазам отдых. На яркое солнце и холод выходить нельзя.

– Мне нельзя лежать, мне мушика встречать нато. Он мне приемник и пять бутылок водки привезет.

И тут он рассказал странную историю, как он отдал три оленьи шкуры какому-то водителю «Татры», а тот пообещал привезти приемник и водку. Вот она причина ежедневных его дежурств. Старик знает график выезда машин из автобазы и время возвращения. Ежедневно утром и вечером выходит он на зимник в надежде, что его водитель остановится и отдаст обещанное. Пройдут восемнадцать машин, и он идет домой. И так каждый день: утром восемнадцать машин, вечером восемнадцать машин.

Не хочет он верить в то, что его обманули, не может он этого понять, потому, что он САМ договорился и ТОТ пообещал. Не может старый лесной житель поверить в обман. Не может этого быть. С ним еще такого не случилось за всю его длинную жизнь.

– Усть Иванович, не нужно больше ходить на зимник, – сказал я старику, – обманул он тебя, пошутил он.

– Мушик не шутил, мушик серьезно сказал, – твердо и упрямо ответил он.

– Ты хоть запомнил мужика, машину, номер?

– Мушик с усами, на красной «Татре».

Да, не густо: все они с усами, и «Татры» все красные. Старый охотник отвернулся.

– Мне его встретить нато. Вдруг он приетет, а меня нет. Как он отдаст? А он потом мучиться путет. И после смерти его душа не путет спать покоя. По-нашему, кто долг не отдаст, шибко мучится пудет на том свете.

Он отвернулся и замолчал.

Мы уезжали на следующий день вечером. Возле нашего УАЗика на высоком снежном сугробе сидел Усть Иванович, ждал возвращения машин из месторождения, где они вели отсыпку. Еще долго мы видели его в зеркале заднего вида, пока он не исчез за поворотом. Всю дорогу в глазах стояла фигура сидящего на сугробе старика, беспокоящегося о чьей-то душе.

Через несколько дней я заехал в автобазу, привез водку и новенький, в упаковке радиоприемник, попросил одного усатого парня отвезти его тому старику. Его, как и историю с оленьими шкурами, оказывается, все водители знают. Водитель-должник уволился и уехал к себе на родину, особенно не беспокоясь о долге, старике и своей душе.

Осенью я приехал к Кузьме уже в новую квартиру. Дуся устроилась на работу, Паша ходил в школу и был очень доволен, что теперь ему не нужно уезжать от родителей в интернат. Галя пошла в тот же садик, где работала ее мама. Кузьма по-прежнему работал штатным рыбаком и дома бывал редко. Он рассказал, что Усть Иванович умер той весной, вскоре после закрытия зимника. Поручение мое усатый водитель выполнил, но Усть Иванович не притронулся к водке и приемник не распечатал. Он продолжал ходить на зимник по-прежнему каждый день. Уже в распутицу весенним днем он собрался на оленях якобы искать осину для обласа и не вернулся...

Нашли его 9 мая. Олени паслись рядом, запряженные в упряжку. На нартах лежала привязанная бензопила и топор. Старый охотник сидел под огромной осиной, прислонившись к ней спиной, уронив голову на грудь, украшенную боевыми орденами, которые он надел впервые со Дня Победы далекого 1945 года. Руки его аккуратно, ровно лежали на коленях.

2000 г.

Любимое время года

УАЗик лихо катил по новой бетонке, дробно отсчитывая дорожные плиты. С горбатого моста через Аган открывался величаво задуманный всевышним творцом зимний пейзаж. Раннее утро. Справа над рекой выкатилось огромное красное солнце. Оно еще великодушно позволяло собою любоваться, не набрав пока той ослепительной яркости, когда его лучи выбивают слезы, отражаясь от искрящегося чистого снега. Тени от прямых, как зубцы гребешка, сосен ложились длинными розовыми полосами через бетонку. От пересечения этих ровных рядов возникало ощущение такой бешеной круговерти, что в глазах рябило, и эта рябь вытесняла из сознания все без остатка – только солнце, снег и бесконечные тени... Время не то останавливалось, не то разгонялось до невиданных скоростей; пространство то расширялось до бесконечности, то сжималось в точку. Чувства временами притуплялись, не позволяя воспринимать действительность, и тогда мелькание сливалось в непрерывность тени и света. Временами зрение обострялось, выхватывая на скорости каждую тень. Поворот налево, и пространство, освобожденное от соснового плена, наполнилось нежным весенним утром. Солнце становилось все ярче и ярче в зеркалах заднего вида, теряя свои четкие очертания.

Вскоре мы остановились перед новым чешским общежитием, какие в то время можно было встретить на многих месторождениях. На пороге появился Лукин в лохматых унтах, мой знакомый. Он вызвал меня по рации. Так как треск во время сеанса связи стоял невообразимый, я только и успел разобрать, что едем к хантам, к его больному другу, и нужно взять «трубочку слушать». Говорил он торопясь и не зря: связь внезапно оборвалась, и наш связист, как ни старался, ничего сделать не смог. Я взял «трубочку слушать», собрал аптечку и – в путь.

Лукин Олег Ильич стоял на пороге и, растопырив свои длинные руки, широко улыбался. Я тут же попал в его крепкие объятия.

– А я уже стал сомневаться – приедешь ли? У нас рация накрылась. Скоро ханты подъедут. Они уже в поселке, продукты закупают.

В просторном холле стоял теннисный стол, мы взяли ракетки. Олег

играл на том же любительском уровне, что и я. Игра шла ровно. В огромное окно центральная улица поселка видна, как на ладони.

– Едут! – Олег поймал теннисный мячик и подошел к окну. Три оленьи упряжки одна за другой появлялись из-за поворота. Меня поразило это зрелище. Олени, гордо держа головы, легко бежали, поднимая высоко ноги, из ноздрей валил густой пар, воздушные нарты легко скользили, слегка покачиваясь. Я впервые видел оленьи упряжки наяву. Олени почему-то оказались меньше, чем я себе представлял. Только у двух были красивые раскидистые рога. Один был с одним рогом, были безрогие. Три упряжки, по три оленя в каждой. Ханты привязали оленей прямо к перилам крыльца.

– Вот доктор, как обещал, – сказал Лукин, здороваясь с женщиной, одетым в нарядную малицу. Упряжкой управляла женщина, как оказалось, его жена.

– Николай, – подал руку он, не вставая с нарт. – Это жена моя Аня.

На лице Николая появилась улыбка, обнажая желтые, нездоровые зубы. Улыбался он, превозмогая боль. Лицо его с желтизной, изрезанное мелкими морщинами, выдавало человека хоть молодого, но больного тяжелым недугом. Глаза смотрели мягко, с какой-то обреченностью и робкой надеждой. Он сидел на нартах, свесив ноги, упираясь руками в колени, и тяжело дышал, приподнимая плечи с каждым вдохом. Трубка, зажатая в зубах, дымила, распространяя запах дешевого табака. Он медленно, как делают обычно старики, покряхтивая, встал, стряхнул снег с оленьей шкуры, поправил ремень, нож в деревянных ножнах и так же медленно снова сел.

– Потрясло маленько, и живот разболелся, – сказал он тихо, как будто невзначай.

И не было в его голосе ни жалобы, ни слезливости: не о его боли будто шла речь. Подошли товарищи Николая, тоже в праздничных малицах.

– Егор.

– Михаил.

Оба невысокого роста, крепко сбитые, они замкнули круг. Аня подошла к оленям, поправила упряжь, погладила их, достала мешочек с сухарями и по очереди подошла к каждому, приговаривая, что-то на хантыйском. Олени, громко похрустывая, вытягивали шеи, медленно жевали, заглядывали в глаза хозяйке в надежде получить добавку.

– Ну, чайку поьем и в путь, – Лукин положил руку на плечо Николая.

– Чайку маленько можно.

Чай, оказывается, уже заварен. На просторной кухне, меблированной чешской мебелью, что шла вместе с общежитием, расселись кружком.

– Продукты взяли: тушенку, сахар, чай, – Николай держал кружку в ладонях, словно боялся остудить чай, дул, прежде чем громко потянуть ароматный горячий напиток. Все он делал медленно. Даже кисет с табаком искал долго, как в замедленной съемке, также не спеша набивал трубку, – зима кончается, весна пришла. Люблю весну. Праздник у нас сегодня – Вороны день. Оленя колоть будем, – Николай сладко затянулся, – весна-а-а....

– Как это, праздник вороны? Чем же это заслужила ворона такую честь? – искренне удивился я. Мне и в голову не могло прийти такое – праздновать день вороны, этой воровки и хулиганки, прописанной в русских народных сказках отнюдь не светлыми красками.

– Она первая прилетает к нам. Первая дает знать, что весна пришла. К человеку тянется. Всегда рядом с человеком живет.

Долго задерживаться не стали. Мы с Лукиным сели в первые нарты, водитель УАЗа Иван Васильевич во вторые, Николай с Анной замыкали колонну. Тихо шуршат полозья нарт. Олени несут быстро, мелькают низкорослые сосны, и скоро не стало видно поселка, не стало слышно его шума. Егор негромко гыкает на оленей, изредка подгоняя их длинным шестом – хореем. Летят по обе стороны деревья назад, кажется, что кружат они вокруг снежным хороводом. Олени всхрапывают, бегут резво, весело, словно это доставляет им радость. Снежная пороша искрится на ярком солнце. Низкий сосняк сменился нарядным белым березняком, затем нарты пошли вверх и вынесли нас в светлый сосновый бор, снова большое болото с низкими соснами, снова бор. Зима, скупая на краски, показалась мне тогда не такой уж однообразной: белые, сливающиеся со снегом березы, стоящие вперемешку с кедрами, соснами, позолоченными утренним солнцем, заполняют пространство мазками самого даровитого художника – природы, радуют глаз меняющимися картинами. Иней, тронутый дуновением ветра, искрится на солнце золотистыми блестками и разноцветной радугой.

Круговерть прямых и стройных сосен вскоре вынесла нас на огромную елань. Избы появились внезапно, как из-под земли выросли.

Три семьи проживают в этом стойбище, которое расположилось в чистом сосновом бору, на берегу небольшой речки. Две маленькие избушки стоят рядом на краю гривы. За ними начинается крутой спуск к ручью. Стены избушек сложены из нетолстой прямой, как карандаши, сосны. Брезентовый верх, местами прожженный искрами, немного обвисший, придает им убогость. Наши упряжки уже под веселые голоса встречающих нас детей остановились посредине селения, ближе к большой избе, срубленной недавно. Светлые, еще не потемневшие от времени бревна, придают ей нарядность. Женщины, одетые в национальные одежды, расшитые бисером, выстроились перед нартами. Яркая одежда на фоне чистого белого снега выглядит торжественно. Ребятя с визгом скатывается с горки на деревянных санках – точной копии больших нарт. Мороз раскрасил их детские лица густой красной краской. Звенят в морозном воздухе задорные голоса, создавая свой детский и звонкий мир в этом безмолвном и неподвижном параде седых сосен.

В маленькой избушке Николая тепло. Аня, пока мы стояли на улице, успела растопить печку, поставить чайник. Раскрасневшаяся буржуйка разливает тепло расточительно, щедро одаривая каждого частичкой своей жаркой души. Сквозь небольшое оконце свет врывается пыльным столбом, освещая стол. Пар от чайника тянется к окну и стекает по стеклу прозрачными каплями. Николай разделся, закурил.

– В прошлую зиму перед Новым годом, – начал негромко он, обращаясь ко мне, – поехали мы в поселок за продуктами. Сахар, чай завезли в магазин, ну и табаку, водки к празднику тоже надо. Выпили мы там маленько, а мороз стоял... – туман, – Николай улыбнулся, с трудом поднялся, взял спички, стал прикуривать потухшую трубку.

– С нами еще Мишка был. Мы на евошных оленях ездили, – подхватил быстрый на слово Егор, ставя ударение в слове «оленях» на последнем слоге, – обратно возвращались поздно, по темну. Домой приехали, смотрим: нет Николки. Потеряли, получается, по дороге. Мы обратно – искать.

В поселок вернулись – нету, не нашли. Обратное – нету! Ну, ладно, думаем, завтра найдем...

– Ничего себе «завтра»! – не выдержал я, – мороз за сорок. Нашли? – задал я глупый вопрос.

– Утром нашли – живо-о-ой! Хант не замерзнет, хант в снег зароется, в снегу тепло-о-о-о, – прищурившись, тянет Егор, – малица греет, в малице мороз не страшен, – продолжал он и для наглядности встал, показывая малицу, сшитую из оленьей шкуры мехом внутрь. Рукава ее заканчивались меховыми рукавицами с прорезью на ладошке. Не нужны рукавицы – рука высовывается из разреза, а рукавица болтается на внешней части кисти. Капюшон из ондатрового меха оторочен росомашьим мехом: он не индевет на морозе от дыхания. Сверху малица обшита светлой материей и украшена бисерной вышивкой. Это праздничная малица. Ее Егор надел в честь Вороньего дня.

– Сначала не холодно было, – продолжал Николай, – уснул. А под утро, как протрезвел, замерз маленько.

Он сидел на полатах, снова набивал трубку и глухо покашливал. Кашель все усиливался и перешел в затяжной мучительный приступ. Николай согнулся, придерживая рукой живот. Боль исказила его лицо. Он отвернулся, тяжело дыша. Потом с полминуты посидел с опущенной головой, словно стеснялся своей невольной слабости, поднял уже спокойное лицо, смахнул слезу рукой. Рассказ его снова продолжался тихо и мерно, как журчание ручья, еле перебивая треск дров в печке и детские голоса, доносившиеся с улицы.

После того как Николай «маленько замерз», он тяжело заболел. Раннее дремавший туберкулез свалил его, приковал к больничной койке. В вертолете по дороге в больницу он бредил. Ему казалось, что он плывет под водой, лежа на дне облака. Вокруг шумит вода. Шум до боли давит на барабанные перепонки, перерастая в рев медведя. Сверху видятся круги, превращающиеся в водовороты. Его облачок крутит, то поднимая, то бросая в бездну подводными течениями. Воздуху не хватает, его обнимает холодным покрывалом волна, выносит на поверхность, он жадно делает глоток воздуха, – и снова в пучину... Николай видит себя десятилетним мальчиком. Ему вспомнилось то утро, когда на рыбалке перевернулся облас, запутался он в сетях и, чудом подоспевший отец, вытащил уже бездыханного сына на свет и воздух...

В больнице Николай очнулся только на следующий день. Врачи сутки боролись за его жизнь. Сутки не отходили от его койки медсестры.

– Глаза открываю, – рассказывает дальше Николай, – а вокруг все белое: потолок, стены, и женщина сидит рядом тоже вся в белом. Умер я, что ли? «Ты, – говорит женщина, – всю ночь нам про страшных зверей рассказывал, песни пел то на хантыйском, то на русском». Что я мог петь на русском? Я же ни одной песни русской не знаю, – Николай улыбнулся, захлопал часто глазами, отвернулся к окну.

Набравшись сил, Николай через два месяца, так и не долечившись, сбежал домой. Его искали, дважды прилетал вертолет, но он скрывался, не хотел снова в больницу.

– Что, плохо было в больнице?

– Да нет, хорошо. И врачи хорошие, спасибо, что вытащили с того света.... Скучно стало. На весновку сбежал. Прошлой весной много рыбы было, ондатры пострелял, летом тоже рыбачил, а к осени снова плохо ста-

ло. Думал, отлежусь маленько, а оно все хуже и хуже. Вот смотри, какой худой стал, – он положил дымящуюся трубку на стол, вытянул тонкие руки вперед и снова закашлялся.

– Ты очень много куришь....

– Не могу не курить. Табак силу дает.

– Тебе лечиться нужно... в больнице. Лукин вертолет даст, я договорюсь о лечении.

– Сейчас нельзя. Вот отвеснуюсь, – он на мгновение задумался и обреченно произнес спокойным голосом: – Мне больница уже не поможет, не хочу в больнице умирать.

В избушку с шумом, впуская клубы холодного воздуха, ворвались дети Николая: девочка лет шести и мальчик трех-четырёх лет. Девочка быстрая и разбитная, как Анна, что-то громко на хантыйском языке объясняла матери. Та позвала малыша к себе:

– Напрудил полные штаны, – не то ругала сына, не то переводила сказанное дочерью Анна, – домой сразу бежать нужно. Не май месяц.

Она ловко сняла меховые кисы, которые сдержались вместе с колготками. Потом с хрустом оторвала примерзшие к подошве кисов колготки. Ноги у малыша покраснели, как у гуся лапы. Анна взяла в свои ладони эти красные лапки, поднесла к губам, отогревая их своим горячим дыханием. Наблюдая эту идиллическую картину, я мысленно представил себе городского малыша, пробежавшего часок-другой в обледелой обуви на морозе, и мамашу, обнаружившую такую оказию. А Анна спокойно отогрела малышу ноги, вытерла блестящий ручеек под носом своего чада, передела в сухую обувь и снова выпроводила на улицу.

Подъехали гости на двух оленьих упряжках. Одеты они тоже празднично. Дети гостей сходу включились в игру, и уже не различить в куче, где дети гостей, а где хозяев. Оказалось, что ждали именно их.

Оленя закололи еще утром. За избой на снегу растянули шкуру. Жители стойбища и гости в праздничных одеждах стали полукругом. Нам тоже предложили присоединиться к обряду. Вышел вперед Михаил и на правах старшего что-то громко на хантыйском напевно сказал, обращаясь к своим сородичам. Затем все стали, пружинисто качаясь, поворачиваться во все стороны, молиться, как говорится, по-своему.

Поклоняются своим богам лесные жители несмотря на то, что в каждой избе найдется иконка Божьей Матери, Николая Чудотворца. Свои боги им роднее, ближе: они много столетий помогают им выжить в тяжелую годину. И сейчас люди просят их защитить свою землю от разрушения, дать возможность жить так, как жили их предки. Они просят наполнить их реки рыбой, боры дичью, просят, чтобы олени плодились, чтобы ягеля было достаточно. Николай тоже молится вместе со всеми, медленно поворачиваясь по сторонам. Непривычно видеть его без трубки во рту. Он мысленно просит своих богов дать ему силы и терпения, здоровья и исцеления. Шамана нет. Обряд проходит скромно. Теряется нить, соединяющая народ ханты со своим прошлым, теряются вековые традиции. Не так, видимо, раньше праздновали день Вороны, день Весны предки Николая, Михаила, Егора. Я представил себе шаманов с бубнами, песни, пляски, молитву богам проникновенную и торжественную. Пружинисто раскачиваясь, я ушел своими мыслями в далекое прошлое, мое воображение несло меня в глубину веков. Я слышал гортанное пение шамана,

бубен взлетал над его косматой головой, уводя его в дикую круговерть. Затем танец подхватывают мужчины, кружась вокруг костра, звучит мелодичная, протяжная песня, восхваляющая Землю, Небо, Богов. Гремит бубен, многоголосица наполняет бор, стелется по болотам и гривам, уходит в бездонное небо, возвращаясь лучами яркого солнца, играющего на разноцветных одеждах, и отражаясь от искрящегося снега, создается праздничное многоцветие.

В большой, светлой избе Михаила на низком столе стоит казан с отваренным оленьим мясом.

– Садитесь сначала вы за стол, – обратился хозяин ко мне, Лукину и водителю Ивану Васильевичу, – а то мы будем кушать по-своему, – и он показал рукой на большую миску с кровью, на сырое мясо.

Оленина оказалась очень вкусной. Отваренная большими кусками на костре, она распространяла аппетитный аромат. За обедом завязалась беседа. Михаил сетовал на то, что дичи стало меньше, оленям негде пастись: дорога к кустам прошла через пастбище. Нефть попала в речку...

– А тут еще олени стали пропадать, – продолжал Михаил, – один пропал, потом другой. По насту трудно искать. Куда деваются олени, – не знаем. Почти месяц искали.

Михаил рассказывал медленно, затягиваясь сигаретным дымом. Он сделал длинную паузу, словно переживая заново трудные многодневные поиски в тайге, по урманам и болотам.

– Нашли? – не выдержал я.

– Нашли, – он снова замолчал, – на буровую следы привели. Бульдозерист застрелил.

– Разговаривали с ним?

– Говорили.

– Ну и что?

– А... Плохой человек был, – коротко закончил Михаил.

Он тяжело вздохнул. Ему до сих пор жалко оленей. Они уже почти перезимовали морозную зиму. Важенка должна была в мае родить олененка. Другой пропавший был хорошим ездовым оленем.

В избе стало тихо. Никто не ожидал такую короткую и несколько странную концовку рассказа. Все встали из-за стола, вышли молча на улицу. День уже перевалил за полдень, и заметно похолодало. Пора собираться домой. Мужчины собирались трапезничать «по-своему». Анна подогнала упряжку, чтобы отвезти нас в поселок. По дороге все молчали. Рассказ показался нам диким и жестоким. Бульдозерист не вызывал симпатий, но...

Несколько лет спустя, на охоте, я спросил своего друга Кузьму:

– Ты знаешь Николая, Егора, Михаила, что живут за старыми Покачами?

– Как не знать? Николай родня мне, он тоже Покачев.

Кузьма рассказал мне, что Николай с Анной той весной перебрались на весеннюю стоянку, где Николай последний раз рыбачил – весной. Анна по насту в конце апреля выследила и убила медведя. Поила мужа медвежьим жиром и желчью. Приезжал из Рускинских шаман, но ничего не помогло. Умер он на майские праздники в разгар весны, в его любимое время года прямо в обласе, так и не успев оттолкнуться

от берега.

- Знаешь ли ты историю с оленями, что пропали у Михаила?
- Я им искать помогал. Бульдозерист застрелил.
- Что стало с этим бульдозеристом?
- А...Плохой человек был, – сухо сказал Кузьма.
- Я уже это слышал, – чуть не закричал я, – они что, убили его?
- По-нашему – человека нельзя убивать: сам умрет когда-нибудь, – ответил спокойно Кузьма. – Сказали ему, чтобы уезжал. Наша земля может отомстить ему. Она не любит жадных.
- Ну и...?
- Уехал.

2002

ПОЭЗИЯ

Александр ЖУРАВСКИЙ

Самотлорский вальс

Над землею Самотлора снегопад,
Письма мне твои снежинками летят.
Пишешь ты: «Не надоела ли пурга?»
А меня согреет лишняя строка.

Туман над городом и над тайгой.
Туман над светлую Обью-рекой.
Мой адрес, милая, Самотлор,
Хрустальный блеск озер,
Снегов простор.

В строчки писем ты вложи свою любовь.
Повторяю твое имя вновь и вновь.
Приезжай, и ты увидишь, что снега
Не разлучат, а обручат нас на века.

Озаренный факелами небосвод
В этот край тебя бескрайний позовет.
Приезжай, я подарить тебе смогу
Дым костров и эту хвойную тайгу.

Матушка Сибирь

Ермаком повенчаны,
Стужами обручены.
Звоном колокольным,
Да, освящены.
Иртышом и Леною
Крепко подпоясаны.
В эту землю русскую
Сердцем влюблены.

Ой да матушка Сибирь,
Ой да матушка Сибирь,
Вековая странница –
Снеговая ширь.

Ой да матушка Сибирь,
Ой да матушка Сибирь
Ты моя избранница,
Матушка Сибирь.

Красотою царственной,
Лютыми морозами
Да тайгой бескрайнею
Мы закалены,
Самотлора озером,
Крепостью Тобольскою.
От дедов и прадедов
Удаль пронесли.

Марш нефтяников

За белыми снегами, таежною рекой,
Где иней рисовал узоры.
От первой буровой, от памяти людской,
История берет истоки.

Мы – Самотлор, и нефть, и газ,
Объединением сильны.
И гордо называют нас
Нефтяники, нефтяники,
Нефтяники страны.

Спасибо говорим товарищам своим.
Спасибо говорим мы первым.
Ваш трудовой мотив подхватим, повторим,
И сила в нашем единении.

От вышек буровых шагнули города,
И засиял огнями Север.
И это на века, и это навсегда,
Трудом Отчизну мы заверим.

Городам Тюмени

В те города, куда бегут олени,
В те города, где зябко ото льда,
Уеду, дорогая, я уеду,
И сердце там оставлю навсегда.
А там метут белесые метели,
Там простынями сушатся снега.
Там как невесты разоделись ели,
Морошка кровоточит на листьях.
В тех городах белее неба ночи,
Луна как опрокинутый треух.
Звезды далекой незнакомый почерк
Ты понимаешь и читаешь вслух.
И если ты навек оставил Север,
То он не оставляет никогда.
Он строчкой повторяется в припеве,
И тенью бродит по твоим следам.
В тех городах, куда бегут олени,
В тех городах, где зябко ото льда,
Я отопрею душу, отопрею,
И сердце там оставлю навсегда.

Вечера над Обью

Белесых облаков туман
Запутался в верхушках сосен.
Дождливый ветер заскучал,
И капли, как монеты, бросил.

А над Обью – вечера,
Плывущие в густом тумане.
Играет музыку дождя
Промокшее фортепиано.

Синевы озерный блеск
Во флотилии из листьев.
Здесь рябина моет кисти
Слезами плачущих небес.
Там за окнами дождя,
Затаив печаль в ресницах,
Та, что мне ночами снится,
Ждет по-прежнему меня.

Северяне-сибиряки

По русским рекам ходят пароходы,
И хороводят сети рыбаки,
И в самую морозную погоду
Отважно бурят нефть буровики.
От гор Уральских и до Беломорья,
Печоры, Лены, Иртыша, Оби
У щедрого сибирского подворья
Откроют душу вам сибиряки.

Мы северяне, северяне, северяне,
Пропитанные запахом тайги,
Березовым парком сибирской бани,
Мы северяне, мы сибиряки.

На юных лицах нежится румянец,
Моложе от мороза старики,
А в северном сиянии красавиц
Могучие рождаются мужики.
Всех Север породнил и вывел в люди,
И пусть мы в разных городах живем.
Но отчий дом вовек не позабудем
И вместе эту песню пропоем.

ПРОЗА

Альбина КУЗЬМИНА

Дед Захарий и табакерка

Старый Захарий давно не выходил на солнце. Приболел малость. Потеряли, наверное, его местные ребяташки. Где-то они, куда запропастились? Не дождется, чтобы поговорить с ними.

А начнет разговор Захарий издали...

«Давно это было... – его любимое выражение. – Так давно, что и сам не помню. С того времени не раз земля белым пологом укрывалась, русые волосы сединой отбеливала...»

Не раз повторит одно и то же старый Захарий, пока не нащупает в кармане заветную табакерку. «Им-то – н р а в и т с я. Любопытные. Все надо знать».

– Сколько ж ныне годков стукнет, а? – выходя на крыльцо, произнес вслух Захарий. – Поди, Аграфена лучше знает. Аграфен-а-а-а! – позвал он. Никто не отозвался. – К курицам унеслась? К курицам, ишшто ли... – прощамкал старый дед.

«Эх! Как бы сидануть туды. Не ровен час... Ноги в пимах расставить... Ох, и хорошо пригревает солнышко господнее, хорошо...»

Он и вправду счет своим годам потерял. Глаза выцвели, черные когда-то дуги бровей только в морщинах и обозначились. Кожа на лице... да что там кожа – дряблый картофельный клубень... Вздохнул тихонько: «Х-хм. Всех пережил, однако... В семье одиннадцать душ было, а бедные мы были, бедн-ы-е-е. Не приведи Господь. Но школу приходскую окончил, да с отличием. А стал потом робить подпаском у здешнего купца. Учения позже впрок пошли, когда в управе писарем служил. Может, про это и рассказать пострелятам? Как перо сломал, кады писал усердно? Были там смешные истории... О чем поведать? Ума не приложу. Вот-вот придуть...» – обеспокоился дед.

«Ох, сколько времен-то прошло! Давно зрение потерял. А слух...слух как у Гордого Оленя с Алымского пастбища... Ох, и стада бывали у родичей! А Гордый Олень чужого за версту чуял. Так и я».

По едва различимому шороху Захарий мог у з н а т ь каждого. Да шибко никто и не ходит, одни мальцы, чужие в деревне редкость. А их – как не услышать! Вон и Смурной насторожился – цепь забрякала.

Кряхтя, нащупал дед ступеньку, уселся пониже. Кашлянул «кх-кх» – и насторожился: пусть знают, что он тут уже и ждет их. Зажмурился, подставляя лицо солнцу.

– Заснул, што ли, деда? – услышал голос Аграфены.

– А то! Посижу, – встрепенулся, отгоняя мысли.

– Никак гостей ждешь, так они тута уже.

– Не мельтеши. Знамо. Покумекаем малость.

А там вынет Захарий из нагрудного кармана драгоценную табакерку с потайным кисетом, самокрутку расправит, а пострелята уже тут как тут!

Кто через лазейку, кто через забор, только Смурного и боятся, zapomнили, как в прошлом году Семке клок из штанов выдрал... И ведь как заходят-то: исподтишка, тихохонько нороят, будто дед не услышит.

– Ладно, айда сюда...

Усядутся кругом, растолкают деда, запросят враз: скажи деда, да скажи. И што сказывать-то?

Знает Захарий: больно нравится им его табакерка. Кого она только не интересовала...м-м-м... Скольку было сублазна, сумления. Скольку супротивился, чтоб не переменять.

– Кажись, французская?! – не то переспрашивают, не то утверждают мальчишки, рассматривая табакерку со всех сторон.

– Хфрансусска...А може, греческа... – чуть погодя, добавит дед.

Раскроет Захарий табакерку-шкатулку. Загляденье для ребятишек. А им надо все руками пощупать. «Ух ты!» – только и слышатся возгласы.

– Внутрях-то шкатулки витиеватый узор, кисет из шелковых нитей шнурком завязывается. Вам-то видней. Рядом – коробка под спички. С другой стороны зажим – папиросы клади али сигары. А узоры на тоненькой пластинке, кажись, из чистого золота. Надо же, как умельцы могли выделывать, – горделиво рассказывает Захарий о своей старинной вещице.

– До того приглядна шкатулочка.... А узор-то – век бы смотрел. Богородица в обрамлении на тебя глядит... На другой стороне – птица с головой человеческой, а хвост – словно радуга... и всякая красота кругом... А в карман-то снаружи книжицу со стихами вставлял... Так и носил: с иконкой и книгой. Теперь не то, что ране, – любит Захарий вспоминать об этом.

– Деда, дай в руках подержать, рассмотреть как следует, – чуть ли не вытягивает шкатулку из рук малый Ванятка, конюха Федора Ильина сын. Иной раз и голоса не услышишь, а тут...

– Но-о, – не выдержал Захарий, – вам только доверь!

– И мне, и мне, – зашумели вокруг.

– А здрассть-то куда проглотили? – пробурчал дед. – И чему вас только в школе учат?

– Здрасьте, здрасьте, дедушка, – послышалось с разных сторон.

– Скольку вас! Куда чиркалку дели? Задарма норовите! Все исчиркали, небось. Попробуйте без махорки прийти впослед, я ужо вас проучу...

– Принесем, дедушка!

– Расскажи, про што вспомнил... Откуда табакерка? Как воевать-то ходил? – заинтересовался Митька.

– Ага, про империлистическу, – добавил Егорка.

– Цыц, расшебуршились! Уроните табакерку-то, последний табак высыпете.

Умолкли ребята, присмирели. Дед помолчал – задумался будто.

– Скажу. Скажу я вам ноне секрет один. Давний-давний. Гляди в оба! Дед указал на табакерку.

– И-и раз, и-и два! – он пошарил рукой и нажал пальцем на защелку. – Во диво! Считаю, заработала! Слышь! Сейчас серенада заигра-е-т... соловьем как зальет-с-а-а... Марсульеза называют, гимн ихний, значит.

– Ага, – шмыгнул носом Колька.

– Здорово! – поддержали другие.

– А вот так ежели: и – раз, н а ж а л и... Чу, слушайте! Далеко-далеко где-то... – Дед подставил ладонь к уху, будто услышал. – Отче молчите, рот раззявили?! Хоть словом обмолвитесь! Тут ухом уловить надо...

– Дальше, дальше, деда! – зашумели мальчишки.

– Вдругорядь щелкну затвор на три оборота, а тута наша выходит:

«Боже, царя храни»... Ох, как душу грела, бывало, в походе... И петь хочется... И воевать... откуда только силы берутся!

Слушают молча ребятишки, кивают головами, а дед и рад стараться. С кем душу отведешь, кому какое дело до слепого?

– Тут, в этой-то табакерке, секрет-то весь! Только теперь уж толком не послушаешь, сломалась кнопка... Дело-то было в ту амперилиштинскую... Нет, однака, до этой ищо, до австро-венгерской... Али... ишшо раньше... дак, ладно...

– А че делал-то, дедушка Захарий? Какой секрет? – заерзал Петька.

– Дак, значит-ка, все по порядку! В солдаты меня увели. Вот и вы на армейскую службу пойдете, узнаете, почем фунт лиха. Увели, значит, во солдаты. Вот с теми австрийцами и воевал. Бестолковый бельмес, ничо по-нашему не понимает, а куды-то лезет... Ох и наподавали мы им тогда... С нашими ребятушками да бравыми енералами, куды им... Мы потом раскусили... они со штыками... ох, и много наших покололи... Лоб в лоб шли. Обхитрить, значит, удумали нас... А мы хоть в лаптях, да сами не лыком шиты. Долго потом они раны-то зализывали...

Ванька заерзал, Митька кулак показал: тихо сиди, а то у деда мысли спутаются! А Егорка глаза завел к небу, мол, во как было!

Захарий погладил табакерку.

– Вот она, родимая, мне и помогла! Выдам секрет! – задумчиво произнес он.

Колька поддержал табакерку, чтоб не упала. Достал дед газетный листок, скрутил козью ножку, всыпал самосада, послонявил, склеил. Мальчишки наперебой потянулись за спичками – успеть, кто первый чиркнет. Раскурил дед. Вдохнул глубоко. Затянулся. Выдохнул терпкий самосад. Закашлялся:

– Едрена-фена... «...И с верным табачком печали забываем!» Не знаете, чьи слова-то? Ты, Митрий, пятый год в школу ходишь? Неужто Лексанра Сергеича не изучал?

Ребята вразнобой закричали: «Пушкин, вроде Пушкин!»

– Он жо. Все случаи жизни писал. Ох и мудрен был человек! Далеко наперед знал, – подытожил дед.

– А при чем тут Пушкин? – не выдержал Ванятка. – Ты что, с ним вместе, деда, на войне был?

– Молчи! – зашикали на него.

– Не лезь поперед батьки. Вот как! – погрозил дед. – А што, можно сказать, вместе и был. Окак! Не расставался с его стихами. А с самим не довелось встретиться, – улыбнулся Захарий. – Однако попался мне на вой-не хороший человек. Как увидел мою табакерку, так и обомлел. Долго смотрел, особливо на рисунок. Все просил обменять, да я нипочем не соглашался. А потом взял да подарил мне Лександра Сергеича. Услужил мне, за что – сам не знаю. Так друзьями стали, вместе и воевали. Бывало, откроешь книженцию, а там – чево душе угодно! Ай, Лександр Сергеич!

– Што потом-то?

– Награду получил. Да не просто награду – Георгиевский крест! Четвертой степеню! Во какой мое высокородие имеет! – выдохнул Захарий вместе со словами: – «...И день настал... Неукротимые дружины, волнуясь хлынули с равнины к стене градской, ...навстречу рати удалой, сошлись – и заварился бой...» Чево присмирили? Опять не знаете, чьи? Как про нашего брата описано!

– Знаем, знаем. А покажешь, дедушка, награду?! – загорелись желанием ребята.

– Вдругорядь. Ужо подумать надо, куда положил, – вздохнул старый.

– Скоро про царя-то?! – не унимается Егор, самый нетерпеливый.

– Царь, он и есть царь! Дак я с царем и был вместе! Он-то весь в белозлатых одеждах! А как речь несет! Сердце замирает. Конь какой под ним! Лично мне Его Величество и вручал Георгиевский! Коли я такой герой, – засмеялся беззубый дед, – похвастаю, покажу свои ордена. До этого у меня только медаль «За храбрость» была.

Как сейчас помню, муштровали нас тогда-аа! Смотр войск случился! Сам Николай Второй и принимал! Потом уж турков штурмовали. Бывало, окопаешься, замаскируешься в окопах и крушишь. А после – маршбросок.

Здесь и застигла меня февральская революция. Но это другая история. А так, коли бы не моя табакерка да не Лександр Сергеич, не стучать бы боле моему ретивому сердцу, не носить бы мне буйной головушки. Отто и говорят: заговоренный.

– Книга-то куда делась, деда? – поинтересовался Митька.

– Надолго хватило. Я его читал всем. Наизусть знал. «Два чувства дивно близки нам...» Потом уж скурили, когда порохом обожгло. Всем досталось. Читать боле нечево было... А перед этим...

Дед нащупал табакерку, повернул к себе, ухватил дрожащей рукой табак, порастирал двумя пальцами. Поднес к носу толченый – к одной ноздре, потом к другой. Вдохнул несколько раз, глубоко и смачно вдохнул... затаил дыхание – замер.

Мальчишки приготовились. Голова деда начала медленно отклоняться назад: «А-а-а-а!», и, весь скукожившись, старик чихнул, подпрыгнул на месте и топнув ногами в пимах, – тут пацаны враз взвизгнули:

– Здравия желаем, ваше величество!!! – и с хохотом, держась за животы, прокричали: – Раз! Два! Три!

– О! О-очухался! Слава тебе, Господи! Ядрен! Ядрен! – И тут же: – Ах вы! Над стариком измываться удумали! Гвардии полка Его Превосходительства! Антихристы неверующие! – не на шутку рассердился дед, вытирая ладонью губы.

– Да мы не над вами, дедушка! Мы просто так! У нас так не получается!

– Задам вам крапивой-то в штаны, будете потом знать! Ишь, моду взяли старика изводить! Небось, пробовали цыгарку-то!?

– Нет, дедушка, нет! – вразной доказывали ребята. – Никто не пробовал! Как вы, сильно чихать – никто не умеет, даже на спор, ни у кого в деревне не получается!

– Ладно, – успокоился Захарий. – Будьте и вы здоровы!

– Дедушка, а дедушка, – тормозил его за теплушку Ванятка, – дак ты хотел рассказать про табакерку и про книгу!

– Ох! – вздохнул дед. – Потом-то что?! Дак совсем было мировая наступила. На войне как на войне. Только саданул турок, я – ему, он мне – я ему! Слышу – командуют: мол, бросай оружие! Выходи брататься! Конец войне, мировая конфуссия, значит. Стал из окопа подниматься, а тут как бабахнет! И она... прилетела – пуля-дура. Вижу, мой напарник сник... Меня как в окоп садануло! Показалось, будто на том свете... Когда отошел, глянь, а там, в шинели, где сердце мое... пуля в мово Лександра

Сергеича попала! Дырица – во, дымом пахнет, а пуля-то уперлась в табакеркину головастую птицу, да и пошла скользом, только руку маненько зацепила. Ничаво, отлежался. С тех пор не поет моя табакерка... Изнахратила ее пуля, – пожалился дед. – Глазами слаб стал после контузии. Теперь починить-то некому, вот кака закавыка – нет таких мастеров... Как знал – стихи учил. Так, ребяташки, спас меня Лександр Сергеич в табакерке! Вот вам и секрет.

Замолчал дед, а ребятня расшумелась.

– Вот она, отметица, где... Ну и дела! Вишь, у птицы-то хвоста нет, сюда она и попала, тута вмятица кака... Жалко, – высматривали мальчишки след пули.

– А новую не купить? – не выдержал Петька.

– Говорят, в других странах все есть! – возразили ему.

– Так то в других! Да кто тебя пустит?

– Может, там есть, где когда-то эту купили? – высказал предположение Митька.

– Не пойму ты што-то? Говори ясней! – сморщился дед на его невнятный вопрос и продолжал: – Сколько лет на белом свете – такой не видывал, хоть и зрячий был. Со сколькими нехристями воевал – такой не встречал. Со мной, видать, и умрет. Куда теперь ее такую исковерканную? В наследство не дашь, на память, дак побрезгуют. А мне добрую службу сослужила. Однако со мной и уйдет...

И тут ребята наперебой заговорили:

– Мне, мне, деда, отдай!

– Ишь ты! – удивился дед, и от этих ребячьих слов навернулись у него на глаза слезы. – Дак тогда поживу еще! Пусть порадует душу.

– Дедушка Захарий! Как попала табакерка-то к вам?

– О-о, мой друг Егорий, дело давнее... Тятя, умирая, сказал: «Бери – да помни». Ему досталась, наверное, от деда. Ох, какие, бывало, коленца в молодости я выкидывал, когда меня Захаркой звали.... Уж когда на войну пошел, взял с собой...

– Откуда она такая?

– А кто знает, откель она? Тятя говаривал, эту диковинку прадеду князь подарил, именитый какой-то... Наш-то, якобы, спас дочку ево, – шаманом прадед-то был. А тот якобы из Хфрансии энтой и привез! – произнес Захарий. – А може, на меха выменял...

– Это как? – не выдержал Митька.

– Из наших северных болот дорога-то в разны страны ведет: к китайцам, норвешцам, опять же хфранцишкам. Только опытные каюры знали путь... Раньше ведь у нас поболее бывало златых да серебряных вещей... Чего только не доставляли! Привозили в то время книг разных, в переплетах богатых вплоть да шампанскова... эка! Купцы иранские да бухарские поставляли. А местные на каждом повороте пушной товар клали, для них по заказу – меновой обмен производили. С тех пор, сказывают, многие клады золоты находили.

– Мне брат говорил, что возле Тобольской горы искатели целый амбар с золотом нашли... – протараторил Петро.

– А то! – подтвердил дед. – Самому Петру Великому целую коллекцию тобольский губернатор Гагарин с уральским золотопромышленником Демидовым в дар поднесли.

– Вот бы нам найти! – переглянулись мальчишки.

– Ха-х, – рассмеялся дед. – Клады есть, да не про вашу честь. Мешок не удержится на спине, – подрастешь, тогда разговор будет.

– А в деревне про вас другое говорят... – проговорился нечаянно Митька и сам испугался: ох, попадет!

– Говорят, в деревне кур доят... А ты язык прикуси – коли ко мне явился, и слухай, – заговорил снова дед. – Да, было дело! Слышала мамаша, будто приезжал в наш род послушник усерднейший, по разным местам ездил с миссией – в остяков и самоедов племена. За то, что покрестились, даровал всякие такие штуки. Да только дед-то мой больше в лесу крестился, своим богам... Так оно было, иль не так, один Бог знает... – вздохнул Захарий. – Да что я тут распинаюсь? Пора, однако, устал, я что-то, ребятушки. Пойду пройдуся до ветру. Где тут моя проволока?

Егор, Петька и Митька помогли деду подняться, а Ванька с Колькой – ухватиться за проволоку.

– Дальше сам, – сказал Захарий. – Надо бы Смурко отвязать.

Дед закостылял в дальний угол сарая. Смурной завилал хвостом, загремел цепью и пошел навстречу к хозяину.

– Знает поводырь свое дело, – прищурился Митька, не спуская глаз с собаки.

– Вы как хотите, – произнес Колька, – а я думаю, что он точно шаман. На Смурко глянет, тот, как на медведя, на нас несется. Не, не выдаст, пацаны, тайны... Прошлый раз все про охоту рассказывал, а потом сразу осекся будто...

– Конечно, шаман! Когда заговорил про музыку, мне точно почудилось! А табакерка-то не работает! Во как нас зашаманил! – зашептал Ванятка. – Про клад свой шаманский он точно знает, где его золотая статуэтка – бабий болван спрятана, никогда не скажет!

– А чо, к нему все в деревне идут хворобу лечить! Недавно мать к нему Шурку водила, она у нас заикается с рождения. Пошептал он, а потом завязал узелок и бросил в землю. Сказал, скоро пройдет. Вот как! – продолжил Егорка.

– И мой папка, я слышал, рассказывал мамке, как дед в свой бубен шаманский стучал: да так, что лес даже звенел от этого. Болезнь изгонял какую-то своей Аграфене.

– Пацаны! Наверное, табакерка подарена ему за шаманство!

– Он и есть настоящий шаман! Просто дедушка сам не заметил, как проговорился! Надо снова прийти, пусть договаривает про все...

– А то! Если его собака без слов понимает! Смотри, отвязал. Сейчас рукой только покажет, она и рванет на нас! Тише ты!

Загремела, скатилась с проволоки цепь. Показался Смурной, за ним следом подтягивался по проволоке дед Захарий. Передвигая с трудом валенки, он повторял: «И днем и ночью кот ученый все ходит по цепи...»

– А-а, вы еще тута, иноки? – окликнул дед ребят. – Кому сказано, чада-чадные, что пора!? Слушай мою команду!

– Щас мы... Смурко! – дед поднял руку. И тотчас Смурко стремглав помчался к ребятам.

– Полундра! – все кинулись врассыпную.

– Ну и дед! Тут тебе и табакерка, и клад! – огрызнулся Егорий, перепрыгивая через высокое прясло.

– Во дает! Опять меня зашаманил! – едва отдышавшись, удивленно сообщил Ванятка. – Не помню, как через забор перемахнул и обо всем на свете забыл!

– Так поперелазись – не тому еще научишься! – рассмеялись довольные пацаны. – Завтра снова придем!

Какого цвета солнышко

Чувствовалось приближение весны. Солнце растопило глубокий, рыхлый снег, почернела и раскисла дорога. Смывая за собой прошлогоднюю грязь, зашумели из-под снега ручьи. Сквозь жухлую траву вслед за проталинами кое-где проглядывала едва заметная зеленая поросль. Распушилась, приделась в весенний наряд красавица верба. На ее веточках появились едва заметные комочки – белесовато-желтенькие цветы-свечки. С каждым днем они становились ярче и наряднее. Воздух будто очистился от холодов, отогнал от себя морозный пар, и задышалось привольно. Люди ждали весны. Близился великий праздник. Женщины исправляли домашние дела в деревенских избах. Выставляли зимние рамы в окнах домов, мыли стекла, обметали и белили потолки. Заставляли неугомонных мальчишек – своих сыновей, прибираться по хозяйству во дворе.

В местной часовне чистили подсвечники, серебряные оклады на иконах, украшали цветами образа. По всему было видно, что каждый из прихожан готовился встретить Пасху. Этого дня ждали. Был он всегда радостным и светлым.

И вот канун праздника наступил. С вечера Колька с Диной, услышав о том, что утречком бабушка собирается приниматься за божественные дары, сговорились разбудить друг друга пораньше. Очень хотелось им узнать, откуда на столе появляются пасхальные яйца. Из курятника бабушка приносила яйца белые, а один раз в году они почему-то были разноцветными. Им не терпелось узнать бабушкин секрет, как она всегда говорит:

– День настал, Бог послал.

Ефросинья Денисьевна поднялась раним-рано. Дина слышала сквозь сон, как бабушка осторожно приподнималась с кровати, укрыла ее одеялом и скрылась за ширмой. Она слегка приоткрыла заспанные глаза. Вот бабушка зашла в малую комнатку, встала на колени в переднем углу и, молясь, отдавала поклоны. Сон как рукой сняло. На цыпочках Дина пробралась за перегородку и растормошила Кольку.

Бабушку они увидели на кухне. Она стояла у стола и что-то нашептывала, глядя на большое блюдо, полное белых яиц. Потом достала с приступка печи кастрюлю с квашонкой, вылила на стол и вымесила тесто, разделила его на части и, добавив отжатый творог, выложила в формы. Накрыла марлей и отставила в сторону. Ребята подумывали, как открыться.

В избе жарко топилась печь. В кастрюле и в чугушке, что стояли на плите, закипала вода. Колька и Динка были тут как тут.

– Бабушка, можно мы тебе поможем? – наперебой заговорили они.

– Фу ты, напугали. Только вас тут не хватало, – Ефросинья Денисьевна вздрогнула и сердито проворчала: – Не спится вам в эку пору. А ну, марш по кроватям.

Однако через минуту смилостивилась:

– Ладно, уж так и быть. Только чур, слушать меня.

Дети обступили ее.

– Вот, бросай.

– Я первый, я первый, – закричал Колька.

– Уймись, – шикнула бабушка. Достала из шкафа мешочек с луковой шелухой и бросила несколько горстей в воду.

– Зачем воду грязнишь, бабушка? – недоумевали дети.

– Э, вас не спросила, – бабушка ухмыльнулась. Тут же расщепила ножом химический карандаш, вынула сердцевину и, переломив ее, бросила крошки стержня в кипящую воду в чугушке.

– Зачем карандаш-то портить? – переглянулись дети.

– Затем, чтоб нос свой не совали, куда не положено, – проговорила она, опуская в ложку попеременно десяток яиц в посудину: – Я вам что наказала: не задавать глупых вопросов.

– Ладно, – согласились они.

Бабушка посматривала на часы, молча отсчитала на настенных минуты и произнесла:

– Благослови, Господи. Стало быть, пора. Вот тебе, Диночка, ложка большая. Пуще глаза береги яйцо. Аккурат вынимай и медленно пускай в кастрюлю с холодной водой.

Все замерли. Дина встала на низенькую табуретку и под чутким руководством бабушки потянулась в кастрюлю за яйцом.

– Ой, оно красное! – воскликнула Дина.

Бабушка заулыбалась. Медленно окунулось в холодную воду первое, затем второе, третье... Все яйца оказались бордово-красного цвета.

– Теперь твоя очередь, Коляша. Вынимай из чугунного горшка также осторожно и клади сюда, – показала она на ковш с водой и тут же пригрозила: – Расколешь – накажу.

Коляша, выкладывая дрожащей рукой из кастрюли яйца, поглядывал на бабушку, намереваясь спросить, как же они стали зелено-синими, но промолчал. Он вдруг понял, зачем всю зиму бабушка собирала с каждой луковицы прозрачную шелуху и для чего испортила химический карандаш. Как-то раз взял он его в рот и потом ходил целых три дня зелено-чумазый.

Бабушка заправила следующую партию яиц. В этот раз дети усиленно следили за движениями и были уверены, что ничего кроме яиц в миску не клали.

– Диночка, детка, или ты, Коляша, кто из вас, пора вынимать, – вдруг заторопила бабушка.

Колька отчаянно схватил деревянную ложку, будто кто-то пытался отнять у него. Попеременно начал вынимать из чугушка.

– Ух ты! Уже синие яйца! – довольный, покрасневшийся от жара печи, со сверкающими глазами, был он как солнце ясное.

– Что ты, бабушка, успела положить, мы ведь следили за тобой!

– Тоже мне партизаны! – проворчала она.

Дину Колькина расторопность даже немного обидела. Хотя была и его очередь, она сказала:

– Фу какой, все время меня обогнать норовит. Зато я знаю, почему яйца синие.

Колька надул губы.

– Ну-ну, поссорьтесь еще. Тут и знать нечего. Чернильной краски я у вас вчера позаимствовала. А ты, Дина, знала об этом, вот и вся тайна. Давай лучше займись вот чем, – сказала бабушка, выдав тайну, и показала, как надо располагать яйца посередине тарелки, чередуя по цвету.

– Красный, синий, зеленый, – считала Дина, водя пальцем по тарелке, полной яиц, – за что бабушка похвалила ее.

– Все, готово, – потирая руки, сказал довольный Колька.

– Ишь, какой приткий, – хмыкнула бабушка, – Ну, милоч, скажи, какого цвета тут недостает?

Недоумеая, что хочет бабушка, Колька и Дина покачали головой.

– Смотрите: цвет неба у нас есть, земля и огонь тоже на тарелке, весь мир почти здесь. Ну, что язык проглотили? – торопила бабушка. – Не знаете, какого цвета солнышко?

– Желтое, желтое, – наперебой закричали дети.

– А где ж его взять?

Этого они не знали.

– То-то. Есть у меня такая краска. Так уж и быть.

Бабушка достала из деревянного сундука, обитого железными полосами, свою желтую, уже довольно выцветшую, косынку и – на глазах изумленных ребят опустила в кастрюлю.

– Вот это да! Она же сварится! – проговорил Колька, но глядя на ярко желтые яйца, остался доволен увиденным.

На столе красовались два больших расписных блюда. Бабушка еще раз внимательно осмотрела и заметила треснутое яйцо. Отложила его в сторону, почистила и разделила на троих. Радости не было конца.

Неизвестно, что тут нашло на Кольку. Он хитровато посмотрел на бабушку и вдруг сказал:

– Бабушка, а ведь ты нас обманула! Говорила, что яйца Бог послал, а сама их красила.

Что тут случилось! Бабушка вмиг, с таким проворством, какого никто не ожидал от нее, несколько раз огрела Кольку полотенцем, оказавшимся в тот момент в ее руках, что он взвизгнул и, закрываясь руками, убежал к себе в комнату. А бабушка все приговаривала:

– Вот тебе, вот тебе! Сам из яйца вылупился, а куриц учить вздумал! Я те покажу, где Божественные яйца, нехристи окаянные. Вон отсюда!

Молнией выскочила вслед за Колькой и Динка. А с кухни все еще доносилось бабушкино возмущение. Размахивая полотенцем, она ворчала:

– Наперед знай, басурман: все мы от Бога и под Богом ходим! Все от него. Он создал яйцо, а потом уже человека! Он создатель всего на земле!

Сердце колотилось учащенно. Ребята испуганно переглядывались друг с другом. Дина хмуро, чуть ли не со слезами на глазах, сказала:

– Что ты наделал! Все испортил!

И тут Колька вбежал в кухню, обхватил бабушку и затараторил:

– Прости, прости, бабушка! Я понял, что они того же цвета, что и солнышко, значит, Божественные. Я теперь все понял.

Бабушкино сердце отошло. Она махнула рукой:

– То-то же. Ладно, Бог простит.

– Фу ты, чуть было все не испортил, – оправдывался он перед Динкой, видя ее вопросительный взгляд, идущий от самых бровей. И добавил шепотом, прикрываясь рукой:

– Бабушка ведь Пасху еще печь будет и куличи готовить. Мы же хотели посмотреть.

– Теперь она нас близко на порог не пустит, – насупилась Дина.

– Не сердись, не нарочно я, – виновато сказал Колька, опустив глаза.

Ефросинья Денисьевна молча внесла две большие тарелки в переднюю комнату. Колька взял младшую сестренку за руку, и они тихо пошли за бабушкой. Расположив тарелки по центру стола, она спросила:

– Ну чем не Божественные яйца?! Осталось только в церкви окропить. – Дети в знак согласия закивали головами.

На красивой скатерти красовались солнечные волшебные яйца. Отобрав несколько, перекрестясь, бабушка положила их на божничку.

– Ну, одно дело сделали, – обратилась она к присмирившим внукам. – День настал, Бог послал.

Вздохнула, прошла на кухню, откинула марлю на формах, расставленных по порядку, и сказала:

– Время для пасхи подошло. Так уж и быть, кладите по четыре изюминки вот сюда, в куличики, – указала она на углубление в тесте.

Дети молча последовали ее совету.

Легким мановением руки она поставила формы в печь. Запахло пряностями.

– Через 40 минут будем вынимать. А там очередь дойдет и до кутьи.

Дина и Колька выполняли все действия, что разрешала им бабушка. Водя утиным пером, смазывали маслом сковороду, даже колобки пытались скатать. Раскладывали разные сладости на залитые сахарной пудрой куличи... и млели от вкусного запаха всего свежеиспеченного.

Раннее утреннее солнце уже заглядывало в окна. Светлая Пасха входила в дома сельчан. Заливистый колокол созывал народ в местную часовню. Дина и Колька, взявшись за руки, шагали по деревенской улице вместе с бабушкой. Они несли большую корзину пасхальных даров. Ефросинья Денисьевна то и дело раскланивалась со встречными знакомыми. Все троекратно целовались, крестились и, обмениваясь приветствиями, говорили друг другу:

– Христос воскрес!

Им отвечали:

– Воистину воскрес!

Воодушевленные, напоенные праздничным настроением, Дина и Колька были безмерно счастливы: бабушка разрешила им прикоснуться к самому заветному действию. Теперь они знали цену пасхальным солнечно-божественным дарам.

ПОЭЗИЯ

Антонина МАРКОВА

Красноселькуп

Свечой вонзалось солнце в нежный купол
Голубовато-дымчатых небес.
Зима творила над Красноселькупом
Рассветную феерию чудес.

«Нет, не зима! – поправит местный житель,
– Уже конец апреля на дворе».
И северную посетить обитель
Вороны прилетели на заре.

Они расселись чинно по сугробам.
И криком нарушая тишину,
В страну пурги и снега высшей пробы
Все звали заплутавшую весну.

Она сюда придет еще не скоро,
Ненадолго согреет снежный край.
И ждут красноселькупские просторы,
Что бубен солнца наколдует май.

Пусть круг полярный в трех верстах отсюда,
А до Большой земли – лишь самолет.
Теплом людских сердец согреты будут
Все, кто сюда гостями попадет.

Поселок Яр-Сале

Почти на самой кромочке,
на краешке земли,
Где облака над тундрою
идут, как корабли,
Где ниткой гуси-лебеди
на юг летят, летят,
И звезды сетью мелкою
над головой блещут.
А в них – луна, как рыбина,
безмолвна и строга –
Несут ее над ягелем
олени на рогах,

Вылизывает дочиста
 вода губы Обской,
И ветры, прилетевшие
 со стороны морской,
Вот там, на самой кромочке,
 на краешке самом,
Который Крайним Севером
 мы ласково зовем,
Стоит на промороженной,
 на сказочной земле
Холодный и загадочный
 поселок Яр-Сале.
Приедем суровыми
 покажутся места:
Вот тундра во все стороны,
 безмолвна и пуста,
Вот ночи непроглядные.
 Вот сутки напролет
Над горизонтом солнечное
 яблоко плывет.
Но присмотрись внимательнее
 в местные черты –
И недоброжелательных
 навряд ли встретишь ты.
Добром лучится, юмором
 любой раскосый взгляд.
Тебе, как гостю званому,
 здесь каждый будет рад.
Здесь по законам ненецким
 встречает каждый дом
И олениной сочною,
 и жирным муксуном.
Грибами и морошкой
 наполнят туюски –
Непревзойденной щедростью
 слывут тундровики.
Здесь Белая Медведица
 у самых у ворот
Хранит дорожку в Арктику –
 в страну, где снег и лед.
И вдруг поймешь – так хочется,
 чтоб вновь тебя позвал
И Яр-Сале загадочный,
 и весь Большой Ямал.

Ямальский апрель

Здесь небо синевы особой,
И снег белее всех снегов.
Полярный круг над Малой Обью
Лежит меж звездных берегов.

Вослед за ненецкой упряжкой –
Вуально-легкая метель.
И ягель ждет под ношей тяжкой,
Что вызволит его апрель.

Вороны жмурятся от света
И млеют в солнечной сети.
И грезится Ямалу лето –
Оно уже на полпути.

Настанет день, настанет утро,
Под вешний перезвон ключей
Раскроется над белой тундрой
Бутон серебряных ночей.

Муравленко

Лист сухой танцует летку-еньку,
Обнимает первый снег дома –
Так приходит в город Муравленко
Северная долгая зима.

Ветер, неприветливо студень,
Кроны сосен злобно теребит,
Словно поменять наряд зеленый
На ягушку белую велит.

Снег на солнце – россыпь самоцветов,
А в домах – уютно и тепло.
И напоминанием про лето
Лист морозный ляжет на стекло.

Не пугает юных вечный холод,
Песня колыбельная пурги.
Всем ветрам назло красивый город
Расцветает посреди тайги.

ПРОЗА

Николай ВТОРУШИН

По рассказу Д.И. Крутицкого. Фамилию и имя моего героя я, к сожалению, не помню, поэтому назову его просто Толей Ивановым.

И так учились

Впоселке спецпереселенцев Черемхово Ханты-Мансийского района была семилетняя школа, а может, только начальная, но это не так уж и важно, главное, школа была. Там учили ребятишек и во время войны. Дровами и картошкой помогал колхоз, может, что-то и школьное было. Как бы то ни было, чугунок картошки к большой перемене техничка варила каждый учебный день. Но рассказ не об этом, вернее, не совсем об этом.

Так вот этот Толька Иванов прибежал на занятия в школу босиком хоть в мороз, хоть в снегопад. Правда, дом находился метрах в семидесяти от школы, а вы попробуйте пробежать, как это у вас получится!? Утром он выбежал на крыльцо своего дома, брал ориентир на школу и бежал с невероятной скоростью к месту назначения. Подбежал к школьному крыльцу, хватал из-под него сумку с учебниками и тетрадями и молниеносно заскакивал в школу.

Там он первым делом подбежал к топившейся печке и грел ноги. Потом уже садился за парту и вынимал из своей матерчатой сумки учебники. Учился он так себе: должен был заниматься уже в шестом или седьмом классе, а сидел с малышкой в четвертом. Учительница спрашивала его редко, а он, если знал, отвечал, а нет – так смотрел безучастно в окно.

Как только раздавался звонок на большую перемену, Толька первым подходил к техничке, и она давала ему самую большую картофелину. Учительница уходила к себе в каморку, тоже, видимо, перекусывала чем Бог послал. Толька, обжигаясь, старался побыстрее доесть картофелину, чтобы до той поры, пока выйдет учительница, успеть выкурить сигарку самосада. Он умело и быстро заряжал самокрутку табаком, потом, открыв дверцу топки, прикуривал от уголька. И сидел блаженно потягивал злобный самосад, пуская дым в поддувало печки.

Пацаны, что помладше, обступали его и канючили:

– Толян, дай курнуть! Че тебе, жалко!?

И он великодушно давал кое-кому из ребятишек дернуть раз-другой. Докурив, бросал окурки в печку и садился за парту. Учительница, конечно, знала об его курительных наклонностях, но смотрела на это сквозь пальцы – парень-то уже большой.

Как только заканчивались уроки, Толька подходил к еще горячей печке, грел ноги и выскакивал на улицу. Заученным точным взмахом кидал сумку с учебниками под крыльцо и бежал домой так, что не уследишь, с такой частотой сверкали его пятки...

Вот ведь в каких условиях учились ребятишки во время войны, но учились же!

Вышагнул

В свои шестьдесят с хвостиком Николай имел маленький рост и чувство или желание не то чтобы постоянной тяги к выпивке, но уж если она

иногда случалась, не упускал ее. Конечно, тяга к подзарядке аккумуляторов мятущейся славянской души спиртным присуща многим, поэтому не будем осуждать нашего героя за эту черту характера.

В погожий летний день деревня Тугалово жила своей размеренной, соответствующей времени жизнью: картошка посажена, окучивать ее еще рано, да и покосами заниматься пока не время, поэтому можно и расслабиться, решили мужички. Четверо сотоварищей, включая Николая, стогопились на пару пузырей водочки, закупили ее и форсированным маршем отправились к одному из компаньонов, так как жена у него была в отъезде. И хотя Николай жил ближе, к нему идти не посмели, потому что его за пьянку неумоимо преследовала жена.

Хозяин поставил на стол стопки, хлеб и, притащив из кладовки большого вяленого язя, нарезал и разложил на подстеленную газетку. Разлили водку по стаканам, и хозяин выдал тост, удививший сотоварищей:

– Чтоб они сдохли!

– Кто? – замерли со стопками на полпути перед отправкой водки по назначению мужички.

– Враги наши!!!

– Ну брат, удивил так удивил! – захохотали гостеньки и дружно опорожнили посуду.

Закусили, похвалили хозяина за хороший посол рыбицы, и только налили по второму стопарю, как кто-то из мужиков увидел идущую к честной компании жену Николая.

– Лезь в шифоньер быстро, – последовала команда, – и пока не дадим отбой тревоге, сиди и не вздумай вылазить оттуда!

Бедолага, мгновенно (откуда и прыть взялась) открыл дверцу шкафа и, отодвинув висевшую одежду, юркнул в спасительное мебельное нутро. И только соратники захлопнули за ним дверцу, как на пороге возникла жена Николая.

– Привет, господа алкоголики! – поздоровалась она с порога.

– Та-а-ак, понятна-а-а, а где мой благоверный трезвенник? Разве он не принимает участие в вашем благороднейшем деле по уничтожению алкогольной продукции?

– Нет, что ты, что ты! Мы, правда, его давеча видели и, че греха таить, пригласили выкушать с нами по сто грамм чая, но он самым решительным образом отказался. Жена, говорит, опять ругаться будет, и знаешь ли, сразу сквозанул куда-то мимо нас!

– Сквозанул, говоришь!? Ладно, тогда я пойду домой! – и, хлопнув дверью, осталась на месте.

Наш же узник, как только услышал, что жена ушла, сразу же, не дожидаясь команды, вышагнул из заточения.

– Ну здравствуй, сквознячок ты мой! – встретила его с улыбкой иезуита жена. – А ну-ка собирайся, пошли домой, молодец-красавец! – и, отступив на полшага от двери, показала благоверному дорогу.

Николай послушно двинул свое тело с жаждущим выпивки нутром по указанному направлению. Когда же стал проходить мимо стола, потянулся за стопарем – на посошок, однако получив от жены звонкий шлепок по руке, понурил голову, вышагнул под дружный хохот мужиков за порог.

– Мы же предупреждали тебя – без команды не вылазь! – кричали ему с издевкой вдогонку мужики.

Генеральная проверка

В шестидесятые годы по всей телефонной проводной линии, соединяющей северный край с Большой землей, в каждой деревне, через которую проходила эта линия, находился связист. Был такой специалист Виктор и в деревне Власово. С работой у него все было в порядке, да вот только досадливая назойливость жившего на другом конце деревни деда Ефима частенько портила ему настроение. Он как на работу повадился ходить к связисту. Бывало, времени только-только еще часов восемь, а дед уже тут как тут с расспросами:

– А куды вон тот провод идет? А эта хреновина здесь зачем? А интересно, как это звонок робит? Слушай, Вихтур, а каким манером слова по железным проводам бегут? Да видать, быстро чешут, язви их в душу-то, – не успеешь слово вякнуть, а тебе уже ответ в ухо прилетел! А само-то главное – я ведь у телефонного столба стоял, слушал – ни одного слова не разобрал! Гудит, зараза, а больше ни хрена не понятно. О-о-о! Вихтур, вон упеть зазвякал! Ответствуй, как должно быть, не то слова куда-нибудь убегут не туды!

В конце концов связисту надоело слушать не в меру любопытного деда, и он, решив проучить его, предложил:

– Слушай, Ефим, я ведь чуть не забыл за разговорами, что подошло время делать генеральную проверку.

При этом Виктор с очень серьезным выражением лица многозначительно поднял палец вверх.

– На-ко вот держи, – подал он деду оголенные провода, – а я пойду в Москву звонить. Да смотри крепче держи и не вздумай отпустить, а не то вся связь порушится! Звонок-то государственной важности, самому Хрущеву, а он за срыв связи по головке не погладит!

Связист произнес эти слова с таким пафосным подбострастием, что дед, понимая всю ответственность за порученное государственное дело, намертво вцепился вспотевшими ладонями в оголенные концы проводов и застыл в напряженном ожидании.

Виктор ушел в соседнюю комнату и стал быстро крутить ручку полевого телефона, не забывая кричать для вида:

– Алле, Алле! Москва, слышите меня? Деревня Власово на связи! Проводу генеральную проверку!

Бедного старика тотчас затрясло мелкой электрической дрожью. Он пытался что-то сказать, но вместо этого только тряс бородой да подпрыгивал на стуле. Дед, уже забыв про важность мероприятия, хотел было бросить провода, но пальцы почему-то не разжимались.

Наконец Виктор, решив, что для первого урока с деда достаточно, прекратил крутить аппарат. Он неторопливо вышел из комнаты и, не скрывая радостной улыбки, бодро доложил своему «помощнику»:

– Все, дед, проверил, на линии полный ажур! Москва нас услышала, а кремлевские связисты благодарят за хорошо проведенную генеральную проверку!

– Да к ядреной матери тебя и твою генеральскую проверку! – прохрипел, отбрасывая провода, старик. – Тебе ажур, а мне чуть пипец не пришел!

Он вскочил со стула, и громко хлопнув дверью, выскочил на улицу, и с ненавистью оглянувшись на окна дома связиста, поспешным шагом пошел домой. При этом он плевался и бубнил себе под нос:

– Ишь, проверщик нашелся – руки-те у меня до сих пор дрожат!

С тех пор дед к Виктору без надобности не заходил, однако даже

по прошествии времени при одном взгляде на телефонные провода бороденка его дергалась, а тело была мелкая дрожь.

Йетти

В конце ноября в Ханты-Мансийском районе установилась ясная морозная погода. Лед на Иртыше встал, где-то около недели назад, мужики ходили по нему уже без опаски и ставили всевозможные ловушки на рыбу.

В пятницу работник гаража Горноправдинской экспедиции Федя Прянов договорился с пятью-шестью сподвижниками съездить на снегоходах за рыбой. Ехать надо было довольно-таки далеко, километров 25–30, в Чиликаны. Там когда-то находилось хантыйское поселение и даже существовал колхоз «Красный туземец». Самой деревни, конечно, давно уже не было, но остались соры и озера, богатые рыбой. Какая-то организация построила там домик, и в нем жил рыбак с семьей. Он ставил запоры, и когда по осени рыба вываливалась из соров в Иртыш, ловил ее и складывал в кучи. Когда же устанавливался зимник, вывозили ее на Большую землю.

Вот за этой рыбой и поехали герои моего рассказа. Взяли с собой палатку, спальники и, конечно, водку, с таким расчетом, чтоб и похмелиться хватило.

Уже стемнело, когда экспедиция добралась до места. Зашли к хозяину, договорились, что завтра купят у него рыбы, а пока возьмут на уху. Поставили палатку метрах в 50 от дома, развели костер и заварили уху из ершей.

Перед ухой по рыбацкому обычаю выпили водочки, потом под уху, потом еще и еще. Ближе к полуночи и песни уже было запели. Тут одному из приехавшей братии взбрело в голову сходить по какой-то надобности за ближайшиe кусты. Прибежал оттуда он почти сразу и сдавленным испуганным шепотом прохрипел:

– Федя, йетта!

– Кака йетта?

– Да снежный человек стоит там! – и махнул рукой в сторону леса.

Федя, покачиваясь, побежал к нартам, взял ружье, зарядил пулевым патроном и два взял в руку – про запас.

Погода к тому времени слегка подпортилась – подул порывистый ветерок, облака то закрывали луну, то она опять освещала окрестность. Когда Федя с открывателем йетти перебежали лесок, действительно увидели метрах в 30 чудище двухметрового роста с солидным торсом, поросшим шерстью. Долго не раздумывая, Федя прицелился и ахнул по зверюге, та только слегка покачнулась да руками пошевелила. Охотник перезарядил и снова лупанул – тот же результат. Когда он выстрелил третий раз, его спутник не выдержал и прохрипел вмиг пересохшим горлом:

– Бежим отсюда! Видишь, его даже пуля не берет, он только руками машет! – и без лишних разговоров рванул к костру. Федя тоже не стал дожидаться, когда чудище расправится с ним (да и патроны кончились), с не меньшей резвостью чесанул следом. Прибежали к костру и, отдышавшись, попросили водки, выпили, потом еще по одной. Рассказали, что с ними случилось, но вскоре, забыв о происшествии, все с грехом пополам залезли в спальники и уснули в палатке.

Утром Федя проснулся первым, с трудом выпутался из спальника, вышел на улицу. Увидел, что было уже светло, а кострище с подвешенным над ним котелком с замерзшей ухой сиротливо чернело обуглившимися головешками. Он набросал оставшиеся с вечера дрова, плеснул из канистры бензина и поджег – костер весело вспыхнул.

– А ну мужики, вставайте, хватит дрыхнуть! – и стал трясти заспавшихся соратников. Растолкал их, а сам сходил к нарте и принес оттуда бутылку водки. Разлил по посуде, все выпили, стали заедать или запивать оттаявшей с краю ухой.

Вскоре настроение у всех улучшилось, а первооткрыватель йетти спросил у Феде:

– Слушай, а ты помнишь, как вчера по йетте стрелял?

– По какой йетте?

– Ну по снежному человеку!

– А где?

– Пойдем посмотрим!

Ну тут уж вся компания подалась следом – интересно же посмотреть, на кого они вчера охотились. Перешли за кусты и видят: на крестовине висит малица (как стало потом известно, хозяин ее вывесил проветрить), подошли поближе, и оказалось, что она в трех местах насквозь прошита пулями!

Пришлось Феде идти к хозяину малицы, объяснять ситуацию, заодно отдавать деньги за рыбу, а сверху набросить еще тыщонку за причиненный ущерб...

Долго потом в поселке при встрече мужики посмеивались над Федей:

– Слушай, расскажи, как ты йетту лохматил!?

А тот только улыбался да отмахивался от шутников.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий СЕРГЕЕВ

Наш край

Здесь топки болота,
а воды здесь буры.
Как в древо долота,
вгрызаются буры
В глубины земные,
хранящие вечность.
И трубы стальные
дают быстротечность
Тем сокам глубинным,
что движут машины.
И в крае старинном
к эпохи вершинам
Идут из забвенья
сквозь годы труда
Глухие селения
и города.

2008 г.

Половодье

Холодную весной седьмого года
Сходили долго вешние снега.
Куражилась капризная погода,
И реки заливали берега.

В воде стояли сосны и березы,
Гнал ветер по Югану буруны.
А ночью доходило до морозов,
Никто не помнил здесь такой весны.

Вставало тяжело пасмурное утро,
Речная гладь светлела впереди,
И видел я затопленные юрты,
Там катер меж лабазов проходил.

У самых волн внезапно обрываясь,
От берега в тайгу вела тропа.
Сплошным потоком с неба низвергаясь,
В ветвях шуршала снежная крупа.

А в глубине промокнувшего леса
Нашла приют хантыйская семья,
Стоял шалаш и печка под навесом,
Вокруг белела влажная земля.

Не стало зверя, щука не ловилась –
Какая ловля в дни такой воды?
И под навесом тускло серебрилось
Три окунька на дне сковороды.

Хозяин был не весел, но спокоен,
Не часто он привык гостей встречать,
Смутившись, что визита удостоен,
Стал на вопрос приезжих отвечать:

«У нас сейчас не все, конечно, гладко,
Но, если честно, – некогда тужить...
Что, привезли солдатскую палатку?
Спасибо. Это кстати. Можно жить!»

Редели тучи, в речке отражаясь,
Гостей хозяин к судну проводил
И, речь о наблевшем продолжая,
Он по-житейски просто рассудил:

«Не выбирать нам лучшую погоду,
Какая есть – такую принимай!
А все невзгоды скоро канут в воду».
Была весна. Кончался месяц май.

Промозглый день сменял холодный вечер.
Флаг над кормою ветер теребил,
Катились волны черные навстречу,
И катер в серый сумрак уходил.

2007 г.

Рыбаки

Моторка мчится, как ракета,
Курс – на прибрежные пески,
Где дружно трудятся с рассвета
Сытоминские рыбаки.

Над Обью ярко солнце светит,
И, глаз прищурив, вижу я,
Как ловко выбирают сети,
Как блещет рыба чешуя.

В урмане дрозд щебечет где-то,
Неспешно догорает день
Необычайно жарким летом
В краю рыбацких деревень.

Улов что надо, между прочим,
И катер набирает ход,
Чтоб ценный груз доставить к ночи
На предприятие «Восход».

2007 г.

Город поэтов

Нет счета зданьям, стройным их рядам.
Рекламы блеск. Миганье светофоров.
Нет, этот город даст, пожалуй, фору
Всем остальным приобским городам.

Особенно в строительстве дорог.
Текут автомобильные потоки.
Поэтам ритм дорог диктует строки.
Понятно: как поэтам быть без строк?

И даже дым из труб гигантской ГРЭС
Кому-то навевает вдохновенье.
Такой пейзаж – не чудное мгновенье,
Но в этом дыме теплится прогресс.

Темнеет за рекой. Вот город стих,
Вплывая в сон недлительного лета,
Но в нем не спят упрямые поэты,
Рождая о Сургуте новый стих.

2005 г.

Освоители

Они уходили в тайгу,
Где вечны снега и болота,
И был им поселок Сургут
Надежным и вечным оплотом.
Под резкие посвисты вьюг,
Сквозь рек темно-бурые воды
Тянулись на запад, на юг
Стремительно трубопроводы.
Сургут развивался и рос,
Вставали другие поселки,
Где долгий свирепый мороз
До звона выстуживал елки.
От трудных, но славных годов
Остались итогом свершений
На картах кружки городов
И контуры месторождений.
Нефтяники, газовики –
Посменные вахты рабочих
В бассейне могучей реки,
Где летние белые ночи,
Где зимние сумерки дней,
На стыке веков год от года,
Как прежде, дают газ и нефть
На благо страны и народа!

1997 г.

Посадка

Когда самолет подлетает к Сургуту,
Пространство взрывается блеском огней.
Здесь долги снега, лют мороз, но кому-то
Наш город всех прочих сегодня родней.

Уже под крылом громоздятся кварталы,
Все выше взмечаются крыши домов.
Вот кранов громады склонились устало
Над Обью, забывшейся в мареве снов.

Огни разноцветные светятся всюду,
Ты в памяти этот момент сбереги.
Ну, здравствуй, людьми сотворенное чудо,
Среди бесконечных просторов тайги!

2006 г.

В старом парке

В сиянье звезд небесного Пегаса
Стремился вечер к ночи поскорей.
В манящих складках синего атласа
Блуждали блики желтых фонарей.

Она не шла, плыла над тротуаром,
И музыка звучала с высоты.
Благоухали в парке нашем старом
На сонных клумбах белые цветы.

Был вечер свеж, а чувства наши – зыбки,
Она была безжалостна в словах,
Скрывая тень язвительной улыбки
В немножко пухлых розовых губах.

Она то сердцем таяла, то злилась,
То задавала каверзный вопрос,
И при движеньях с плеч ее струилась
Волна пшеничных вьющихся волос.

Восток светлел малиновым окрасом.
Обиды, ревность, мнимые грехи
Умчались вскоре в небыль за Пегасом,
Но сохранились письма и стихи.

В тундре

Тускнея, истекает алым светом
Над горизонтом солнца мутный шар.
И кажется пейзаж другой планетой,
И сумрак наплывает не спеша.

Кругом лишь снег. Пригорки багровеют,
Синеют тени дремлющих ложбин.
А ненцу тундра все-таки милее,
Чем суэта блистающих чужбин.

1996 г.

ПРОЗА

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ

Дон Педро и веселый Дьявол

Дьявол, которому поздним осенним вечером встретился Дон Педро, был натурой веселой и частично даже озорной. Это я так тогда думал... Но и Дон Педро, надо честно признать, тоже был «малый не промах»! И тут, как говорят в далекой и холодной Московии, «нашла коса на камень».

Откуда я знаю про косу, камень и холодную Московию? О! Это, сеньоры, совершенно другая история, не относящаяся к встрече веселого Дьявола и Дона Педро, и тех последствий и происшествий, которые последовали после заключения роковой сделки.

Как?! Разве я еще не сказал, что история этой сделки стала широко известна. Более того, почтенные сеньоры, в начале XIX века некий ученый из далекой и холодной Московии, живший тогда на берегах великой сибирской реки, даже статью напишет под названием «Сделки с Дьяволом на правовом поле». * Правда, он не будет указывать все подлинные имена...

Откуда я знаю про великую сибирскую реку и об ученом, а также про его статью? А это, благородные сеньоры, совершенно иная история, о которой я с удовольствием расскажу вам следующий раз... если... если сегодня «здесь и сейчас» не умру от жажды...

Благодарю Вас, прекраснодушный сеньор Карлос, Ваше вино великолепно! Нет-нет, не надо уносить кувшин с этим прекрасным вином! Пусть он останется вместе с нами... Так вот, чуть-чуть утолив жажду, я все с вашего позволения, благородные сеньоры, начну рассказ о том, как веселый Дьявол и Дон Педро, храни Господь и Все Святые его заблудшую душу, заключали сделку.

Дон Педро тогда сбеж... спешно покинул Мадрид и направился в Толедо. Ах, не спрашивайте благородные сеньоры о причинах этого бег... о причинах, по которым Дон Педро был вынужден покинуть столицу нашего Богом хранимого королевства... Страсть к азартным играм и козни недоброжелателей часто заставляли Дона Педро в спешке покидать некоторые места...

Ах, какое у Вас прекрасное вино, благородный Дон Карлос, я с удовольствием выпью еще раз за Ваше здоровье и милость Короля к Вашему роду...

При каких обстоятельствах в таверне при постоялом дворе встретились тогда еще веселый Дьявол и Дон Педро, я не знаю. Меня они пригласили за стол быть свидетелем выработки условий договора. Дьявол выглядел как немолодой дворянин почтенной наружности и с хорошими манерами. Сначала он был весел... Должен сказать, что я не все запомнил, благородные сеньоры, потому что Дьявол угощал всех прекрасным вином, почти столь же великолепным как у благородного Дона Карлоса, и я выпил немножко больше, чем обычно...

Но я точно помню, что в договоре было 28 пунктов, за исключением последнего все они начинались словами: «Дьявол, ты обязан...».

Ну я же говорил, что Дон Педро был честный и благородный человек, поэтому он потребовал, чтобы Дьявол немедленно доставил ему 100 000 золотых эскудо, а затем, чтобы он еще в первый вторник каждого месяца доставлял по 1000 золотых эскудо. Некоторые места из договора я запомнил наизусть, так они мне понравились: «Дьявол, Ты обязан заставить меня быть

любимым и принятым Королем и всеми аристократами, так чтобы я мог всегда быть уверен в их доброжелательном расположении и привязанности, и чтобы все соглашались без вопросов с тем, что могу пожелать от них... Дьявол, Ты обязан наделить меня здравым смыслом, пониманием и умом, так чтобы я мог обсуждать все проблемы логически и мог дать обоснованное суждение о них...

...Ты обязан защищать меня и присматривать за мной во всех заседаниях суда и совещаниях у Короля, Епископа или Папы, перед которыми я могу предстать».

Еще благородный Дон Педро, храни его заблудшую душу Господь и Все Святые, требовал обучения изготовлению лекарств, овладения иностранными языками, предоставления волшебного кольца, для того чтобы его обладатель мог быть невидимым и неуязвимым, а также защиту от воров и от поражения огнестрельным и холодным оружием...

Дон Педро истребовал, чтобы ему было позволено вести его общественную жизнь как добропорядочному христианину и беспрепятственно посещать церковную службу...

Особым пунктом оговаривалось, что Дьявол должен являться перед Доном Педро в приятном облике, а не пугающем или ужасающем. С каждым обсуждаемым пунктом договора Дьявол терял свое веселье и становился все более неуступчивым в мелочах. Особенно долго, буквально до хрипоты в глотках, спорили об организации достойных похорон Дона Педро! Но при этом Дон Педро согласился, что когда он умрет, то Дьявол заберет его душу, независимо от того, будет ли он похоронен в церкви или за ее пределами.

Воспользовавшись тем, что Дьявол отвлекся на заказ еще трех кувшинов вина, Дон Педро шепнул мне, что завещает похоронить себя прямо в церковной стене... Ха-ха-ха...

Ах, какое у вас прекрасное вино, благороднейший из благороднейших Дон Карлос!

Почему надо было хоронить Дона Педро в церковной стене? Ну это же так понятно, почтенные сеньоры! Это же не внутри церкви и не за ее пределами....

Что обещал Дон Педро когда-то веселому Дьяволу? А вот это и было записано в последнем пункте договора. Дон Педро, храни его заблудшую душу Господь и Все Святые, обещал отречение от Господа и Святой Троицы и обещание подчиняться Дьяволу телом и душой. Ну и вдобавок кой-какие мелочи – предоставить ему еще несколько мужчин и женщин...

А потом я уснул за столом и остального не знаю... Слаб человек духом и телом, благородные сеньоры, слаб... В оправдание могу сказать, что тогда я сильно устал в дороге, а вино в таверне было почти столько приятным, как и у благороднейшего сеньора Дона Карлоса, дай Господь ему долгих лет процветания...

Чем же закончилась история того договора? Увы-увы... После подписания договора растерял Дьявол свою веселость и не стал его выполнять... Обманул он доверчивого человека и благородного дворянина...

И осудили... и сожгли на костре бедного Дона Педро в 1676 году от рождения Господа нашего Иисуса Христа, храни его заблудшую душу Господь и Все Святые...

Мне кажется, что в кувшине еще осталось то прекрасное вино?

Это, Ваше величество, всегда такая сволочь...

Теплым майским вечером 1935 года из московской квартиры Булгаковых расходились гости. Впрочем, в тот вечер их было немного: сестра его жены Ольга и ее муж Евгений Калужский. Поэтому правильнее было бы сказать – гости ушли...

Булгаков бродил по квартире и вновь вспоминал общие разговоры о МХАТе, новых постановках и запрещенных его пьесах. Он уже не раз пожалел, что не сдержал себя и ввязался в спор с Евгением. О чем было спорить? О не состоявшейся в прошлом году поездке Булгаковых за границу? Обида за издевательство с обещаниями, за комедию с подготовкой паспортов все еще жгла душу...

В воспоминаниях он смотрел на себя как бы со стороны и видел никому ненужную горячность:

– Меня страшно обидел отказ в прошлом году в визе за границу. Меня определенно травят до сих пор. Я хотел начать снова работу в литературе большой книгой заграничных очерков. Я просто боюсь выступать сейчас с советским романом или повестью. Если это будет вещь не оптимистическая – меня обвинят в том, что я держусь какой-то враждебной позиции. Если это будет вещь бодрая – меня сейчас же обвинят в приспособленчестве и не поверят. Поэтому я хотел начать с заграничной книги – она была бы тем мостом, по которому мне надо шагать в литературу. Меня не пустили. В этом вижу недоверие ко мне как к мелкому мошеннику. У меня новая семья, которую я люблю. Я ехал с женой, а дети оставались здесь. Неужели бы я остался или бы позволил себе какое-нибудь бестактное выступление, чтобы испортить себе здесь жизнь окончательно. Даже не верю, что это ГПУ меня не пустило. Это просто сводят со мной литературные счета и стараются мне мелко пакостить...

Кому он это говорил? И для чего? Все без толку... Душу лишь разбередил... Но и свояк тоже хорош со своими постоянными «предложениями» написать «настоящий советский роман» или «советскую повесть»... Сколько уже им всего написано? И это никогда не увидит ни читатель, ни зритель... Травля его, как литератора, длится много лет...

Булгаков остановился у черного шкафа, в котором хранились его запрещенные произведения. Постояв, открыл шкаф и долго перебирал листы рукописей. Взгляд упал на «Кабалу святош»... И эта пьеса тоже запрещена...

Он перелистывал рукопись, а затем остановился на одном фрагменте и негромко прочитал его вслух:

«Да разве может быть на свете государственный строй более правильный, нежели тот, который существует в нашей стране? На свете не было, нет и не будет никогда более высокой и прекрасной для людей власти, чем власть великого короля...».

Он тяжело вздохнул... Может быть, это вставить в роман о Дьяволе? В его закатный роман...

Снова перелистал несколько страниц и прочитал фрагмент, пробуя на вкус каждое слово:

Людовик Великий, король Франции, обращаясь к своему шуту:

– Скажи, Справедливый Сапожник, государство без доносов существовать не может?

Справедливый Сапожник:

– Ваше величество, как можно государству без доносов!

Людовик:

– Ну а доносчики?

Справедливый Сапожник (с горячностью):

– Это, Ваше величество, всегда такая сволочь...

Людовик (задумчиво):

– Гм... Красивое и звучное слово...

Из гостиной послышался голос Елены Сергеевны:

– Миша, ты где?

Последний лист рукописи выскользнул из руки Булгакова и упал на пол. Он поднял его, мельком посмотрел на дату под текстом: 6 декабря 1929 года...

Прошло уже несколько лет и ничего не изменилось...

Булгаков положил рукопись в шкаф и вышел из комнаты...

23 мая 1935 года на стол начальника отдела НКВД, осуществлявшего контроль за артистически-литературными кругами Москвы, легла агентурно-осведомительная сводка:

«Булгакова страшно обидел отказ в прошлом году в визе за границу. Он считает, что его продолжают травить. Он просто боится выступать с советским романом или повестью. Считает, что если это не будет вещь оптимистическая, то его обвинят в какой-то враждебной позиции. Если вещь получится бодрая – его могут обвинить в приспособленчестве и ему никто не поверит. Именно поэтому он хотел начать с заграничной книги. Булгаков не верит, что его не пустило ГПУ, считает, что с ним сводят литературные счета и стараются осложнить ему жизнь и возвращение в литературу»...

ПОЭЗИЯ

Анжела БЕЦКО

Дурочка

*Дурочка живет.
Виктор Кривулин*

А дурочка по-прежнему живет:
плетет венки. Цветами засорила
углы и стены крохотной каморки.
И августовским палевым жнивьем
плетется в ад – к живым – и в небо – к мертвым,
летит в прогал – кончаются перила:
в корзине – яблоки и в банке – мед.

А дурочка по-прежнему плавник
Господней рыбы пилит терпеливо
и ждет-пождет внезапного прилива,
серебряного, точно по часам.
Как будто Бог возьмет ее в ладони
(Сам – невесом, а спустит небеса)
и будет с нею. В дурочкином доме.

И станет ей понятен тот язык,
которым говорят цветы и вещи.
И спустятся святые. Будет вещим
тот дивный сон, что никому нигде...
как дурочка с Иисусом – по воде.

Гагариным

*мальчишкам
нашего двора*

вопят мальчишки
и под фонарем
пинают рьяно то луну то мячик
портфели –
на траве за пустырем
в портфелях –
незадачливый задачник
с неравенствами
с армией полей
не совладать
как с окриком отцовским
какая школа
если Галилей

Эйнштейн
и Бруно
Ньютон
Циолковский
гоняли мяч с тобою по соседству
забыв про школу
и портфель и книжку
а ты Гагарин –
только в самом детстве
а ты Гагарин –
но еще мальчишка
в твоей большой гагаринской судьбе
есть космос
и футбол
и можно роем
нестись на мяч
а можно на трубе
играть без нот
и точно быть героем
двора
России
мира
нет не зря
фонарь горит звездой –
так значит нужно
вперед –
от фонаря до фонаря –
гагарины
герои
грянем
дружно

* * *

ты граненый. как стакан.
весь по полочкам разложенный.
по шкафам и по томам.
прошнурованный. под кожей.

я расхристана. я – хлябь.
замарашка. поиск звука.
из сна ныряющая в явь.
и обратно – в сон. я – рукопись.

Васильки

Светлой памяти отца

Так много птиц клюет с твоей руки,
что крох недостает для дня и песен.
Так луг, где васильки и сорняки,
одними сорняками щедр и весел.
Но глаз – из монохромности травы,
уставший от потока ширпотреба,
выхватывает в свете синевы
три капли наземь пролитого неба.

* * *

С тобой говорили о разных вещах:
об истинном, ложном в искусстве,
о сочности мяса говяжьего в щах,
о пошлом и низменном чувстве,
о том, что твой папа любил рисовать
(хорошим бы стал маринистом),
о том, что на свете есть стол и кровать,
где должно быть честным и чистым,
о том, что картины стоят у стены,
(все занятость – надо повесить!)
о том, что давно жить мы вместе должны,
но нужно домой: скоро десять.

* * *

Дальше – только зима...
Принимаю, как все
остальное в тебе принимала.

А зима – не тюрьма:
мы осилим ее,
только было бы снега не мало,

чтобы двор в серебре
и серебряный бор
исходить бы любовно ногами.

Никогда о себе.
Ничего до сих пор.
И так мало чудесного с нами.

* * *

Птица, не умирай...
За тебя ль не молилась?
Здесь, конечно, не рай,
но Господняя милость.

и зерно от щедрот
вездесущего неба.
Что еще просит рот,
кроме песен и хлеба?

Птица, не умирай!
В смерть не верю – хоть тресни!
Даже если за край,
в неизбежное если...

Тут, понятно, не юг
и луч солнечный редок.
Что еще хочет дух,
кроме ветра и веток,

что сплетаются в сеть –
против птичьей природы...
Неизбывное – петь,
если певчей породы.

Первый слог

Лизавете

*Ангелам,
постигающим мир*

Ангел складывает буквы –
«М» и «И» и «Р».
Позади – машинки, куклы,
впереди – Гомер.

Скоро буквы лягут в строки:
вышел первый слог –
самый верный и высокий.
Выше – только Бог.

ПОЭЗИЯ

Павел ЧЕРКАШИН

* * *

Прочти меня неторопливо,
Не на бегу и не взахлеб,
Прочувствуй горечь терпеливо,
Она нужна, полнее чтоб
Вкусить и пряность слов, и сладость,
И неминуемую соль,
Познать, что сила – это слабость,
А наслажденье – это боль.

* * *

Знаешь, я люблю ромашки...
Ни за что, а просто так.
Озорные волн барашки,
Лягушонка бодрый квак...
Знаешь, очень любопытно
Покопаться в голове
И отрыть все то, что скрытно,
Что живет на глубине
Наших чувств, воспоминаний,
Но оно – всего ценней.
Вспомни, в детстве утром ранним
Небо – синего синей!

* * *

Пройдут века – другие Эвересты
Из океана вздыбятся до туч,
И дождевые капли, как невесты,
Опять прильнут к твердыне горных круч,
Стекаая вниз и жадно лобызая
Избранников крутой гранитный стан,
Любовью прожигая и пронзая,
И снова возвращая в океан.

* * *

Скулит калитка на ветру,
В труху изгнил замок-вертушка,
Не бойся быть не ко двору –
Давно бесхозная избушка.
Не отпугнет Барбоса лай,
В окне не дрогнет занавеска,
Не пригласят к столу на чай,
В стреху нежданная невестка –

Березка бойкая пробилась...
И так на сорок верст подряд
Земля отцов осиротилась.
И лишь калиточки скулят.

* * *

Грибною и мшистой прохладой
Приветствует родины лес,
И звонкой брусничной наградой
Мне полнит до кромки туес,
И поит водой родниковой,
Тропой до опушки ведет
И снова до встречи нескорой
Меня по-отечески ждет.

* * *

Жизнь моя – одеяло лоскутное,
Шить его – дело долгое, трудное,
Каждый день дарит свой лоскуток,
Без конца, за стежочком стежок,
Я корплю над цветным рукоделием,
Все там есть: и печали с веселием,
Есть недуги, мечты и любовь,
Об одном помолюсь, чтобы вновь
Выпал мне лоскуток поузористей,
Без напрасных тревог и без горестей.

* * *

Простишь ли, родина, меня,
Что я люблю на расстоянье
Румянец твой на склоне дня,
В ночи полярное сиянье
И взор доверчивый озер
В пушистых ивовых ресницах,
И по подолу трав узор,
Что мне с тоской сердечной снится,
И гул моторок на излучке,
Ручьи, что вторят им, звеня,
Что слишком часто мы в разлуке,
Простишь ли, родина, меня?

* * *

А надо лишь замедлить бег
И оглянуться на мгновенье.
Услышать птицы вещей пенье
И умудренный шепот рек,
И осознать: спешить – нелепо,
И без того безумен век.
Все мимоходом, в скачке, слепо,
А надо бы замедлить бег.

* * *

В густолесье глухаринном
Деревенька в семь дворов.
Ночью – в хохоте совином,
Днем – в мычании коров
И других привычных звуках,
Что хранят родной уклад.
Радость – в песне, воле, внуках,
Жить подальше от палат,
Белокаменных, столичных.
Ближе к Богу – глубже в лес,
Где в распадках голубичных
Хоронится край чудес.

* * *

Не жди, не требуй обещаний,
В словах лукавых сладкий яд,
В часы размолвок и прощаний
Одна лишь крепость – чуткий взгляд,
В котором миг отобразится
Все неподвластное словам,
Не надо клясть, они что птица
Летают к разным островам.

* * *

Июльский день над головой
Завис безоблачной картиной,
И пахнет скошенной травой
По-над притихшей луговиной.
Стомился чай на костерке
С листом смородины и мяты,
В тени на легком ветерке
Так хорошо! Да будут святы
В привычной трудной гонке дней
Минуты хрупкого покоя,
Чтоб в сердце – радость, а над ней
Лишь только небо голубое!

* * *

В окне плацкартного вагона
Мелькают русские селенья,
Стыдливо, словно вне закона,
Чернеют мертвые строенья.
И вновь пощечиной разруха,
И сердце совестно пылает,
Когда согбенная старуха
С крыльца вослед благословляет.

* * *

Есть философия ума,
А есть души святая мудрость,
И с ней ни тощая сума,
Ни кандалы не будут в трудность.
Познай нутром – все прах и тлен,
Чужда всему земному вечность,
И лишь душа твоя – без стен
И распростерта в бесконечность.

* * *

Так мало надо для тепла
В часы житейского ненастья:
Сидеть в обнимку у стола
И целовать твои запястья,
Печали сердца утешать,
И сон баюкать мимолетный,
И в унисон вдвоем дышать,
За все прощая день чередный.

* * *

За то, что вопреки умеет жить,
За жгучесть неумную и ярость,
За то, что в полный рост встречает старость,
За то, что не сломить, не задушить,
Характером настырну и строптиву,
Совсем не красовитую на вид,
Извечно в шрамах от людских обид –
Уже за то, прошу, люби крапиву.

* * *

Помутнели окна дома,
Расселенного под снос.
Со слезой, недоуменно
Смотрит брошенный Барбос
На разор. Грустна картина.
Дверь и та снята с петель.
Кто приветит дворянина
Вислоухого теперь...

* * *

На стебельке сегодняшнего дня
Есть завязь неизведанного завтра.
Прошу, не распускайся без меня,
Грядущего пленительная астра!
Позволь вдохнуть открытий аромат,
Сполна цветком событий насладиться,
Расцвет запечатлеть твой и закат
С надеждой, что все снова повторится!

ПРОЗА

Татьяна ПОТЕМКИНА

Я ухожу на Север!

Нам с Юлькой Родионовой доверили начинать первый куплет. Почему? Потому что голоса у нас похожи, потому что мы дружили и пели самозабвенно. А еще потому, что на себе прочувствовали каждое слово этой песни:

«Я ухожу на Север,
Пусть меня встретит ветер,
Пусть меня солнце метит
Крепким загаром по утрам...»

Припев уже подхватывал весь наш студенческий строительный отряд. Девичий отряд «Эсперо» Тюменского государственного университета дружно пел:

«Я у порога с детством прощаюсь,
Я шаг за шагом Землю врацую.
Юность, скажи мне, что обещаешь впе-ре-ди?!».

...Необыкновенный концерт! Мы выступали в Нефтеюганске перед всем зональным отрядом. Объясню тем, кто забыл, и тем, кто никогда не знал: студенческие строительные отряды (ССО) объединялись на местах дислокации в зональные. В зональном отряде могло быть и семь, и десять небольших ССО из разных областей и республик тогда огромной страны. Каждый отряд, который насчитывал 25–30 человек, работал на своих объектах, жил, в общем-то, своей жизнью. А на торжественные мероприятия мы собирались все вместе.

Это было давно. Это было словно вчера, ведь я и сейчас помню каждое слово той песни, чувствую рядом Юлькино плечо, слышу ее звонкий голос.

А как мы, университетские девочки факультета романо-германской филологии, да еще с французского отделения, попали на Север? Во-первых, мы были комсомолками, во-вторых, тогда, в начале восьмидесятых годов прошлого столетия, было бы очень странно не поехать летом в стройотряд. Нас, конечно, никто не заставлял, разве что звала романтика.

Когда мы учились на первом курсе, девушки постарше рассказывали, как они работали в стройотряде. Мы видели выступление их агитбригады, знали, что студенческий строительный отряд ФРГФ называется «Эсперо», а это на языке эсперанто значит «Надежда». Мы уже были заочно влюблены в северные города. Нас не пугала предстоящая тяжелая работа по специальности штукатур-маляр. Тогда подход к делу был серьезный, не такой: студент пришел, ему дали в руки кисть или шпатель: трудись как хочешь, крась как умеешь. Нет!

На первом курсе мы решили, что поедem летом в стройотряд, а уже весной стали посещать в Тюмени специально организованные для нас курсы, где нас учили клеить обои, шпаклевать, штукатурить. В конце обучения мы даже сдали зачет.

Закончились экзамены, и мы, уже почти второкурсники, узнали, что наш стройотряд поедет в Ханты-Мансийский округ, в город Нефтеюганск. Тюменская область была единой, с общими целями и проектами, а на Севере, выражаясь официальным языком, продолжалось развитие Западно-Сибирского

нефтегазового комплекса. Там велось строительство, в том числе жилищное. Поэтому мы рвались туда – помочь, познать жизнь и себя, да просто проверить, на что способны.

...Отряд с поэтическим названием «Эсперо» прибыл в Нефтеюганск – 25 девушек в возрасте от 18 до 20 лет. «Палаты каменные» или «хоромы» нам заменил спортзал в одной из местных школ. Туда поставили раскладушки и несколько тумбочек. Никаких шкафов для одежды – чемоданчики (или сумки) мы хранили под раскладушками. Душевых комнат тоже, конечно, не было, только умывальники, а мыться мы ходили в общественную баню.

На другой же день после приезда нас повели на «объекты» – жилые дома, пятиэтажки. Нам предстояло выполнять все отделочные работы: штукатурить, шпаклевать, белить, красить, клеить обои, конечно, под бдительным руководством опытных мастеров. В качестве спецодежды выдали черные или темно-синие брюки и куртки, почему-то 52–54 размеров, а мы, девочки, были почти все стройными, размера 44–46. Даваясь смехом, глядя друг на друга, мы «впрыгивали» в брюки, надевали куртки, закатывали длинные рукава. Приходилось подпоясываться какими-нибудь веревочками! А еще надо было носить на голове косынку или платок, потому что когда работает краскопульт, брызги летят, и если штукатурить потолок, коварные опметки раствора падают на голову, норовят попасть в лицо.

Мастер, то есть опытный штукатур, может позволить себе взять на мастерок раствор и картинно «кинуть» в нужное место, где раствор и «прилипнет», потом его разгладят, как нужно. Мы, поработав с недельку, тоже хотели выделывать такие трюки! Но даже если раствор делал вид, что держится, потом, когда мы теряли бдительность, обидно шлепался вниз. Шпаклевка тоже слушалась далеко не всегда.

Через несколько дней работы наша темно-синяя (черная) униформа была заляпана: краской, шпаклевкой, клеем – в зависимости от того, кто что делал.

Уставали ли мы? Конечно, ведь это была тяжелая физическая работа. Когда надо затащить на четвертый этаж мешки с цементом, тащили! Двигали большие ведра с разведенным обойным клеем, таскали рулоны обоев.

Мышцы болели, как после спортивных тренировок. К вечеру мне порой казалось: все, не могу больше, только бы умыться и добраться до постели! А потом мы шли в баньку, где словно смывали с себя усталость. Наступал вечер, и мы были готовы... идти на дискотеку! Да, что там готовы – надевали платья и бежали почти вприпрыжку! Тогда в моде были композиции ансамбля «АББА», мы с Юлей Родионовой и еще двумя подружками выстраивались в ряд и синхронно танцевали «дорожку» под «мани, мани, мани»...

Сил хватало на все: на работу, проведение политинформаций, торжественные линейки, концерты. Была у нас прекрасная традиция: посвящение в штукатуры-маляры. Представляете, у меня до сих пор хранится «Памятка штукатуру» – нам их вручали тогда. Вот выдержки из нее: «Если ты поранил правую руку, попроси работу для левой руки»; «Если хочется есть, а до обеда далеко, лучше питаться масляной шпаклевкой – в ней больше калорий»; «Ум хорошо, а техника безопасности лучше».

Сколько бы ни говорили сейчас негативного про комсомол, про нашу якобы почти военную дисциплину, политизированность и прочее, прочее, нас воспитывали правильно. Еще точнее, у нас было ЗДОРОВОЕ воспитание! Сейчас объясню. Мы могли иронизировать над речами «дорогого Леонида Ильича», но... каждый ощущал себя частью или частицей области, страны. И мы чувствовали единство – с друзьями, своим отрядом «Эсперо», Нефтеюганском, Тюменью... Мы молодые девчонки, студентки университета – уже в свои 18–19 лет понимали, что все пригодится в жизни, все на пользу, в том числе

физический труд. Казалось бы, зачем нам штукатурить-белить-красить, если мы в будущем станем преподавать французский язык? А мы были наполнены огромной гордостью оттого, что по истечении полутора месяцев работы, НАШЕЙ работы, мы покидали жилые дома, которые полностью готовы для заселения, и даже обои в квартирах наклеены!

Вот мы с девочками стоим в одной квартире, потом переходим в другую, оглядываем комнаты, я провожу рукой по обоям, веселеньким, в цветочек. Мы представляем себе тех, кто будет здесь жить. Я и теперь чувствую радость, которую мы испытывали тогда, почти детский восторг! Честно говоря, спустя годы мне очень хотелось приехать в Нефтеюганск, найти этот дом, зайти в подъезд, посмотреть, как живут здесь люди, для которых мы так старались.

...Закончился первый стройотрядовский сезон. Захлестнула учеба на втором курсе. Мы уже хорошо знали прозаическую часть работы в ССО, но даже вспоминая заляпанную штукатуркой спецодежду, понимали, что придет лето, и мы опять поедem в стройотряд! Так и случилось!

Естественно, нам платили за работу, но мы ехали на Север вовсе не за «длинным рублем», как говорят сейчас. Юноши получали гораздо больше, а наша заработная плата была весьма умеренной. И еще замечу: слухи о «разгульной» жизни студенток в стройотрядах сильно преувеличены. Говорю это уверенно, потому что там все на виду, каждый! Особенно если 25 девушек размещаются даже не в общежитии, а в спортивном зале школы. И есть установленный час отбоя. Конечно, дружили с юношами, ходили на танцы, влюблялись, гуляли! Но были, как бы это сказать, не испорченными, что ли. По сравнению с теперешними – небо и земля! Например, на французском отделении ФРГФ учились девушки в основном из районов юга Тюменской области, вполне себе скромные. Так что на весь отряд набралось две особы, которые позволяли себе некоторые вольности, да и то об их похождениях знали все.

...После третьего курса летом нас ждал уже другой город Ханты-Мансийского округа – Нижневартовск. Командиром отряда «Эсперо» стала девушка с немецкого отделения, Марина Черепанова, а меня выбрали комиссаром. Нам было всего-то по 20 лет, а мы уже отвечали за бойцов стройотряда и трех трудных подростков – двух пареньков и девочку. Существовала практика: в ССО «на исправление» брали ребят, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних.

Опять мы работали на стройке, трудились штукатурками-малярами. Однажды состоялась поездка на Самотлор: ночь и свет факелов – это незабываемо! А по вечерам писали стихи и пели песни. Вот слова из нашей отрядной:

Рассвет загорится, и снова

«Эсперо» нас вдаль позовет,

Ведь в каждом из нас это слово

Как символ надежды живет.

...Оглядываясь назад, могу порадоваться за себя и своих сверстников: у нас была РЕАЛЬНАЯ жизнь, НАСТОЯЩАЯ (не виртуальная). Сейчас порой грустно смотреть на молодых людей, которые ничего тяжелее мобильного в руках не держали. Поколение «смартфонистов» или «смартфонщиков»... пропускает жизнь. Вот бы чем озаботиться, а не тем, что был комсомол, была дисциплина, что мы ехали на Север и строили там дома. Да, а меня потом наградили медалью «За трудовую доблесть». Указ Президиума Верховного Совета СССР я прочла в газете: «За высокие производственные показатели, достигнутые в десятой пятилетке в составе студенческих отрядов, и успехи в учебе».

В чем смысл работы в стройотрядах, стихов и песен? Ответ простой: мы делали жизнь лучше, красивее, ярче! Мы не стремились сделать, а именно делали. Мастерком, кистью, энергией, улыбками, вдохновением.

ПОЭЗИЯ

Сергей ПЕРУНОВ

Северные очерки (записки командированного)

1.

Скользя по дну небесной чаши,
внизу мы видим горы, чащи,
всю шкурку пегую Земли
в седой пыли.

Наш самолет вздыхает гулко
и режет облако как булку
стальным уверенным крылом,
прет напролом.

Летим вперед, летим на север,
где в небе расцветает клевер,
летим вперед, летим туда,
где море льда.

Где ни лесочка, ни кусточка,
где круг полярный, как на бочку
на Землю обручем надет,
где лета нет.

Летим. Трясутся все поджилки,
как мелочь медная в копилке.
И шепчем: «Господи, спаси!
Не развалилось бы шасси!»

*10 марта 2016 года,
Екатеринбург – Новый Уренгой*

P.S. Посвящено вовремя сделанному автором счастливому выбору полета в г. Новый Уренгой из г. Екатеринбурга, а не из г. Тюмени, потому как тот самый самолет, вылетевший из Тюмени, совершил там же вынужденную посадку по причине развалившегося при взлете шасси.

2.

Этот город – мой ровесник,
как услышал я от местных.

Местных пятьдесят процентов
с горным говорят акцентом.

А куда девались ненцы –
коренные уроженцы?

Их всего осталась горстка,
да и тех споили горцы.

А еще – на фоне снега
я сегодня видел негра.

Негр гуляет здесь, как дома,
в этом городе «Газпрома».

Здесь как в Африке, и даже
ананасы есть в продаже.

Только в Новом Уренгое
все такое дорогое.

*11 марта 2016 года,
Новый Уренгой*

3.

Так много солнца в Новом Уренгое,
и днем и ночью трудится оно!
А солнце северное яркое такое,
что нам о юге вспоминать смешно!

Пришла весна, уже конец апреля,
пускай пока снег не растаял весь,
не верится, что вьюги и метели
еще вчера хозяйничали здесь!

Не устояв пред солнца ясным ликом,
зима сдалась. А как была долга!
Так беды наши все, любое лихо
растопит время, как весной снега.

26 апреля 2016 года,

4.

Неприглядное дерево,
все в колючках, лишайниках,
но живет с духом Севера
не смирится душа никак.

Приполярными ветрами
до корней проморожено,
а корявыми ветками
к небу тянется все ж оно.

Мчит весна в нартах огненных,
тает снег под полозьями.
С мест насиженных согнаны
ведьмы-вьюги с морозами.

День и ночь гореть солнышку,
тундре – травами выстелиться,
в землю павшему зернышку –
стать красавицей лиственницей.

*27 апреля 2016 года,
Новый Уренгой*

5.

Оглушена и насмерть перепугана,
тайга стоит дороги пообочь.
А по дороге поезд мчится с юга на
север сквозь пургу и через ночь.

Что в том краю влечет его, железного,
где снег да мрак, темны как ночи дни?
Угрюм и дик, понять не в силах лес, но вот –
там, над болотом, вспыхнули огни!

То не сполохи разлились по темени,
то жертвенный огонь летит из труб.
Там кровь земли высасывают демоны
и превращают землю в стылый труп.

Туда состав безудержный проносится
с очередной партией рабов.
Смолкает долгий гул. И слово просится...
Но лес не знает человеческих слов.

*30 апреля 2016 года,
поезд Новый Уренгой – Тюмень*

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Владимир НЕЧВОЛОДА

Нефть...

Не катается слово во рту,
Но будто выдох, летит в высоту.
В путь отправляясь,
Над грустью не смейся,
Выйди к болотистым сосенкам тощим,
Карту раскинь,
Пусть прощупает сейсмик
Профиль подземный,
Шаимскую площадь.
Пусть буровая – железное горло –
Выплеснет нефти тяжелую прорву,
Рыжую, красную, черную пробу....
Расшевелив подземелий утробу...
Сизую дымкой подернут затон.
Нефть.
Слава давних и юных времен.

2.

Мы нефтью пропахли
От пят до волос.
Мы черными, рыжими
Стали насквозь.
Зато,
Как опара
На пенных дрожжах,
Качается
Жидкое
Солнце
В баржах.
Мы цепи таскали.
Крепили к корме,
И падали руки вдоль тел,
Онемев.
Зато у причалов,
Где стыли суда,
На крепкие ноги
Встают города.

Сибирские приметы

1.

В перекатной струе дрожа,
Толстопузая прет баржа.
Мы, надвинув на лбы зюйдвестки,
Нарочито грубы и дерзки.
Капитан обожает нас,
Не спускает смешливых глаз.
Он-то вызнал Иртыш и Обь,
Все капризы матерых троп.
А речная тропа – свирель –
Был фарватер,
А нынче – мель.
Вышли к Омску.
Штормит река.
На штурвале в крови рука.
В глотке –
Ком.
Проглоти,
Смолчи.
Якоря
Не обрежь
В ночи.
Сто флагов
Берег вынес нам,
Трубы подняли тарарам!
Не зевай,
Выгружай баржу!
Руки к вентилю,
Как к ножу.
Засочилась икрой, черна,
Нефть густая
В котел без дна.
– Ничего! – мне сказал старпом.
– Раз дошли –
И другой дойдем!
Вон газетчики прут, что ветер.
Не завритесь:
Они как дети...
Знатно выполнен был приказ.
Наш старпом обожает нас.

* * *

В размашистых кедрах,
 в болотах,
В широких рабочих полях
Пропахшая нефтью и потом
Не будет нам пухом земля.
Живые и реки,
 и доли,
Как звери и птицы вокруг.
Земля,
 моя древняя доля,
Суровый и ласковый друг.
Я знал с изумленного детства,
Судьбу отбирая по дням:
Дана ее дружба в наследство,
Я детям ее передам.
...На берег Конды или Ваха
Взойду под кедровую ветвь.
И сердце взволнованно ахнет.
Но это, конечно, не смерть!
Увижу я:
 даль неоглядна.
И станет в груди горячо.
И буду я падать
 и падать
И чувствовать друга плечо.

Разъезд

Лес.
Разъезд у насыпи,
Старенький вагон,
Девочка скуластая
Вышла на перрон.
Чакнула бидонами,
Челку сбила с глаз.
Чокает чалдоночка:
– Всем ли, чо ли, квас?

Глянет быстро искоса,
Расплескает свет –
То ли небо близкое,
То ли ситца цвет.

То ли пала наземь
Неба бирюза...
Азия ты, Азия –
Синие глаза.

1977

На реке

Красноталом, красноталом
Прииртышье пролетало.
А на том берегу
Над водою прелою
Кони встали на лугу
Чалые и белые.

Кони замерли без страха
Возле солнечной косы.
Штурман охнул,
Штурман ахнул,
Штурман трубку прикусил.

Рулевые загалдели
И притихли сразу же.
Потеплело,
Просветлело
На душе у каждого.

Оттого, что радугу
Выдуло над мелями,
Оттого, что на лугу
Кони эти белые.

1977

Сахдия

Сахдия...
Оживают неясные тени,
В полутьме кобылица гривастая ржет,
Пролетают на запад лихие тумены.
До Тюмени
Остался один переход.

До Тюмени,
До будущей – прошлой – Тюмени,
До становья татарского Чинги-Тура.
Кровь и пот запеклись на губах поколений,
Отрицавших бессмертную жажду добра.

Ископычена, смята раздольность степная,
Таганы и кибитки от гор до морей.
Сахдия...
Ястребиные взгляды Мамаю.
Белый пепел на папертях русских церквей.

Неужели так было?
Откуда же ласка
Лебединых твоих все прощающих рук?
Нам так редко дано в этом мире встречаться,
От письма до письма, от разлук до разлук.

Мы друг друга в толпе разглядели не сразу,
Почему ж мы судьбе не пришлись ко двору?
Сахдия...
Неоконченность ласковой фразы,
Горький выдох на белом морозном ветру.

1981

Герб

Золотом по синему карась...
«Караси окрест зело отменны» –
Так гласит под старым гербом вязь,
По-сибирски окая степенно.
Город мой по-своему велик.
Я листал архивные страницы:
Из Сибири за моря везли
Масло и зерно менять ишимцы.
А была здесь только слобода.
О заводах слыхом не слышали.
Нынче вы в далеких городах
И иной товар бы повстречали:
Вот пальто, вот мебель, вот ковры,
Нужные хорошие машины.
Приглядитесь, будьте так добры,
Ведь на них стоит клеймо Ишима!
Что карась в эмблеме городов?
Карася не очень почитаю.
Золотые руки земляков
На гербе я нынче начертал бы!

ПУБЛИЦИСТИКА

Павел ПЛЮХИН

Вот так надо жить!

Наверное, каждый северянин о причинах приезда на Саяногорск не раз задавал себе много вопросов, добавляя: не зря ли!?

Осень 1973 года... Помню низкое хмурое небо, непонятно по какому закону часто морозящий мелкий дождь, неудобный аэропорт, принявший наш АН-24 из Челябинска, и мое удивление, что почти все встречающие были в болотниках. На выходе из самолета нас встречали полчища голодных комаров...

Для бывшего младшего научного сотрудника челябинского института, приехавшего по комсомольской путевке на работу и привыкшего к зеленым газонам, клумбам с цветами, асфальту, который несколько раз в день поливали машины, витринам современного города, Нижневартовск 1973-го показался холодным, неудобным, необустроенным. Первые тревожные мысли были: не вернуться ли назад?

Тогда я не мог даже подумать, что когда-то он станет родным и близким на долгие сорок лет для нас с женой, родившихся здесь детей, внука Вовки, а лучшие годы жизни, творчества, профессионального и научного роста будут связаны с той неповторимой атмосферой настоящей кипящей работой Сибири. Было в слове «Сибирь» что-то таинственное, крепкое, могучее, и оно влекло тогда многих молодых в поисках романтики, влекло возможностью проверить себя не возле маминой юбки, а в реальных жестких условиях Севера.

Фантастические скорости бурения и освоения нефтяных месторождений (которые не снились современным нефтяникам!) задавали такой темп, что захватывало дух, создавалось ощущение, что мы, энергетики, постоянно опаздываем, догоняем, и было скрытое ощущение какой-то вины.

Мне просто повезло попасть в только что созданное электросетевое управление «Энергонефть», которое возглавили опытный Виктор Евгеньевич Колесников, набравший специалистов из разных уголков страны: Украины, Белоруссии, Татарии, Азербайджана. Рядом трудились москвичи, питерцы, свердловчане. Тогда Нижневартовск и Саяногорск были многонациональной дружной Россией в миниатюре.

А какие знаменитости были у руля страны – председатель Совета министров Алексей Косыгин, председатель Госплана Николай Байбаков, в Главтюменнефтегазе – Виктор Муравленко, в нефтегазодобывающем управлении Роман Кузоваткин!

Устраиваться на работу в октябре 1973 года я пришел в сильно прокуренный кабинет к Роману Ивановичу Кузоваткину, который сидел за столом в изрядно потертой коричневой кожаной куртке, был непрерывно занят разговорами по телефону, но уловив суть моей просьбы, коротко и ясно сказал: «На кой черт тебе устраиваться в НГДУ, ты электрик, знаком с наукой, мы специально создали «Энергонефть», иди к Колесникову, это рядом, во дворе!» Вот так одним мудрым решением была определена моя работа на последующие сорок лет!

В 1976 году, когда я уже был секретарем комсомольской организации «Энергонефти» и мы прилетели в Тюмень на отчетно-выборную конференцию (фотография нашей делегации находится в моем рабочем кабинете),

единственной делегацией, которую принял Виктор Иванович Муравленко, была из столицы Самоглора, причем пригласил он на встречу только делегатов-производственников. Это встреча стал праздником! Полтора часовой разговор, несмотря на перегруженный график начальника главка, шел о нефти. (Тогда главк походил на штаб грандиозной стройки.)

Муравленко спросил каждого, какую профессию он представляет, и заметно оживился, узнав, что в делегации есть уже известные молодые буровики Володя Глебов, Михаил Широков, нефтяники, энергетики, транспортники, дорожники. В его глазах появился блеск, и он с азартом профессионала рассказал нам о запасах нефти, о той огромной перспективе освоения Тюменского края.

Это был разговор талантливого учителя с первоклашками-учениками, и мы слушали его, затаив дыхание. Мы у него учились жить! Но вскоре он повернул разговор так, что заставил говорить нас, обсуждая проблемы ускорения добычи нефти, позволил задавать вопросы. Помню, и я спросил его: «Насколько реально открытие второго Самоглора и когда начнется промышленная добыча нефти на Русском месторождении?»

Виктор Иванович улыбнулся и ответил: «Да, было бы неплохо открыть второй Самоглор, он очень нужен стране, но такая удача маловероятна! Что касается Русского месторождения, то пока существующие способы добычи тяжелой нефти не позволяют извлечь нефть максимально, правильнее не спешить, иначе можно просто загубить пласты, отобрав из них слишком малый процент нефти».

Он был стратег, хозяйственник, нефтяник, ибо безошибочность многих его мыслей подтвердили последующие десятилетия.

Расставаясь с нами, он подарил всем участникам встречи наручные часы с гравировкой, самый дорогой по воспоминаниям для меня подарок, ставший талисманом.

Встречи с такими государевыми людьми – удача в жизни и урок мудрости. Эта встреча часто вспоминалась мне в сложных жизненных ситуациях, и когда было хорошо и когда было совсем не сладко!

Уже позже, приехав в город Муравленко на литературный фестиваль, мысленно поздравившись с облеченным в мрамор Виктором Ивановичем, но постоянно живущем в моих мыслях человеке-легенде, я написал стихи:

Он шел напролом, обогнав даже время,
Сжав нервы и волю в мужицкий кулак,
Взвалив на себя тяжелейшее бремя –
Удары сносить от московских атак.

Ведь мог отсидеться в тиши кабинета,
Ведь мог не болеть за Отчизну душой,
Но не было б нефти в России при этом,
А газом страну не согрел б Уренгой!

Россию всегда выручал чудо-гений:
Суворов, Столыпин, петровская прыть,
И я Муравленко без тени сомнений
Поставил бы рядом!
Вот так надо жить!

Великую историю способны делать великие лидеры

Поздней осенью 1978 года Николай Байбаков в сопровождении ведущих специалистов Главтюменнефтегаза и Госплана в рамках рабочей поездки на Самотлор приехал на выставку нефтепромысловой техники, организованной в Нижневартовске на территории ЦБПО-4 по улице Аэропортовской. На выставке был представлен весь спектр как серийно выпускаемой техники, включая поставки по импорту, так и нестандартное оборудование местного производства. Конечно, всем хотелось и лучшее показать, и попросить то, что крайне необходимо!

Нефтяные энергетики представили на выставке новенький чешский автогидроподъемник МП-20 (монтажная площадка с 20-метровым вылетом). Зная техническую подкованность Байбакова и профессиональный подход в любом из вопросов, докладывать председателю Госплана поручили мне как бывшему научному сотруднику института. Никто не знал, о чем и как будет спрашивать председатель Госплана, но по слухам уже знали, что он очень умен и достаточно крут характером.

Как молодой специалист я отчеканил короткий доклад, но Байбаков, заинтересовавшись, неожиданно задал три вопроса:

1. В чем преимущества этой вышки перед нашими машинами?
2. Где еще на месторождениях можно использовать такие механизмы?
3. Если в России организовать их выпуск, будут ли они востребованы?

Все случилось настолько неожиданно, что я успел вспотеть до ответа, зная, кто меня экзаменует! Поскольку о возможностях вышки и ее применении знал все, то ответил уверенно, за что он пожал мне руку, а сопровождавшему молодому референту сказал: запишите и проработайте с машиностроителями.

Через три года подобные складывающиеся гидроподъемники появились и у нас в стране, что и удивило, и подтвердило, что слово и дело у Байбакова не расходятся!

Конечно, мне после таких встреч стали интересны судьбы этих великих людей, и я с интересом следил за их деятельностью.

Сейчас закончены работы по пуску нефтепровода Самотлор – Тихий океан, в работе газопровод «Сила Сибири», а у истоков реализации этих проектов стоял Николай Константинович Байбаков. Еще в 1965 году в ранге министра нефтяной промышленности он встречался с председателем федерации экономических организаций Японии господином Уэмурой, которого интересовало три вопроса:

1. Можно ли увеличить поставки нефти в Японию из южных районов СССР?
2. Как развивается нефтяная промышленность в только что открытой Западно-Сибирской провинции?
3. Имеются ли планы развития нефтедобычи в Восточной Сибири в районе Хабаровска?

Отвечая ему, Байбаков пояснил, что увеличение поставки нефти из района Черного моря затруднены из-за снижения добычи.

«Надо усиленно развивать Тюмень, – сказал Николай Константинович. – И если Япония хочет получать нефть из СССР (это мое личное мнение), надо ориентироваться на нефть Западной Сибири, потому что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке мы не имеем пока серьезных разведанных районов. Для этого надо решить ряд крупных вопросов, прежде всего постройку нефтепроводов до Находки. Когда-то вопрос о строительстве такого нефтепровода поднимался».

На вопрос господина Уэмуры, сколько нефти мы сможем получить, Байбаков ответил: «Это зависит от того, сколько ресурсов будет вложено в развитие Западной Сибири. Для того чтобы получить прирост в миллион тонн нефти, надо затратить на все работы (включая разведку, бурение, обустройство и строительство трубопровода) около 130 миллионов рублей. При всем этом заявляю как хозяйственник: продавать сырую нефть невыгодно, лучше продавать готовые продукты».

К 1975 году вектор отношений двух стран стал более реальным, и начал разрабатываться шельф Сахалина. Проект нефтепровода Западная Сибирь – Тихий океан был реанимирован только через четверть века, но с другим партнером – Китаем.

Приводя для вас, уважаемый читатель, эти строки, я хотел подчеркнуть размах тех лет, устремленность руководителей государства, обладавших талантом на полвека вперед просчитать развитие страны и мировой экономики, для которых интересы страны были гораздо выше личных. Безусловно, этот климат царил и на производстве, поскольку все мы дышали тем же воздухом, теми же задачами увеличения добычи нефти, чувствуя толику своего участия в такой важной всенародной стройке.

Нам лозунг «Нефть – Родине!» был близок и понятен. Тогда в нас жили другие ценности, и это придавало сил и энергии. Чтобы вовлечь молодежь в процесс созидания, в нефтяной энергетике создавались комсомольско-молодежные бригады, которые не только соревновались между собой, но и обменивались передовыми методами, что в итоге двигало производство вперед быстрыми темпами.

Я далек от эйфории, излишнего восхваления. Фантастические темпы всегда сопровождаются человеческими ошибками, которые приводили к авариям. Их было предостаточно. Еще сейчас, как на поле боя, торчат из болот кабины тракторов, пропоровших газопроводы и нефтепроводы, как памятники той эпохи.

Не обошли аварии и энергетиков.

В 1979 году на Повховском месторождении нефти вышла из строя единственная подстанция на 110 киловольт, питавшая КНС (кустовую насосную станцию), без электричества оказалась закачка воды в пласт. На улице было минус 35! Собирали нас ночью, так как счет шел на часы, а вариантов не было. Самым худшим было то, что если разморозится разветвленная многокилометровая паутина водоводов на месторождении, а это кровеносная система пластового давления, месторождение может просто погибнуть. Мы понимали, что ущерб будет соизмерим с затратами на строительство системы ППД (поддержания пластового давления), и никто иной, а только энергетика могут выручить в такой ситуации.

Уже на борту Ми-8 началось обсуждение плана спасения месторождения, и он был готов через час к моменту посадки вертолета на Повхе. Автором идеи был Александр Иванович Паутов, а в команду он взял Владимира Мелехова, Владимира Петрова, Альберта Староверова, Николая Сотникова, Петра Грибкова и автора этих строк. На Повхе к нам добавились опытные электрики с Покачевского месторождения.

Не стану описывать детали сложной нестандартной работы, где были найдены уникальные инженерные решения, скажу лишь, что были и обмороженные, которые не спали трое суток, понимая, что месторождение на грани, но победили! И победили, прежде всего веря и не жалея себя, сознавая ответственность перед нефтедобытчиками, а значит перед страной!

(Для современного поколения личные интересы далеки от целей и интересов государства, а тогда они были ЕДИНЫМИ.)

Геннадий САЗОНОВ

Чудо в Тобольске

Милость к нам проявила природа. Играло солнышко, чуть пригревало, свет сиял во все стороны. Благодать на исходе осени, почти летний денек. Обычно в безлиственную пору по Сибири уже гуляет-завывает снежно-пыльная метель, а просторы обнимает морозец.

А тут – такой подарок!

Про место, куда мы приехали, старинная забытая песня доносила: «На диком берегу Иртыша сидел Ермак, объятый думой».

Атаману было от чего задуматься!

Во сне или наяву Ермаку Тимофеевичу почудилось пророчество: он должен оградить русские селения от набегов хищных татар, силой взять и покорить Сибирь под руку царя Московского.

Горстка отважных казаков (пятьсот или чуть более), бесстрашных, как и сам атаман, все приближалась и приближалась к многотысячному войску сибирского хана Кучума, который, говорят, имел «большие связи» на Западе и в Азии, а посему собирался пойти разорить саму Москву.

И вот у Чувашева мыса на реке Иртыше, где теперь, почти пятьсот лет спустя, мы стоим в качестве приезжих гостей достославного града Тобольска, произошла битва, равной которой, наверное, не отыскать за всю историю человечества.

Отряд казаков, на каждого приходилось, пожалуй, по сотне и более врагов, вооруженных, кстати, даже пушками, опрокинул, обратил в бегство и рассеял большую армию хана Кучума.

Разве это не чудо?

Чудо, да еще какое!

– Мы не знаем, сколько голов сложили в страшной битве казаки, но уже на другой день те, кто остался в живых, сели на струги, поплыли вверх по Иртышу и заняли столицу Сибирского ханства – город Искер, – рассказывал Аркадий Елфимов, коренной сибиряк, большой знаток русской истории и руководитель Общественного фонда возрождения Тобольска. – И что самое примечательное? Взятие столицы хана Кучума произошло в день памяти святого православного подвижника Дмитрия Солунского. Красноречивый знак! Случайного не бывает, случай – «орудие» провидения Господня. Победа в день Дмитрия Солунского означала: русские пришли в Сибирь НА ВЕКА!

Разве это не чудо?

Чудо, да еще какое!

Тайна заключена и в том, что чудо, явленное атаману Ермаку, не исчезло в одночасье. Оно длится, переходит из века в век, обретая новых сторонников и принимая разные формы. Одно из подтверждений тому – раскинувшийся на крутом берегу Иртыша ботанический парк «Ермаково поле», уникальный для всей Западной Сибири. Название – опять же в честь храброго казака, здесь стоит и оригинальный памятник ему. Заброшенная в лихие 90-е годы территория дома отдыха обрела новое прекрасное существование. Стараниями Аркадия Елфимова и его друзей «природные композиции» воспроизводят страницы истории славной духовной столицы Сибири – светлого города Тобольска. Их дополняют скульптурные и декоративные объекты.

Сколько любви, мастерства потребовалось вложить в замыслы!

И вот «след» из 26 октября 1582 года, когда Кучум позорно бежал с Чувашского мыса, неожиданно обрел явь в ботаническом парке.

На холме встала часовня в честь святого Дмитрия Солунского.

Устремленная в широкое небо, белая, красивая, глаз не оторвать, часовня будто парит над округой, олицетворяя символ нашей великой русской государственности. Автор объекта – архитектор Алексей Белосусов, без преувеличения вложил в него душу.

Разве это не чудо?

Чудо, да еще какое!

Строгая красота небольшого храма естественно входит в исконную святоотеческую традицию Тобольска – активного религиозно-духовного сердца Сибири. Тобольск для зауральской части страны до самого океана то же, что Троице-Сергиева лавра под Москвой для всей России.

Это «сердце», конечно, не могло не отозваться на страшную беду, что постигла Русь в самом начале прошлого века. Насильственное отлучение от власти помазанника Божия стало катастрофой для народа и началом восхождения Николая Романова на свою Голгофу. Дом генерал-губернатора в Тобольске дал последнее пристанище законному русскому царю, его семье и сподвижникам. Дом сохранили стараниями горожан, хотя могли бы сжечь, взорвать, развалить, как случилось с домом купца Ипатьева в Екатеринбурге, куда в 1918 году вывезли «пленников» и расстреляли. Через сто лет после зверской казни царя и его семьи, в апреле 2018 года, в доме генерал-губернатора открыли музей в память о последних представителях династии Романовых.

Глубокие и трепетные чувства охватывают всякого, кто входит под своды дома, комнаты и лестницы которого помнят царя.

Разве это не чудо? Чудо, да еще какое!

Екатерина ПИОНТ

Редкие люди

(В эпоху покорения Тюменского Севера)

Открытие Березовского газового месторождения 21 сентября 1953 года дало начало широкому освоению природных богатств Западной Сибири. Березовский газ принес этому краю новую мировую славу.

Закрыл фонтан сам А.Г. Быстрицкий, получивший выговор перед этим за своевольное определение места бурения. Спустя годы, став уже заместителем начальника Главтюменьгеологии по общим вопросам, он скажет о покорителях Сибири, перефразировав известные слова о гоголевской шинели: «Все мы вышли из Березова».

– Девчонки, поэты приехали!
– Куда? К нам, в Березово? А откуда?!
– Как откуда, из Москвы, наверно. Где они еще могут быть...
– А с чего к нам – то? Разыгрывают, что ли?
– Мало того что в нашу глушь, так еще и в узел связи, че вдруг им приспичило?!

– А чем березовский узел связи не культурный центр?..
– И с чего, когда началась новая эпоха Западной Сибири?
– Вы не забывайте, это наши радисты отстучали ТЕЛЕГРАММУ: «Из Березово 21 сентября 1953 г. Срочная. Тюмень. Нефтегеология. Шиленко. Выброс при подъеме инструмента. Давление на устье 75 атмосфер. Срочно ждем самолет. Сурков», – отчеканила Мария Кирилловна, проработавшая более тридцати лет на березовском телеграфе.

Тут вошла бригадирша и объявила: «Быстро всем в бухгалтерию!»

– Странные какие-то, а кто останется? Ханты работу валят без пере-
дыху.

Серый, как мышь, стальной телеграфный аппарат старого образца не пищал, соответствуя своему виду, а стрекотал, нет, трещал, как охрипший кузнечик. От него тянулось две белые ленты: одна широкая, перфорированная, для транзитных телеграмм, другая узенькая с черным шрифтом, образуя на полу рядом два бумажных сугроба. Таких трещащих сидело десять на площади пятнадцать квадратных метров, и их обслуживало пять телеграфисток. Двадцать сугробов, больших и маленьких, приходилось обходить стороной, ойкая и изобретательно лавируя между ними.

Дежурная ханты-мансийского телеграфа приостановила очередь из автомата на несколько минут, словно прислушиваясь к разговору на нашей стороне... и снова сугробы, полные крика, боли, признаний, разочарований, начали расти.

Оставаться работать никому не хотелось. Спина, шея уставали от многочасового сидения за аппаратным столом: ленточку с текстом, ряд к ряду, надо было приклеить на бланк быстро, аккуратно. Клей стекал по пальцам, застывая липкой карамелью. Орудя двумя неприглядными тряпицами, которые периодически полоскались в тазике с водой, дежурная, проверив текст, вытирала излишки клея с бланка, подсчитывала слова, исправляла ошибки. Затем, записав в журнал, входящие отдавала в доставку, а в транзитные вставляла перфоленту, отыскивая предназначаемую в большом сугробе, скорость обнаружения зависела от знания языка

перфорации, и передавала дальше дежурной, работающей с низовками. После этого приступала к более скрупулезной работе – передаче телеграмм на окружной телеграф, спеша уложиться в сроки, нервничая при разборе очередного почерка. За семичасовую смену телеграфистка обрабатывала до пятисот штук входящих и исходящих.

Связь часто пропадала, отчего аппарат работал истерично вхолостую, внося суматоху, нервозность: потерянные телеграммы запрашивались, вызывая гнев окружных работников, который выливался часто в ругань на бегущей ленте.

Работа с Ханты-Мансийском была самой тяжелой, передачу и прием телеграмм производила телеграфистка первого класса.

Происходили разные казусы. Однажды новая дежурная Ханты-Мансийска, не удосужившись заглянуть в справочник, полчаса пререкалась с нами, отказываясь принимать телеграмму из Хулимсунта, что в переводе с хантыйского языка звучит поэтично – «угодье белок», со словами «смотри что пишешь». На правах вышестоящей она потребовала бригадира для подтверждения такого населенного пункта в нашем районе.

Конечно же, спокойнее для нас было работать с низовками, трассовыми поселками, имевшими телеграфную связь. Здесь выше сидящими были уже мы, районный узел. Чем не дедовщина?

За утерей телеграммы, искажением текста, поздним вручением следовали справедливые жалобы клиентов, работникам ставились браки, объявлялись выговоры... За небольшую зарплату адская работа. А главное – ночные смены через трое, а то и через двое суток. Они одним только были хороши, что утром все шли на работу, а ты – свободна! и дети рады... Но ночью одной дежурной выпадало работать за троих, и свободной секунды не было до утра, до такой степени, что однажды обронив кольцо, в спешке собирая бумажный мусор, я не нашла времени отыскать потерю, успокаивая себя: видать, так надо. Работа в праздники по 17 часов с семичасовым перерывом, бесконечный шум аппаратов, страх не успеть, потерять, исказить... Особая внимательность нужна была при поступлении телеграмм–сигналов, они чаще приходили по ночам. Но работа с военкоматом дисциплинировала.

Пик обмена телеграмм пришелся на семидесятые – восьмидесятые годы. Резкая миграция людей на Север делала свое дело. Ехали буровики, строители газопроводов, машинисты, сварщики – в основном без семьи, со всех концов нашей необъятной страны. В новогодние праздники, 23 февраля, 8 Марта сугробы лент не таяли неделями.

И отсюда между телеграфистами скандалы, слезы...

И вдруг такая передышка! Поэты на то и поэты, чтобы услышать даже всхлип рабочего класса.

– Пусть Зина останется, зачем ей эта поэзия, ей о детях, муже думать надо.

– А тебе зачем?

– Да хоть посмотреть на живых писателей, себя показать! – с вызовом отвечала Ритка, она считала себя неотразимой, – у меня новые итальянские, по благу купленные, туфли, кто-то должен их увидеть!

Зина согласилась продолжить работу.

Телеграфисты, в основном молодые женщины, девчонки после школы, торопились, счищая, отмывая клей с пальцев, причесывались гурьбой у небольшого зеркала, и причепурившись, направлялись в бухгалтерию.

Там уже на своих местах восседали главный экономист, главбух, нормировщик, кассир.

В центре за небольшим столом расположились гости: двое уже немалых мужчин. Один могучий, с кучерявой, темной с проседью шевелюрой, кавказской внешности, другой – компактнее, седовласый, с пронизывающим серо-голубым взглядом. Возможно, до нашего прихода они с работниками бухгалтерии вели скучный разговор об экономии материальных средств связи, о кредите и дебите, ибо как только мы впорхнули в кабинет, лица мужчин оживились. Мы чинно усаживались в два ряда, кто-то из девчонок поправлял прическу, кто-то принимал позу поэффектнее... Уже одно слово «поэт» завораживало, хотелось соответствовать.

Наконец, главный экономист, женщина крупная во всех отношениях, поднялась со стула и объявила: «У нас в гостях сегодня редкие люди – писатели из Тюмени». А ведь действительно редкие. Еще и потому, что видеть их мало кому из нас доводилось. Приезжал как-то уроженец нашего края, знаменитый поэт, философ Юван Шесталов, о том многие в поселке помнили, но уже сменилось поколение.

Фамилия первого гостя Евгения Ананьева-Шермана мне, к сожалению, не была знакома, хотя позже о нем много слышала, читала: он участник войны, автор книг очерков «Остров нефтяных робинзонов», «Под стальным парусом», «Цвет тундры голубой» и другие. Евгений Григорьевич был страстным книголюбом, у него была богатая библиотека, в 1983 году он возглавил Тюменское отделение Союза писателей.

Фамилия второго – Тоболкин – у меня вызвала радостное удивление. Произведения Зота Тоболкина я читала в журналах «Наш современник», «Уральский следопыт», «Юность», даже в «Крестьянке». Слышала о его пьесах, поставленных в разных городах: «Геологи», «Баня по-черному», «Верую», «Взлетная полоса». Его пьесу «Песня о Сольвейг» под названием «Братья» ставил цыганский театр «Ромэн», гастролируя с ней по Японии. В издательстве «Искусство» дважды выходил его сборник лучших драматических произведений. Семидесятые годы особенно были для писателя плодотворными. Одна за другой выходили пьесы. А какие названия у его произведений: «Припади к земле», «Лебяжий», «Зодчий», «Сказание об Анне», «У Бога за пазухой», «Отласы».

Мое знакомство с писателем произошло с рассказа в «Юности», году в 70-м, названия его не помню, о юношеской любви. На рисунке – вся воздушная светлая девочка идет солнечным днем по дощатому тротуару, у нее из авоськи выпало два яблока, подросток, поднимая, протягивает их ей...

Рассказ почему-то остался в памяти моей, жил и живет доныне, как собака без имени, приبلудная, верная.

И вот передо мною – сам автор!

Собравшиеся сидели, не шелохнувшись, с серьезными лицами, не зная, как вести себя. Костяшки на счетах и те замолкли.

Зот Корнилович читал стихотворение о любви. О такой любви, что мы потеряли реальность. Каждая из нас ставила себя на место любимой, которую поэт обожествлял. Этот немалодой седой человек дал почувствовать нам, что жизнь удивительна в любом возрасте, что тот единственный так же, как и ты, ищет свою любовь, половинку, и обязательно найдет, ведь ты же теперь пойдешь навстречу. О сколько он пробудил в нас чувств, этот чудотворец. Глаза девчонок затуманились... вот тебе и поэзия – обыкновенное слово в стихотворении может иметь такую поразительную силу! совсем иную, чем в передаваемых телеграммах для телеграфистки, но для той женщины, для которой предназначается, оно вновь приобретет особую, невиданную энергию. Такова сила и тайна слова.

Даже наша Ритка, которая, глядя на нескончаемость работы, обычно восклицала: «Когда уже они все отлюбят!», сидит, притихла. Часто повторяемое «люблю» в телеграммах, выцветшее, завядшее, словно оживили, и оно, зазвучав, вдруг расцвело в сердце каждой.

В предбанник бухгалтерии набилось много опоздавших: телефонистки, почтальоны, толпились монтеры с «когтями», перекинутыми через плечо, – быть может, ради такого случая они и спустились со своих столбов, захотелось большей высоты...

Всем интересно было не только послушать, но и взглянуть на необычных людей, редких, как выразилась главный экономист.

Народ еще подтягивался. Из коридорчика доносился шепот – «поэты, поэты...» Секретарша сидела в приемной и следила, чтобы не проник в бухгалтерию кто ни попадя. Слышалось, как она, отчитывая, прогоняла кого-то:

– Налил глаза и явился, да ты знаешь, кто там сидит! не позорь себя и нас... стыдобеще!

А Зот Тоболкин читал стихотворение и молодец у всех на глазах, останавливая на какое-то время взгляд на каждой из нас, дарил свое пришедшее свыше слово.

Даже главный бухгалтер, поморгав, провела пальцем по глазам, девчонки переглянулись: как? и она?!

Стихов, прозаических миниатюр, воспоминаний прозвучало за эти полтора часа немало от наших гостей, но первое стихотворение пронзило нас, оно осветило всю встречу каким-то невиданным до этого светом. Даже солнце, вдруг выглянувшее неожиданно зимой у нас на Севере, не оставило бы такого следа.

В конце встречи можно было задавать вопросы, но все были еще под впечатлением услышанного и боялись расплескать рожденные чувства. Главбух несколько раз властно повторила:

– Вопросы будут?! А это уже напомнило нам общее собрание. Мы молча поднимались, просветленные, похорошевшие, говорили спасибо и, поклонившись гостям, выходили.

Подружка Ольга, только она знала, что я что-то сочиняю, шептала мне прочесть свое, но мне это показалось полным абсурдом.

Вернувшись на телеграф, мы не сразу смогли полностью приступить к работе, только и слышалось: «Можно было спросить, женаты ли они?», «Наверное, здорово иметь мужа-писателя!», «Интересно, красивые у них жены?», «Да уж поди красивее тебя...»

– Черноглазый так смотрел на меня! – хвастала Ритка.

– А голубоглазый на меня! – парировала Надюшка.

– Хватит, нужны вы им, телеграфистки третьего класса, – ворчала бригадирша, – сдайте хотя бы на второй...

Ритка скривилась:

– Ну мне че ему телеграфные правила рассказывать? Это он мне стихи будет читать! Да, девчонки, счастливые у них жены...

– Еще бы, а вы слышали, Зот Тоболкин сказал, что совсем недавно на «Мосфильме» сняли картину по его повести «Поздняя ягода», не пропустить бы... представляете, он, такой знаменитый, приехал к нам! Я жалею, что не взяла автограф. Вот выпал случай...

– Ой, подумаешь, автограф, возьмешь когда-нибудь, он еще не такой старый, – успокаивала меня Ольга. – Сколько ему лет?

– Не знаю. Кто-то сказал, что у поэта нет возраста...

– Ну вот видишь, тем более!

– Где я могу его встретить, скажешь тоже, если только чудо.

Вот так опустилась однажды для передышки на наше заросшее илом озеро пара невиданных птиц, поплавали они, испили нашей водицы, очаровали нас своим голосом, еще поблескивающим оперением – и улетели.

И надо сказать, что эта встреча не была бесполезной. Готовя очередной номер стенной газеты «Связист», я поместила в последней колонке свой кроссворд, в котором под номером один по горизонтали был вопрос: «советский писатель, фамилия которого происходит от названия сибирской реки», толпа, собравшаяся у газеты, ни минуты не сомневаясь, в голос: «Тоболкин!..»

Прошло лет пятнадцать, я жила в другом месте, неподалеку от старого, в новом северном городе Белоярском, где проживали в основном строители газопроводов и работники газовой компрессорной станции. Работала я так же в связи, но уже заведовала телеграфом. В городе было литобъединение, которым руководил Сергей Тимшин. Однажды я все же пришла туда... В городской газете была поэтическая страница «Серебряные нити», где печатались стихи. Удивительно, с каким нетерпением ждали жители эту газету, при встрече спрашивали, когда наконец она выйдет. Вскоре нас, несколько человек, пригласили на литературный семинар в Тюмень.

О, как я волновалась в первый раз, подходя к дому на улице Осипенко, 19. Этот старый двухэтажный деревянный особняк... ворота, кольцо, за которое нужно было дернуть, тогда в окно выглядывал кто-нибудь из поэтов или прозаиков...

Затаив дыхание, я открыла впервые калитку в мир тюменских писателей!

Прошла несколько метров до крыльца, широкого, двухступенчатого, дощатого, помнящего столько шагов, впитавшего в себя столько следов этих странных людей.

Я на цыпочках вошла в здание и оказалась перед деревянной лестницей, она вела вверх. Оттуда доносились голоса, смех...

Сердце колотилось, я ступала на скрипучие ступени и во всем видела знак.

И тут поняла, что таким и только таким должен быть дом писателей. Он предвосхитил все мои ожидания.

В ту пору объединение возглавлял Сергей Борисович Шумский, прозаик, человек доброжелательный, с сибирским говором, уроженец Красноярского края, он сразу расположил к себе. Было в нем что-то отеческое. Умер писатель 24 мая 2008 года.

Сергею Борисовичу принадлежат воспоминания о встречах и переписке с В. Розовым, в семинаре которого он учился, с В. Астафьевым. Пером С. Шумского написаны книги «Соболихинский баянист», автобиографическое повествование «Мои шесть братьев», «Пастуший стан», куда включена повесть «Красавец и Байкал», отмеченная премией журнала «Молодая гвардия», сборник иронической прозы «Я есть (письма из мусорной корзины)».

Народу писательского собралось много: целая команда из Тобольска, несколько человек с Севера, Ямала и Югры, с юга Тюменской области, самих тюменцев было огромное количество – все три комнаты были заполнены пишущими, страсти разгорались с каждым новым семинаристом. Кого-то хвалили, в ком-то сомневались, кому-то советовали обратить внимание на рифму, форму...

В кулуарах сигаретный дым не спешил рассеиваться, до того были жаркими споры, ведущие семинара продолжали все так же доказывать, защищать, отвергать...

Мне удалось прочесть все стихи, которые я заготовила.

Седовласых было здесь немало, хотелось найти среди них Зота Тоболкина. Та поэтическая встреча, незабываемая атмосфера его стихотворения жили во мне долгие годы. Созданный мною образ этого поэта, прозаика со временем только становился ярче. Может, поэтому одного из литераторов я приняла за него: колоритная внешность, держится с достоинством, подошла, поздоровалась и спросила:

– Вы Зот Тоболкин?

Тут же окружавшие его писатели помоложе прыснули, а предполагаемый Зот Тоболкин, немало удивившись, оглядел сидевших рядом, и пожав плечами, проговорил, инсценируя растерянность:

– Как сказать...

Чем вызвал еще больший смех.

Вот такое знакомство состоялось у меня с критиком Юрием Мешковым, теперь уже тоже ушедшим. О нем остались теплые воспоминания, несмотря на то что критиковал он, не щадя никого.

А на следующий день Зот Корнилович сам подошел ко мне. Он оказался невысокого роста, сухощавым.

– Ведь это ты из Березова?!

– Да. А Вы Зот Тоболкин! Вы к нам приезжали, помните?

– Конечно, как забыть, мы тогда выступили почти во всех ваших организациях, в семи или восьми, люди были так благодарны, а как они умеют слушать!.. Да и у меня родственники там есть... И, кажется, я помню тебя, но ты же была совсем молоденькой! – с нотками нарочитого возмущения воскликнул он. Ах, как не поверить, что помнит, я действительно тогда была совсем молодой.

– А что ты пишешь?

– Стихи...

– Я тоже начинал со стихов. Два сборника выпустил.

– Помню ваше чтение, оно потрясло тогда нас...

– Сейчас в основном пишу прозу, встаю в 5 утра, выпиваю чашечку кофе и работаю. Начал новый роман, названия пока не скажу, но все о наших людях... Надо писать о тех, кого знаешь хорошо изнутри, о других напишут другие. Седьмой пункт Чуковского я выполняю четко, он дал себе обещание еще в молодости, чтобы стать писателем: 1. Не пить. 2. Не курить. 3. Не ходить в гости. 4. Не принимать гостей. 5. Не устраивать праздников. 6. Ложиться в 9 вечера. 7. Вставать в 5 утра.

– Значит, выходит, седьмой пункт для вас самый действенный?

– О, еще как! Пока справляюсь с ним только, – лукаво взглянув, засмеялся он. – Вот собираюсь посетить ваши места еще, привольно там у вас, тихо... хорошо пишется...

Затем Зот Корнилович долго искал свою черную матерчатую сумку, наконец нашел:

– Молодые все подшучивают надо мной, я сам был таким...

Уходя, уже у двери выкрикнул мне, как только умел делать это он, с вызовом:

– Я тебе книгу подарю!

Столько в его голосе было силы, уверенности, не напрасно ему дали имя Зот, что в переводе с греческого «жизненный, животворный».

Прошло лет двенадцать, я давно живу в Тюмени, с Зотом Корниловичем часто встречаемся.

Когда бросили клич провести субботник, Зот Тоболкин, ходивший уже с палочкой, пришел одним из первых: в клетчатой рубашке с коротким рукавом он выглядел моложаво, задорно; вытряхивая пыль из книг, он то и дело иронизировал по поводу очищения мыслей. Что там говорить, он внес в нашу рутинную работу особую зотовскую искру, ощущение праздника...

Он редко пропускает литературные вечера, на которых обязательно наступает момент, когда все затихают, слегка ослабев от бурного общения, и тогда одинокий тихий голос, словно откуда-то издалека, начинает медленно приближаться, осторожно выводя: «Гори, гори, моя звезда...»

Все замирают, направив взоры в его сторону, и каждый, чуть поддавшись вперед, подпевает, но лишь сердцем, одним сердцем, боясь нарушить переживаемое этим многие испытавшим в жизни человеком в момент его высокого откровения.

2013 год, Тюмень.

Зот Тоболкин ушел из жизни в 2014 году, в день смерти Сергея Шумского – 24 мая, спустя шесть лет. В жизни они были оппонентами, но оба любили романс «Гори, гори, моя звезда...»

Теперь стоит только слышать мне первые звуки этого чудного произведения, вспоминаю дом на улице Осипенко, 19, всех ушедших и здравствующих тюменских писателей... и волнующее пение Зота Корниловича: «Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда...»

Этот неповторимый голос, оживая, вновь возвращает меня в восьмидесятый год, в маленькую контору узла связи северного легендарного поселка, где открылась для меня магия одного стихотворения, позвавшего за собой...

Светлана ПАВЛОВА

Мне было двадцать...

Я пришла в редакцию окружного радио – небольшой уютный дом по улице Ленина, 24 – в сентябре 1976 года. Мой весьма скромный жизненный опыт в ту пору содержал школьные годы в Тобольске, Увате, Ханты-Мансийске. Прочувшись два с половиной курса на историческом факультете Тюменского госуниверситета, вышла замуж за одноклассника, прибывшего в отпуск из рядов советской армии, и уехала с ним во Владивосток (как жена декабриста, по шутливым оценкам окружающих).

«Отслужив» вместе срочную службу, мы вернулись в Ханты-Мансийск.

В телерадиокомитет меня пригласил его председатель – В.И. Плесовских, предложив должность оператора магнитной записи. Я испугалась, обращаться с техникой до этого мне не приходилось.

– Ничего, – сказал Владимир Иванович, – если зайца по ушам бить, то он научится и спички зажигать.

Меня изумила эта шутка: взрослый, уважаемый, солидный дяденька – и такие несерьезные аргументы! Сейчас – то я понимаю, что мне тогда не сказано повезло: я начала трудовую деятельность в творческом коллективе под руководством умного и доброго человека. Выпускник философского факультета МГУ, энциклопедически образованный, интеллигентный человек, очень спокойный и с неизменным юмором, Владимир Иванович был поистине «совестью земли Югорской». (Впоследствии, после его преждевременной кончины, была учреждена окружная премия памяти В.И. Плесовских «За честь и достоинство журналиста»). Для меня сразу была определена высокая планка взаимоотношений, а также принципов морали: справедливости, ответственности, честности и доброты, преданности делу. Этот заданный уровень позволял мне и в дальнейшем не прогибаться, не приспосабливаться ни к начальству, ни к обстоятельствам. В самых сложных ситуациях я была убеждена: если твои принципы и позиция руководства не совпадают, не менять же принципы!...Я меняла работу.

А тогда училась обращаться с магнитофонами в студии. Работала в наушниках с огромными бобинами магнитной ленты. Моей задачей было «чистить» речь выступающих, убирать помехи, повторы, неудачные выражения, кашель. Работа утомительная, зато в эфире после этого звучит логичная связная речь, содержательная информация. Меня терпеливо обучали старший инженер Владислав Сургутсков и оператор со стажем Фаина Евсеева.

Своеобразным экзаменом стала подготовка к эфиру выступления известного хантыйского художника-резчика П.Е. Шешкина. Он говорил несвязно и к тому же заикался. Смонтировать высказывания Шешкина в приемлемом для эфира виде – это был высший пилотаж даже для опытного оператора.

Были свои особенности при записи в студии и крупных руководителей. Выступающие порой безбожно путали ударения. Я же по молодости и дерзости безбоязненно останавливала запись и решительно требовала повторить правильно ту или иную фразу.

А Евгения Куликова (диктор окружного радио) даже вывесила в студии такие лозунги:

«Хоть так нефтяникам привычней,
Но все ж не дОбыча – добЫча!
Нефтепровод, газопровод
И никак иначе – вот!»

Интересно было записывать корреспондентов национального вещания. Текст шел на хантыйском языке, и оператору следовало монтировать передачу особенно тщательно, на слух, при этом, как правило, не понимая смысла слов. Следует, однако, заметить, что в самобытном и звучном хантыйском языке то и дело попадались новые слова: колхоз, трактор, мотор и другие.

В ту пору корреспондентом окружного радио работал выпускник Литературного института Еремей Айпин. Он готовил передачи и на хантыйском, и на русском языках, поднимал экологические проблемы северной природы. Помню его глуховатый голос и упорство, с которым он неоднократно переписывал тексты, добиваясь лучшего качества их художественного содержания. Был стеснительным, деликатным, принимал помощь коллег и сам охотно старался помочь им (например, ходил за меня на запись репортажей с многочисленных мероприятий, когда я стеснялась своей заметной уже беременностью.)

Оператор приходил в студию в половине седьмого утра. Необходимо было заранее включить аппаратуру, дать контрольный сигнал на радиоузел. Следующим в студию приходил диктор Вячеслав Керамович Аскеров – личность в Ханты-Мансийском округе легендарная. Уроженец Баку, сокурсник Муслима Магомаева, любимец женщин, любитель вина, поэзии, человек с южным темпераментом, он был похож на экзотический цветок в северной тундре. Вячеслав Керамович церемонно раскланивался, прикладывался к ручке, к рюмке (!), раскладывал текст, закуривал. Его напарница Евгения Юрьевна Куликова всегда влетала в студию в последние секунды перед эфиром.

Семь часов пятнадцать минут. Звучат неповторимые позывные – музыкальная фраза из песни композитора Якова Мозжевилова «Ханты-Мансийск – мой маленький город, маленький город с большою душой». Я выдаю в эфир позывные, зажигаю табло «Микрофон включен».

– Говорит Ханты-Мансийск, – мелодично начинает Евгения Юрьевна и сбрасывает с плеч шубу.

– Начинаем «Последние известия», – невозмутимо подхватывает Вячеслав Керамович и прижимает к губам Женину руку.

Они играли заметную роль в ханты-мансийском бомонде. Евгения Юрьевна была законодательницей мод, умудрялась всегда быть элегантною и экстравагантною, ее белокурые локоны, ухоженные руки, длинные юбки, пелеринки, брошки – все было неподражаемо, ее любили за веселый нрав, но и побаивались язвительных высказываний в свой адрес и разящей критики. Ее знали все, ведь она была прежде диктором окружного теле-видения, закрытого в округе в конце 70-х годов.

Однажды ранним зимним утром я не смогла открыть дверь «радио-дома» – ключ намертво застрял в замочной скважине, а до выхода в эфир остались считанные минуты. Евгения Куликова побежала в соседний дом, где на наше счастье хозяин во дворе рубил дрова. Разумеется, на просьбу кого-либо другого сломать дверь редакции радио он бы не отреагировал, но Евгению Юрьевну узнал с первого взгляда и быстро взломал дверь. В эфир мы вышли вовремя.

Вячеслав Аскеров, несмотря на выплаты алиментов и наличие так называемых вредных привычек, старался соответствовать своему положению: был всегда аккуратен, при галстукe, носил шляпу. Они относились

друг к другу тепло, защищали друг друга при нападках коллег, что не мешало им азартно спорить по самым разным вопросам, в том числе и профессиональным.

Внимательный радиослушатель замечал, что если передачу начинала Евгения Юрьевна, то в эфире звучало: «Говорит ХанТЫ-Мансийск», Вячеслав Керамович же делал ударение на первом слоге и произносил: «ХАНты-Мансийск». Каждый из них приводил массу аргументов в пользу своего произношения, и оба упрямо стояли на своем. Я была молчаливым арбитром за стеклом студии. По этому поводу Вячеслав Керамович написал такие строки (это было в 1977-м):

Эфиром я давно любим,
Пусть громы мечет Женя.
Сверяю по глазам твоим
Я истину произношенья.
Кому мне верить и каким,
Возникнет вдруг сомненье.
Я только по словам твоим
Поставлю ударенье.

Вообще Аскеров охотно занимался со мной: знакомил с гостями редакции, правил мои первые радиосочинения, провожал до дома и много шутил.

А Евгения Юрьевна (все называли ее Женя без панибратства, просто она была молодая, восхитительная) была для меня кумиром. Она пронзительно и безжалостно препарировала мои «глобальные» личные проблемы, помогала избавиться от комплексов, советовала, сочувствовала, снабжала кулинарными рецептами и литературными новинками.

Возможно, я несколько идеализирую Евгению Юрьевну и Вячеслава Керамовича, но ведь мне было тогда 20 лет, а им, моим героям, лет по 35–38. Конечно, их жизнь не была триумфальным шествием. Они были на виду, на слуху, о них судачили, им завидовали, но с ними считались, и их роль в культурной среде Ханты-Мансийска была заметна.

На совещаниях-летучках у Владимира Ивановича присутствовали не только творческие, но и технические работники, вместе обсуждали содержание передач и качество звучания. Со временем я начала «возникать» с различными замечаниями, не соглашаясь, например, с мнением Антонины Капитоновны Нестеровой о «тлетворном» влиянии западной музыки на молодежь.

Вскоре меня урезонили, дав понять, что критиковать-то легко, и предложили самой попробовать написать что-нибудь. На первый репортаж к Дню печати (5 мая 1977-го) меня благословил редактор Валерий Павлович Поливанов. Проводил до типографии и ждал на улице, пока я собирала материал для своего репортажа. Как сейчас помню, первое в своей жизни интервью брала у печатницы Галины Ходыревой.

Затем мне поручили подготовку программы «Пионерская искра». Вместе с известным поэтом Андреем Семеновичем Тархановым мы вели «Поэтическую радиостудию», читали и рецензировали стихи юных корреспондентов. Удалось осуществить постановки детского радиотеатра с помощью учеников школы № 1, где театральный кружок вела Вера Григорьевна Плесовских – уважаемая и любимая в педагогических и, что особенно важно, ученических кругах.

Задолго до 50-летия Ханты-Мансийского округа Владимир Иванович предложил коллективу радио подготовить цикл передач «Летопись полу-

вековой биографии». Каждому корреспонденту поручали осветить один год: необходимо было изучить и отразить его главные события. Мне выпал 1933-й. В этом году было много событий: строительство города Остяко-Вогульска (Ханты-Мансийска) силами ссыльных крестьян, которых послали на «перековку» (и по сей день, один из жилых районов частной застройки называется у старожилов Перековка), основание первой опытной сельскохозяйственной станции, становление окружных учреждений, культбаз, красных чумов.

И страшное, в ту пору почти неизвестное событие – восстание казымских хантов на озере Нумто.

Валерию Поливанову достался для освещения 1932-й. Мы вместе по долгу сидели в окружном архиве и фондохранилище музея. Он, сын репрессированных, понимал и разъяснял мне ситуацию и учил Эзоповому языку повествования...

На мой запрос откликнулась из Москвы вдова погибшего при подавлении восстания председателя окрисполкома Якова Рознина. Она написала пронзительные воспоминания о событиях тридцатых годов. Передо мной вскрылся неизведанный и глубокий пласт истории. Но... немой, потому что в эпоху развитого социализма говорить об ошибках национальной политики и перегибах социалистического строительства на Севере посредством радиовещания было невозможно, так как оно было одним из идеологических рупоров партии.

С бесконечными вопросами, сомнениями я обращалась к В.И. Плесовских, и мы вместе находили приемлемую форму изложения этих фактов.

А вдруг в фонотеке окружного радио сохранился еще цикл этих передач?

Возможно, сохранилась и радиопрограмма «Пробуждение сонной реки», которую мы записали вместе с корреспондентом Александром Коневым на станции Ульт-Ягун о строительстве железной дороги Тюмень – Сургут. Мы доставили на трассу несколько сотен книг, собранных журналистами окружного радио и газеты «Ленинская правда». Намучился вместе с нами, перетаскивая коробки с книгами, и собственный корреспондент окружного радио в Сургуте Анатолий Прохорович Зубарев.

О! Зубарев – это отдельная песня! Он прочно и комфортно обосновался в старой части города, в его студии события не только своевременно освещались, но по-моему, и организовывались!

Кстати, в той памятной командировке в Ульт-Ягун моим коллегам пришлось таскать через болота не только книги, аппаратуру, но и меня, поскольку я умудрилась надеть в дорогу лакированные туфли. Впрочем, это уже из арсенала журналистских баек, которых много хранится в памяти каждого журналиста.

Помню, как-то весной Владимир Иванович нарочито строго распорядился закончить подготовку всех передач к 16 часам. Старожилы редакции загадочно улыбались... К назначенному времени подали автобус, и все отправились в Самарово, на берег Иртыша. «Мы люди творческие, – объяснил Владимир Иванович, – в суе будней черствеет душа, замыливается глаз, притупляется перо. У нас такая традиция: приезжать сюда в период ледохода, чтобы помолчать, поразмышлять, наблюдая за мощным явлением северной природы...»

Притихшие, разошлись по домам, а с утра снова звучало в эфире «Говорит Ханты-Мансийск».

Без сомнения, наше окружное радио конца 70-х годов (уже прошлого века) было лучшим национальным радио России. По крайней мере уж мы-

то именно так считали! Какой чудный микроклимат был в коллективе! К праздникам непременно создавались уморительные «радиоохомы» (для внутреннего пользования). Делалось это так: накануне Дня Советской армии мы старались незаметно записать на пленку голоса наших мужчин и затем монтировали их высказывания в каких-нибудь парадоксальных сопоставлениях. Они в свою очередь к 8 Марта начинали охоту за нашими репликами и готовили ответный радиодетектив-капустник.

По случаю юбилейных дат обязательно сочинялись стихотворные оды. Отчет о нашей деятельности вывешивался на доску информации под рубрикой «Что натворили мы в эфире». А в час выдачи зарплаты звучали танго «Брызги шампанского» и чарующий голос Жени Куликовой, приглашающей «в тот кабинет, где платят за эфир».

Что ж, и мы платили за эфир всем сердцем и душой. Потому так рано ушел из жизни самый мудрый и добрый человек, которого я знала – Владимир Иванович Плесовских. Светлая ему память. И тем, кого уже нет рядом с нами – Валерию Павловичу Поливанову, Вячеславу Керамовичу Аскерову, Валерию Петровичу Зарубину.

И через десятилетия я безмерно благодарна моим коллегам Евгении Куликовой, Александру Коневу, Фаине Евсеевой, Валентине Матвеевой, Владиславу Сургутскому, Владимиру Соколову, Татьяне Борковой, Александру Захарову и всем-всем, кого помню и люблю.

Аркадий ЗАХАРОВ

Петр Ершов: источники вдохновения

Заметки на полях

В окололитературных кругах иногда высказывается мнение, что автор знаменитейшего «Конька-Горбунка» прибегал к помощи А.С. Пушкина и что первые четыре строфы этой сказки написаны именно Пушкиным. Между тем такое событие вряд ли случилось, хотя общие источники вдохновения у обоих поэтов несомненно имелись, возможно благодаря которым у Ершова и Пушкина возникла взаимная симпатия.

Источники эти берут начало в устном народном творчестве, которое сохранило свое первозданное состояние в сибирской глуши благодаря целым поколениям сказителей, бережно хранившим культурное наследие переселенцев из центральных областей России. И наши современники никогда бы не узнали о нем, если бы в начале XIX века крестьянский начальник тюменского уезда П.А. Городцов не записал старательно сказания сибирских первопоселенцев, а профессор Ю.А. Мандрика не раскопал их в фондах Тюменского музея, чтобы издать в трех томах под названием «Были и небылицы Тавдинского края».

Петр Алексеевич Городцов, пренебрегая должностными обязанностями, по ненастью и бездорожью пробирался в глухие таежные поселения вдоль Тавды и Тобола – Артамоново и Плеханово, чтобы дни и ночи напролет слушать и записывать повествования седых старцев, среди которых оказались выдающиеся рассказчики.

Вот как писал об этом сам Городцов: «Предлагаемые сказки записаны мной со слов известных в местности знахарей и сказочников. Сказка «Емеля-дурак» записана 19 марта 1907 года со слов сказителя, крестьянина села Плехановского Дмитрия Никифоровича Плеханова, почтенного старца, ныне достигшего 85-летнего возраста. Сказка Плеханова «Емеля-дурак» обращает на себя внимание в том отношении, что она во второй половине воспроизводит содержание известной сказки Пушкина «Царь Салтан», причем в некоторых своих моментах сходство обеих сказок настолько велико, что с полным правом можно сказать, что предлагаемая сказка представляет собой своеобразный и интересный (возможно, более ранний. – А.З.) вариант «Царя Салтана».

Затем, при устной передаче этой сказки, сказитель Плеханов всякий раз в определенных моментах переходит на стихотворный лад. Так, говоря про белку, сказитель произносит стишок: «Белка песенки поет...» и т.д. Затем, докладывая царю о виденных в морском путешествии чудесах, моряки начинают свою речь так: «За морем житье не худо, там живет такое чудо...» и т.д.

При первоначальном ознакомлении с этой сказкой в устной передаче ее сибирским сказителем невольно возникало предположение о том, что сказитель Плеханов был знаком со сказкой Пушкина и позаимствовал из нее приведенные стишки, но при ближайшем ознакомлении с личностью сказителя Плеханова и обстоятельствами его жизни пришлось это предположение отбросить. (Напоминаю, что П.А. Городцов по профессии юрист и бывший мировой судья, а потому к исследованию личности сказителя подошел вполне квалифицированно, что заставляет его выводам доверять. – А.З.)

По словам сказителя Плеханова, как эту сказку, так и все другие, какие он знает, он воспринял и запомнил в изустной передаче от других старых сказителей, теперь, конечно, давно умерших и живших некогда как в его родном селе, так и в соседних, причем и эти старые сказители так же произносили в этой сказке приведенные стихи. По словам Плеханова, он услышал сказку «Емеля-дурак» от стариков в то время, когда был еще мальчиком-подростком. Имея в виду, что в настоящее время Плеханову 86 лет, надо отроческие годы его отнести к 40-м и началу 50-годов минувшего столетия. В то время в селе Плехановском не было не только школы, но даже и церкви, и само селение представляло собой небольшую деревню, дворов около 25. В то время на селе, по словам Плеханова, было самое большее два-три человека, знавших грамоту и читавших старопечатные книги. Сам Плеханов – человек неграмотный, прочитать сказки не мог и, по его словам, сказки Пушкина о царе Салтане он не слыхал ни в устном пересказе, ни в чтении, и вообще он ничего не знает ни о Пушкине, ни о его стихах и сказках. Сороковые и пятидесятые годы минувшего столетия совпадают с первыми десятилетиями после смерти Пушкина, и нельзя допустить, даже в форме предположения, чтобы в то время сказки Пушкина из Петербурга могли проникнуть в далекую Сибирь и стали бы достоянием народных сказителей.

Нелишне указать еще и на то, что старые народные сказители и сказочники, являясь хранителями преданий старины и произведений народного творчества, крайне ревниво оберегают свои познания в доступной им чистоте и всеми мерами охраняют их от постороннего влияния; в частности, к книжной мудрости, какая проводится в современной народной школе, сказители относятся с большим недоверием и даже с некоторым высокомерием. По крайней мере, такой старый и опытный сказитель, как Плеханов, вполне осознающий свое значение в этой области, почел бы ниже своего достоинства заимствование эпических знаний из школьной книжки. (Примечание: эту характеристику можно распространить и на другого уважаемого и известного сказителя О.М. Заякина. – А.З.)

Приведенные соображения дают серьезное основание сделать обратное предположение, что сам Пушкин слышал эти стихи от сказителей и воспользовался ими как образцами для стихотворного изложения народных сказок».

К этим словам Городцова мало что можно добавить. Разве то, что в сказке «Емеля-дурак» имена Гвидон и Салтан не упоминаются. Зато все они – король Гвидон, царь Додон, царь Салтан Мугаметович представлены в другой сибирской сказке «Бова (Баба)-Королевич», рассказанной Городцову другим сказителем из деревни Артамоновой Осипом Меркульевичем Заякиным в январе 1907 года.

Замечательному этому сказителю также принадлежит изложение изначально существовавшего народного варианта сказки «Конек-Горбунок», записанного со слов Заякина Городцовым в 1906 году. Сказка Заякина представляет собой упрощенный вариант и по художественной ценности уступает производному от него варианту Ершова.

Но нельзя не отметить удивительное совпадение сюжетов того и другого произведения. Народная сказка ускоряет развитие событий, опускает малозначительные, по мнению сказителя, детали, сохраняя главное: веру в волшебную перспективу крестьянского бытия. Иван у Заякина отнюдь не дурак, не лентяй, он смел и предприимчив, смекалист и умеет извлечь выгоду. Поэтому у Заякина отсутствует прекрасно описанная Ершовым сцена выгодной продажи на рынке двух замечательных коней, в результате чего Ивана приглашают стать царским конюхом, а Конек-Горбунок у За-

якина не похож на описанного Ершовым: «ростом в три вершка, на спине с двумя горбами и аршинными ушами». В народной сказке конек отнюдь не карлик, слегка горбатенький, а уши вообще не упоминаются. В сказке Заякина Иван показан добропорядочным крестьянином, который сумел произвести впечатление на царя и был принят на службу.

Дальше события обеих сказок развиваются по принципу подобия. Однако в народном варианте сказки царь не изверг, не сатрап, хотя и волевой правитель. В обеих сказках присутствует жароптицино перо, Жар-птица, царь-девица, мать-Солнце, рыба-кит, кольцо царевны, драка Ерша с Карасем. Но завершается народная сказка, как и положено в народной традиции, добром: Солнце засияло, рыба-кит отпрыгнула корабли и освободилась, царь женился на царь-девице, а Иван, ставший князем, – на девице из знатного рода, потому что не может простолудин стать царем, но может получить вознаграждение за верную службу вплоть до невесты-боярыни. «И задал царь пир на весь мир...» – никакой злобы в итоге.

А вот у Ершова в сказке совсем не так. Чтобы Ивану добиться счастья и жениться на царь-девице, понадобилось, чтобы соперник-царь сварился. Жестокий, надо заметить, конец у сказочки, соответствующий мятежному духу времени, вполне объяснимый молодостью и экстремизмом не понятого цензурой автора.

Можно предположить, что народный вариант сказки «Конек-Горбунок» в XIX веке был широко известен в Тобольской губернии не только благодаря самому О.М. Заякину, человеку подвижному, знаменитому на всю округу свадебному дружке, знахарю и лекарю, но и его предшественникам и наставникам, которых мы не знаем, но которые, несомненно, были. Естественно полагать, что сказка о «Коньке-Горбунке» была известна не одному О.М. Заякину, а широкому кругу его слушателей, а они в меру способностей становились ее распространителями. Однажды (а может и неоднократно) ее услышал и запомнил молодой Петр Ершов. В детстве Петруша Ершов часто переезжал следом за отцом, менявшим место службы: в Омск, Петропавловск, Ишим, Березово и наконец Тобольск. Дороги длинные, прогоны дальние, постоялые дворы, ямские станции, на которых попадают люди самые интересные. На ямских станциях нередко встречались сказители, заполнявшие сказками тоску ожидания перекладных коней, окончания непогоды и наступления рассвета. О чем же еще беседовать ямщикам и проезжающим, как не о чудесных конях? Возможно, именно в такой поездке сказку о «Коньке-Горбунке» удалось услышать юному Петруше Ершову, чтобы запомнить, дополнить и переработать по своему вкусу и изложить в стихотворной форме в соответствии с настроениями беспокойного времени уже в 1834 году.

Такие бессмертные произведения, как «Конек-Горбунок», не рождаются спонтанно на пустом месте. Они создаются длительное время как производная коллективного творчества, совершенствуются и шлифуются в процессе многократных пересказов, пока не попадут в поле зрения гения, подобного Петру Ершову, чтобы его стараниями приобрести окончательный вид, неподвластный литературной моде и веяниям времени. А нам остается восхищаться и гордиться земляками П.П. Ершовым и П.А. Городцовым и не забыть Юрия Лукича Мандрику, воскресившего из забвения «Были и небылицы Тавдинского края».

Елена РУСАНОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ МАСТЕРА ОХОТНИЧЬЕЙ ПРОЗЫ

Летопись любви

Проза Новомира Патрикеева относится к разряду тех произведений, для чтения которых несомненно нужен особый талант. «Путешествуя» в книгах писателя по охотничьим угольям Сибири, мы имеем в его лице редкого, неповторимого экскурсовода, который щедро делится с нами богатством своего мировосприятия, культуры, эрудиции. Лирический рассказ автора струится исключительно в русле лучших литературных традиций, а все его творчество – словно очередное доказательство того, что истинные ценности человека неразрывно и всесторонне связаны с природой планеты Земля.

Значительное место в прозе Н.Б. Патрикеева принадлежит пейзажу. «На черном бархате неба вспыхивают яркие звезды. Порой кружится на небосводе цветная карусель северного сияния. Чаще зеленоватая, мягкая и переливающаяся, а иногда с пурпурно-красными сполохами. Я жадно читаю белую книгу зимнего леса, вспоминая Сергея Есенина, сборник стихов которого подобрал возле костра из книг гонимого тогда поэта, во дворе библиотеки». Читая эти строки, отчетливо чувствуешь, что погружаешься в давно знакомый и родной мир литературы, именно в ту часть его, которая светит своей удивительной непобедимой чистотой. Умиротворенность духа, своего рода целомудрие, как на страницах К.Г. Паустовского, М.М. Пришвина, В.В. Бианки, становятся для читателя противовесом в условиях бушующего океана страстей сегодняшнего мира, в том числе и мира книг. Необыкновенное и в то же время естественное возвышенное и цельное состояние души автора – гармонии с самим собой и Природой – открывается не всуе приступившему к его страницам читателю.

Философские рассуждения и обращение к тем или иным явлениям искусства и культуры непосредственно вписываются в канву повествования. В авторе угадывается поэтическая душа, он даже приводит стихотворные строки, которые возникли у него сами собой, как у очевидца одной лебединой трагедии. «Мой сор пересекала четверка птиц. Одна из них, судя по размерам, самка, была ранена и из последних сил держалась в воздухе. Три другие летели под ней и, меняясь местами, словно старались поддержать ее своими крыльями. Постепенно снижаясь, стая села на соседний разлив за кустами и громко кричала всю ночь.

Утром на противоположный берег моего разлива опустилась только тройка лебедей... Вдовец, а я убедился в этом, когда он пролетал недалеко от меня, как огромный корабль, еще долго кружился над разливами и под конец издавал уже какие-то хриплые звуки.

В душе невольно сложились строки:

Не найдет он другую подругу –

Лебединая песня одна.

Нет сильнее разлуки недуга,

Когда рядом бушует весна!

«В наше время неэтично писать о красавцах-лебедях, как о дичи», – замечает Новомир Патрикеев в другой уже книге. К сожалению, в некоторых регионах России узаконена охота на этих царственных птиц.

Редкое чувство меры и такта позволило автору создать совершенные прозаические произведения, где нельзя ни отнять, ни прибавить ни единого слова. Главный герой страниц Новомира Патрикеева – сам автор, любитель воли, необъятных пространств и всего живого, что их населяет. Отношение автора к миру – образец христианской любви. Внимательный и заботливый взор его не пропускает ничего из окружающей жизни. Преклоняясь в глубине души перед величием сотворенной Создателем природы, автор отдает дань любви каждому скромному растению, каждой едва уловимой перемене погоды, разнообразию красок, звуков и прочих явлений. С присутствием настоящего охотнику наблюдательностью Новомир Патрикеев, кажется, держит в поле зрения абсолютно все, что его окружает, успевая проводить параллели между природными картинами и полубившимися строками отечественных поэтов и прозаиков. Тщательно, словно составляя летопись для потомков, описывает автор охотничьи сезоны, портреты и повадки пернатых и своих четвероногих друзей – собак. Сегодня, когда охота зачастую превращается в услугу охотничье-туристических баз, в забаву, ничего общего не имеющую с традиционной охотой в лучших ее формах по своей сути, книги Н.Б. Патрикеева представляют особую ценность. Ведь неизвестно, что охотничья культура – неотъемлемая часть общенационального культурного наследия. И сохранение ее, как это парадоксально ни звучит, имеет экологический смысл.

Неоспоримо и многогранно воспитательное значение прозы Новомира Патрикеева. В пору обнищания нашего родного языка, выхолащивания, засорения всевозможными плевелами и, наконец, потери к нему всякого вкуса и чутя – истинно русский человек охотник и прозаик Новомир Патрикеев возвращает читателя к истокам. Словарь его книг богат и красив, сами тексты легки и высокохудожественны, стиль живой и оригинальный. Отношение к охоте как к исконному промыслу, где автор получает удовольствие не от уничтожения братьев своих меньших, а от живого общения с природой, применения богатого опыта и глубоких знаний традиционных способов добычи дичи и всего, что с этим связано, также имеет глубокий этический смысл.

Автор выступает и как натуралист-популяризатор, ему не чуждо чисто научное отношение к природе. Но при всем обилии информации, излагаемой писателем Новомиром Патрикеевым, книги его ценны тем негасимым огнем любви, который он пронесит через всю свою жизнь. Это – любовь пламенная, любовь-восхищение, любовь-жалость. И эта же любовь – движущая сила познания, творчества и действия. Обладая феноменальным чувством природы, автор в определенной мере воспитывает его и у читателя.

Писатель Новомир Патрикеев на удивление современен, ничего архаичного не найдет читатель на страницах его произведений. Сочетание любви к пребыванию на воле, вдали от мирской суеты с активной плодотворной общественной жизнью характеризует автора как гармоничную разностороннюю личность, выделяющуюся редким даром неоскудевающего оптимизма. Можно предположить, что родившемуся в семье первого агронома Ямала Бориса Патрикеева – Новомиру Борисовичу Патрикееву фортуна благоволила, и все заложенные в нем таланты не уснули, а расцвели в полную силу. Поэтому его книги – книги счастливого человека – заражают читателя ничем не омрачаемой радостью бытия.

Удивляют завидное трудолюбие и неутомимость, которые на протяжении долгих лет помогают автору в его скрупулезной работе. Мне повезло держать в руках несколько книг из богатейшей домашней библиотеки Новомира Борисовича. Например, документальную повесть о Кондо-Сосьвинском боброво-соболином заповеднике и о людях, которые там обитали, – «На службе природе и науке» Ф.Р. Штильмарка. Эта книжечка, как и прочие, которые я видела, основательно и аккуратно испещрена пометками хозяина книжной коллекции. Преподнесенная ему с посвящением «Дорогому Новомиру Борисовичу – в День Покрова Богородицы... от автора» в 2003 году, она была передарена мне, пишущей эти строки, «чтобы больше узнать этого великого человека» (Штильмарка). Я как любитель поэзии, конечно же, испытала большую радость, когда мне была подарена также книга стихотворений и прозы Кронида Гарновского, жизнь и научная деятельность которого тоже неразрывно связаны с Кондо-Сосьвинским заповедником.

На добротном выполненном экслибрисе библиотеки автора (художник – Олег Отрошко) – изображение спаниеля и охотничьей добычи. Немаловажная деталь – книги Новомира Патрикеева снабжены многочисленными фотоматериалами, а также со вкусом проиллюстрированы художником Владимиром Романовым.

Охотник с более чем 75-летним стажем – автор в одной из своих книг «Весенняя охота на Ямале» размышляет о качестве охотничьего оружия. И вот какие строки затронули мою душу: «Я остаюсь патриотом русского оружия и надеюсь, что безжалостный рынок заставит российских оружейников работать на уровне мировых образцов...»

«Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хотя бы немного зоркости», – говорил в свое время К.Г. Паустовский. Здесь непременно имелось в виду и сердечное зрение. Писатель Новомир Патрикеев помогает читателю взглянуть на мир природы более внимательным, глубоким и чистым взором. Взглянуть так, что это становится приобретением для души.

Автор подарил нам удивительные по точности, детально и трепетно прорисованные словом виды природы родного Севера. «В сумерках на западе возникла волшебная небесная картина. На фоне последних синих облаков, уходящих за горизонт, золотыми нитями заиграли в лучах заката тончайшие паутинки, прикрепленные пауками-летчиками к верхушкам таловых кустов. Синева, одновременно густая и светящаяся тонким переплетением узоров, словно на дорогом фарфоре, так и просит золотую каемочку. И она появляется в виде узкой полоски зари...

И вот уже забыл, кто ты и где находишься, как будто душа на мгновение улетела, как бабочка на свет...»

Книги Новомира Патрикеева я назвала бы памятником его сердца, сердца – влюбленного в Прекрасное.

Из биографии писателя

Новомир Борисович Патрикеев – автор многочисленных книг, журнальных и газетных публикаций о природе Севера, охоте и охотничьем собаководстве – родился в 1932 году в Салехарде (Обдорск до 1933 г.). Окончив Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, он всю свою жизнь посвятил служению родному краю.

В шестом выпуске Коллекции редкого фонда Государственной библиотеки Югры («Книга с автографами из коллекции Н.Б. Патрикеева») на вопрос анкеты «Кредо жизни одной цитате?» писатель отвечает:

– Любовь и труд!

Действительно, Новомир Борисович имеет богатейшую трудовую биографию, а его деятельность на протяжении всей жизни освящена любовью к природе и людям, заботой о сохранении исторического и культурного наследия родной Сибири.

Любовь к журналистике и охоте Н.Б. Патрикеев унаследовал от отца. Охотничьи заметки стал писать очень рано, благодаря чему в 1957 году был приглашен в газету «Тюменский комсомолец» собственным корреспондентом. С тех пор журналистика его не отпускала. Новомир Борисович 30 лет возглавлял журналистскую организацию в Югре, был членом Правления Союза журналистов СССР, затем Федеративного совета Союза журналистов России. На протяжении 27 лет Н.Б. Патрикеев трудился на посту редактора Ханты-Мансийской окружной газеты «Ленинская правда» – «Новости Югры». Впоследствии работал заместителем председателя окружного комитета по средствам массовой информации, на общественных началах – заместителем директора Угорского научно-исследовательского центра Уральского государственного университета, заместителем главного редактора 4-томной энциклопедии «Югория».

Окончив Свердловскую высшую партийную школу и аспирантуру по исторической специальности, Н.Б. Патрикеев стал основоположником историографии детского и молодежного движения на севере Западной Сибири, зачинателем истории земледелия на Ямале, печати на Обском Севере. Его перу принадлежат труды по общегражданской истории, Великой Отечественной войне, журналистике, литературоведению, десятки рецензий на краеведческие, охотничьи издания и произведения местных авторов.

Академик Петровской академии наук и искусств, действительный член Русского географического общества, член Международного историко-литературного ЮНЕСКО-клуба любителей правильной охоты «Кречет» – писатель Новомир Патрикеев, можно сказать, возродил традиционный жанр записок охотника в России. После 30-летнего перерыва в публикации таких книг в конце XX – начале XXI веков вышли в свет его «Планета любви», «Болотно-луговая охота со спаниелем», «30 лет со спаниелем», «Весенняя охота на Ямале» и др., получившие высокую оценку в центральных охотничьих изданиях.

Почти 10 лет, будучи на пенсии, Новомир Борисович посвятил трудной и чрезвычайно важной работе в должности председателя комиссии по вопросам помилования на территории ХМАО. Это нашло отражение в его статьях по истории и современным проблемам помилования.

Новомир Борисович Патрикеев удостоен многих наград Родины, в том числе орденов Дружбы и Горчакова I степени, почетных званий «Заслуженный работник культуры РСФСР», «Заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа». Он лауреат международной и региональной литературных премий, за вклад в русскую литературу и сохранение русского языка награжден медалью Союза писателей России «В.М. Шукшин».

В 2017 году в Ханты-Мансийске на мемориале «Звезды Югры» в честь Н.Б. Патрикеева открыт памятный знак.

Активный общественный деятель и публицист, отзывчивый на события современного мира и возрождающий память об ушедшем, он и сейчас не прекращает сотрудничества с избранными изданиями. Но самые нежные струны его сердца звучат о любви к природе.

Весной 1955 года без отрыва карандаша были написаны две первые главки его книги «Планета любви». «Думаю, из них Вы узнаете, где живет моя душа», – пишет в одном из посвящений автор.

Душа Новомира Борисовича Патрикеева – на желанном берегу детства, на родном Севере, на черте Полярного круга. Там, где жили в единстве с великой Природой его предки и соотечественники. Где «в довоенном Салехарде почти каждый здоровый мужчина был охотником», а с «приближением весны об охоте говорил весь город». Там, где славились лодки-калданки кушеватских мастеров, в создании которых восхищенный автор видит элемент волшебства. Там в 1939 году на реке Полуе состоялось рождение Новомира Патрикеева как охотника. А спустя два года «в предсумеречном ясном небе взошла платиновая Венера – ранняя звезда» его охоты, той охоты, культура которой почти утрачена в наше время, осталась в прошлом, как исчезающие с планеты Земля стерхи – последние белые журавли.

Эдуард АНАШКИН

«Это все, что от детства осталось...»

По давнему обыкновению знакомство с творчеством поэта начинаю с того, что читаю его стихи о детстве, которое исток всего в нас, тот наш рай, который с возрастом мы вынуждены покинуть, отправляясь во взрослый путь. Между тем то, каким человек видит свой рай, во многом определяет его как творческую единицу. Про соотношение детского и творческого написано в литературоведении немало. Но тема детства, наверное, подобна вселенной, которая неисчерпаема.

Это все, что от детства осталось –
Только старый заброшенный дом.
Сквозняков вековая усталость
Да крапива за ветхим углом.
В сенцах громко скрипят половицы.
Печь беленая в окна глядит.
По ночам ей по-прежнему снится,
Как огонь полыхает в груди.

Довольно неожиданно показалось мне, что автор этих строк, член Союза писателей России, поэт Александр Новопашин – урожденный горожанин. И тем не менее родным домом считает вовсе не городскую многоэтажку. С удивительным постоянством Александр Новопашин говорит о деревенском сельском доме именно как о своей родине. А между тем внешняя биография автора этих пронзительных в своей невыдуманной простоте строк – вроде бы далека от села. Выпускник Тюменского государственного университета и Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Кандидат политических наук по специальности «Журналистика». Правда, начинал трудовую деятельность с низов, работал плотником-бетонщиком на стройках Нижневартовска, прошел непростые будни редактора многотиражной газеты «На ударной стройке», был первым редактором нижневартовской городской газеты «Варта». При этом избирался депутатом Нижневартовского городского и Тюменского областного советов народных депутатов. Работал в администрации Нижневартовска, правительстве Тюменской области, представительстве Президента Российской Федерации. Но это внешняя биография поэта. А внутренняя – главная! – его биография, конечно же – в стихах. Ведь город никак не помешал тому, чтобы из-под пера Новопашина вышли, к примеру, такие строки:

За окном отцветает сирень,
В палисаднике травы по пояс.
Обветшало крыльцо во дворе,
Где прошло мое детство босое.
Ставни старые громко скрипят,
Отворив нараспашку объятья...
Я вернулся домой на три дня
И не в силах уехать обратно.

По времени своего рождения (конец 50-х годов) Александр Новопашин принадлежит к поколению, которое приходило в литературу со своей темой – не придуманной, не виртуальной. Темой горькой и пронзительно

родной. Дети русских сельчан хоть и выросли не на землячке, а на городских асфальтах, но четко осознавали своей родиной русское село. Через бабушек и дедушек, у которых гостили летом. А оно, село русское, в это время велением сверху было причислено к категории «неперспективных», стало попросту обречено. Ощущавшие свою кровную связь с землей предков, молодые поэты того времени, каждый по-своему, стали делать все возможное, чтобы хотя бы в слове увековечить обреченную русскую сельскую цивилизацию. Им не надо было придумывать темы. Тема нашла их. Им лишь оставалось, как верным рыцарям, хранить верность тому родному, которое обрели на слом. Они не всегда были в стихах «говорунны», учились говорить о любимом долго, но зато написанное ими никогда не заподозришь в легковесности.

Сегодня, к сожалению, часто наблюдаешь, как даже мастеровитое умение «говорить стихами» не способно сделать стихотворца поэтом. Потому что нет в стихах связи с родовым древом и землей, а поэт выступает именно проводником этой связи с исконной землей, на которой родовое древо тысячелетиями растет. Ведь любое древо без корней, как дом без фундамента, как будущее без боли о прошлом – недолговечно... Вот написал я эти строки, и подумалось, что Александр Новопашин, о котором я пишу, вряд ли бы со мной согласился. Поди, подумал бы, что я ворчу на молодежь, как это делают некоторые пожилые героини его стихов:

Намаявшись за жаркий день
От огородов и заделий,
За стайкой, спрятавшейся в тень,
Соседи на бревне сидели.
Судили долго обо всем
По-стариковски ворчаливо,
А жизнь в обнимочку вдвоем
На танцы в клуб шагала мимо.

Или вот еще, что говорится, более хлесткое:

У шалавы Верки совести – на грош!..
Власть пенсионерки кроют молодежь.
Юбки нет короче. Плечи – наголо.
Шляются до ночи в парке за углом.
То ли дело раньше: юбки – клинья вниз.
Провожает важно к дому гармонист.
И всю жизнь на лавке, точно как сейчас,
Сплетничали бабки меж собой про нас.

Стоит один раз прочесть стихи Александра Новопашина, как их уже никогда не спутаешь со стихами других авторов. Яркая народная и природная образность, умение видеть в природе одушевленное начало – такое дается не каждому!

Накатило облако – борода густая.
Следом тучи долго так собирались в стаю.
Поспешил по улице ветерок куда-то.
За окном сощурился день подслеповатый.
Грома отдаленного близилась раскаты.
Вот уже за склон легло солнце виновато.
И неспешной поступью полновесных капель

С барабанной россыпью дождь закосолапил.

Как помотришь на судьбу русского села, так невольно начинаешь думать о некоем черном заговоре против русского изначалья. Сначала обезглавили и уничтожили сельские храмы. А потом объявили деревню неперспективной... Генсеки менялись, но изменения, навязываемые ими русскому селу, были одно другого горше. Но были на селе те, кто отмаливал родную землю. Каждый раз бывая в старинном храме села Высокого в Самарской области, глядя на старушек-прихожанок, я готов повторить вслед за Александром Новопашиным:

Светла и безответна Настасьюшкина старость.

Лишь Господу известно, сколь ей деньков осталось.

Не ведает пророков. Не ведает мессию.

И молится негромко одна за всю Россию.

Милые приметы села, которые надо видеть, чувствовать, любить, встают перед глазами, когда читаешь книгу «Селяне». Ведь в малом всегда сокрыто великое, каким бы малым оно ни казалось. Как очень сильное качество творчества Новопашина, нельзя не отметить живописность его стихов. Читаешь – и перед глазами является картина, словно бы экранизируешь прочитанное. Это качество нечастое в поэзии. Словно поэт силой своего слова превращает читателя в художника, который не просто «потребляет» строки, но становится как бы соавтором поэта. Это чувство сопричастности, возможно, одно из самых главных назначений настоящей поэзии.

Не львы с косматой гривой,

Не сторож с колотушкой

Хранили дверь с пружиною

Старушечьей избушки.

Две полосатых бестии

Сидели под окошком.

Верны своей профессии

Сторожевые кошки.

Умеет Новопашин увидеть малые детали, прописать их. Но наряду с этим способен мыслить масштабно. В самых что ни на есть будничных прозаических приметах сельского житья Александр Новопашин умеет видеть русский менталитет, помогающий нам веками не просто выживать, но – жить, не изменяя родовым установлениям предков. Его русская телега – не просто примета быта, но символ того бытийного «небесного задания», что спасает Россию во все тяжелые времена...

Опять Россия-матушка стоит на перепутье.

На чем по жизни радужной поехать в добрый путь ей?

Сесть за баранку детища родного автопрома?

Но вряд ли ты доверишься убогому такому.

Или на танке с гордостью за русский ВПК

С решительною твердостью намять врагам бока?

Но нет, похоже, лучше нам, чем по уши в грязи,

Из века в век ползущая телега на Руси.

А еще лукавым сложностям нового времени противопоставлен наш старый добрый друг – русский топор, на котором из века в век стояла Россия. Пусть хоть весь мир издевается над русским топором, но на поверку он оказывается крепче и мудрее всех западных изобретений. Ведь топор в России – не только оружие, но и орудие созидания, строительства. И чу-

жим вряд ли понять, как в загадочной русской душе уживаются такие разные вещи – орудие и оружие:

Старый кованый топор,
Ржавый и тупой с похмелья,
Был по молодости скор
На любое рукоделье.
Но сколь ни старался он,
Вкалывал с утра до пота,
Издевались все кругом
Над топорною работой.

На что сразу обращаешь внимание, читая книгу «Селяне», так это на то, что практически все стихотворения в ней так или иначе связаны со знаковыми символами русского быта и бытия, связаны неразрывно, кровно, потому что в основе связи лежит любовь не сиюминутная, но необсуждаемая, кровная, родовая. Вот, к примеру, стихотворение, которое в пору назвать гимном хлебу:

Хлеб всему голова. Нет важней его в доме.
Но не тот, что сперва ты купил в гастрономе.
А из русской печи вынут, словно из сердца.
Что бока горячи, как дыханье младенца.
Тот, что бабушка нам подавала с любовью,
Говоря шалунам: «Ешьте хлеб на здоровье!»
Целовала светло золотую краюху,
Нас дразня за столом с рушника хлебным духом.
Где та печь и село? Нет давно и в помине.
Но вкусней ничего не едал и поныне!

Такой ностальгией веет от этого стихотворения, что душа поневоле и поет, и плачет. Были же времена, и вовсе не былинные, а недавние, советские, когда хлеб действительно был всему голова, а профессия хлебороба была едва ли не самой почетной в стране. И вдруг на волне мутных перемен престижными сделались вовсе не профессии созидателей, а совсем наоборот, да и хлеб-то настоящий, гимна достойный, ныне, будем откровенны, редкость. Всевозможные искусственные добавки и игнорирование народной вековой технологии хлебопечения сделали свое черное дело. Вот и растут новые поколения на иностранной пище, а ведь не зря говорится: человек есть то, что он ест, причем с детства.

Я уверен, что талант самобытнейшего поэта в Александре Новопаши-не доселе питается его детством, что он проводил в деревне у бабушки каждое лето. Потомок многих поколений предков, которые в свое время переселились в Сибирь и работали на земле, он по праву говорит от имени этих предков. Новопашин – не просто фамилия и судьба, в данном случае это творческое кредо автора поэтических сборников «Верховой» (2004), «Новый ковчег» (2014), «Вещь» (2016), «Частный случай» (2017), «Переменная солнечность», соавтора книг «Планета Земля: Тобольск», «Поэтика бескрайней тундры», публикаций в литературных журналах «Юность», «Лифт», «Культ личности», альманахах «День поэзии – 2016», «Врата Сибири», газете «Слово»...

Ломоть хлеба из печи да крынка парного деревенского молока, которые ребенок с удовольствием съел, – не просто еда, а некий обряд приобщения к русскому миру. Человек русский непритязателен в быту. Наше природное нестяжательство никак и никогда не может быть по-

нято прагматичным Западом. Мы, как рубцовские Фили, едим простые блюда, придерживаясь мнения, что человеку немного надо для счастья: хлеб на столе, да детки в горнице, да осознание того, что живешь честным трудом по законам совести.

Улица Самарская, пятый дом с угла,
Где судьба простяцкая запросто жила.
Простенькое платьице. Деток полон дом.
Ростит – не печалится с мужем-простаком.
Жизнь текла по камушкам просто, без затей.
Вырастила матушка всех своих детей.
За окошки с ситцами разнеслась семья...
Непростыми птицами стали сыновья.
Улица Самарская, пятый дом с угла,
Где всю жизнь простяцкую матушка жила.

До чего же огромна тема любви к малой родине, переживанию за нее, чисто сыновнему бережению и светлой грусти о ней!.. Считается, что эту тему принесли когда-то в русскую литературу гениальные Есенин и Рубцов. Но я думаю, тема эта вызрела в душах многих русских поэтов, просто Есенин и Рубцов воплотили ее наиболее ярко и стали ведущими в этой теме. И завещали ее последующим поколениям поэтов, считающих себя русскими.

Остается пожелать автору книги «Селяне» и в дальнейшем так же ярко, самобытно и талантливо возделывать поле отечественной поэзии, напоминая читателю о тех истоках русской цивилизации, утратив которые мы рискуем утратить самих себя.

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Валентина ВАНУЙТО

Шаманизм – это и есть сюрреализм Леонида Лара

Натянут холст и в ожидании кисти...

Палитрой красок, радуется глаз...

Художник, оживляет свои мысли...

Творит-малюет истины для нас...

Татьяна Суздальская

Кисть ударилась о тугой холст и начала свой танец. Художник отбивал ритм все быстрее и быстрее, кисть кружилась в такт. Казалось, что сейчас она пронзит холст, и откроется дверь во Вселенную, и художник вместе с ней уйдет в нижний мир, к мертвым, а потом взлетит к звездам и полетит к богам. Кисть танцует по холсту и затягивает зрителя в мир грез и фантазий. Бум-бум-бум – и на холсте выразительные глаза шамана, который наблюдает за зрителем. Кисть продолжает танцевать, мы уже видим позади шамана силуэты потустороннего мира. Бум-бум-бум – и взлетают духи, чтобы унести души. Холст звенит и поет о просторах Вселенной, мелодия сменяется тревожным ритмом, перерастающим в грозный рокот. Художник, как и шаман, находится в состоянии некоего транса, что передается и нервным выражением лица, и внутренним озарением света. Сам творческий процесс близок к шаманским действиям. Во время работы Леонид Лар, как и шаман во время камлания, должен полностью передать свое состояние и мысли, воплотив их на холсте. Он не имеет права, как и шаман, действовать по-другому. Да и инструменты у художника и шамана схожи. Холст, натянутый на подрамник, – это бубен. Кисть – это колотушка, обернутая мехом.

Леонид Лар, как и в свое время шаман, взял на себя важную миссию восстановления целостности мира. Он в своих произведениях запечатлевает мифологическую картину мира своего народа, но и касается народов всего мира. Весь цикл его работ связывает человека со Вселенной. Через свои картины он приближает нас не только к миру видений с шаманских церемоний северных народов, но и к своему собственному богатому внутреннему миру. Его творчество и собственное мировоззрение открывает для зрителей бесконечное пространство природы и человека как неотъемлемой ее части. Традиционные образы его работ – это олениводы, женщины, культовые памятники в тундре, родовые покровители: тотемные животные и мифологические существа. Перед зрителем предстают духи природы, божества, идолы и призраки, деформированные, с вытянутыми шеями, искаженными лицами и удлинненными конечностями.

Образ шамана в картинах Леонида Лара воспринимается как и призрак прошлого, уходящего из современной жизни народа, и как возрожденный Феникс из небытия. Он пытается затронуть все важные моменты жизненного пути шамана. Сейчас идет процесс создания шамана сверхчеловеком – не-ошаман. Они в новой интерпретации обладают всеми сверхъестественными качествами – всевидящим оком, стреляющими молниями и убивающим одним взглядом, силой богатырской. Леонид Лар преподносит зрителю не сверхшамана, а обычного человека в традиционной одежде, но мудрым и глубоким философским взглядом. Взгляд шамана еще не успел скреститься

со взорами зрителей, но между ними уже идет диалог и непосредственное столкновение характеров. В каждой картине зашифрованы тайны потустороннего мира, каждый зритель находит свои секреты, которые открывают ему окно в мир шамана. Практически в каждой работе есть загадка, которую захочет раскрыть зритель.

Шаман, изображенный на картине «Шаман из древнего рода Окотэтто», пребывает в горделивой позе, приготовившись к камланию. Его рука с бубном освещена, тогда как лицо трактовано мягче, без резких контрастов светотени. Позади него духи, с которыми он общается. Они являются посредниками между космическими силами, силой Вселенной – и человеком. В работе «Посвящение» зрители на переднем плане видят, как разрывают ученика шамана на части духи-помощники, духи-покровители. Он переживает на уровне эмоций настоящую «смерть». После всего пережитого человек «возрождается», но уже посвященным. Позади на фоне заката сидит старый шаман, который сопровождает душу ученика по потустороннему миру. Зритель видит старого шамана в трансе. Душа ученика не только находится в том мире, но и получает знания о нем. Видения настолько сильны, что зрители видят вокруг ученика духов-покровителей и злых духов. Картина насыщена фантастическими фигурами, образами чудовищ, словно обретшими плоть галлюцинациями – всем тем, что можно назвать реальностью потустороннего мира, на которую художник смотрит философским взглядом.

Старый шаман помогает ученику пройти посвящение и выйти из этого состояния целостным, возрожденным. Глаза старого шамана закрыты повязкой, и зритель чувствует, что даже с закрытыми глазами он может видеть сквозь мрак, видеть вещи и будущие события, скрытые от остальных людей. На картине видим, что учитель-шаман находит похищенные души независимо оттого, охраняются ли они, сокрыты ли глубоко под землей, унесены на небеса или в страну мертвых. На этом посвящение в шаманы не заканчивается. Это длительный процесс, который протекает месяцами, а иногда даже годами. Шаманское посвящение – важная церемония. Леонид Лар как бы приоткрывает завесу потустороннего мира духов и божеств, показывает грань между человеком и шаманом, а еще и то, как они воспринимают происходящее. Глядя на картину «Посвящение», люди задумываются над тем миром, который окружает шамана и посвященного.

Каждая его картина – это интерпретация некоего переживания, почерпнутого из другого мира. На картине «Полет» мы видим, как душа шамана движется параллельно поверхности земли. Работа написана в сочных золотых и розово-красных цветах. Внизу простирается тундра. Небесная дорога шамана трудна и опасна, что не скажешь по картине. Художник показывает путешествие шамана по тонким планам мироздания, знакомство с законами астрального мира. На этом пути есть зловередные духи, но в том и задача шамана, чтобы преодолеть их влияние и научиться влиять на них в своих интересах. Этот путь не прост, он постоянно балансирует между беспорядком и порядком, между хаосом и космосом. Так Леонид Лар показывает особое предназначение шамана в культуре, его образ мышления и мировосприятие. Шаманы несут с собой огромную энергию, и их благотворное целительное воздействие может быть многократно умножено.

На Православную церковь и русскую колониальную администрацию возлагается ответственность за истребление шаманов и идолов. Они отбирали ритуальные бубны, сжигали конфискованные костюмы. История христианизации отсчитывается с известного миссионерского похода

Филофея Лещинского. Картина «Инквизиция» напоминает нам о тех событиях. Это священные места острова Вайгач и Белого Острова, где находились идолы главных ненецких божеств. По велению церкви было сожжено, уничтожено много ритуальных, священных идолов на священных местах северных народов. Потом пришли коммунисты и комсомольцы, которые также отбирали и сжигали атрибуты шаманов. Все это хорошо отражено в триптихе «Диалог культур». Эти работы затрагивают проблему религиозных конфликтов разных культур, свидетельствующих об их несовместимости. Мы видим связанного шамана и рядом рушится церковь, на другом красноармеец. Художник широко использует выразительные возможности соединения в одной композиции шамана и священника, церковь и красноармейца, шамана и новый мир.

В картине «Гибель язычника» видим привязанного к дереву шамана, поза которого, несмотря на все мучения, олицетворяет все как неизбежное. Он предвидел свою смерть, поэтому встречает ее с достоинством. Его лицо обращено к земле, где горят его духи-помощники, идолы, а фигура освещена сполохами огня и неровным светом. Над ним возвышается поп. Он не просит помощи у священников, а обращается к духам земли, духу огня, чтобы помогли его душе приобрести покой. На картине «Скованные боги» уже возвышается красноармеец, который рушит церкви и сжигает священные атрибуты шаманов. Здесь мы видим, что шамана привязали к его священному идолу. Шаман все также обращает свой взор к земле, к духам природы и духу огня. Он спокоен. Весь трагизм происходящего помогает полнее ощутить окружающее пространство. Языки пламени вздымаются от горящего костра, бросая отблески на тело. У обнаженных ног шамана клубится и медленно поднимается вверх дым. Мы чувствуем, что вместе с гибелью шамана наступает трагический момент крушения мира не только шамана, но и церкви. Погибает старый мир, рождается новый. Но они не уходят в небытие, а приходят в обновленном виде, с новыми взглядами и мышлением.

«Дерево шамана» – картина-размышление. Глядя на нее, мы слышим, как негромко звучит бубен, голос шамана вплетается в этот звук. Бум-бум-бум, и души людей рассаживаются на ветках и корнях дерева. Они слушают голос шамана и внимают его голосу. Если грешен, то душа твоя на корнях дерева находится, ближе к злым духам. Светлая душа поднимается выше, чтобы птицы унесли его ближе к небесам. Бум-бум-бум, шаман стучит, чтобы помочь тяжелым душам освободиться от грехов. Каждое дерево, растение и предмет, созданный человеком, имеет душу. Люди думают, что у растения нет разума. Есть и разум, есть и душа. Да, да, есть душа у всех. Пусть они не могут говорить, но в них есть душа, которая все видит, чувствует. Если прислушаться, то мы можем услышать их голос. Но, мы разве можем остановиться, посидеть и послушать? Мы все спешим, некогда нам слушать тех, кто громко не говорит. «Дерево шамана» и есть дерево душ, которые потом слышат и понимают о чем говорит дерево, но слишком поздно. Лучше остановиться сейчас и послушать свою душу и душу растений, чтобы потом шаман не вытаскивал вас из-под земли.

Главное место в творчестве Леонида Лара принадлежит мифологическим образам шаманской мистерии, художественному осмыслению истоков духовности. Очень трудно охарактеризовать стиль, в котором художник работает. Здесь и академическая школа, и театральный подход, и попытка примитивизма. Он вбирает в себя множество приемов, в которых можно усмотреть принципы сюрреализма, космизма, символизма. Он перераба-

тывает легенды и мифы своего народа, изменяя увиденное и услышанное, и отражает в своих работах не только конкретные религиозные мифы, а их сочетания и наслоения, превращая увиденный сюжет в свой миф. Леонид Лар, как шаман, который идет, летит вслед за кистью в другой мир, неизвестный ему, в мир Вселенной. И путешествие заканчивается лишь тогда, когда он завершает свою картину.

На полотнах Леонида Лара видим его желание показать себя как часть этого мира. Он старается передать основную идею видения шамана через собранные им образы, которые помогут зрителю воспринять сюжет неизвестного им потустороннего мира, шаманские обряды, поверья и суеверия, которые живут среди народа, приблизив их к космосу. Картины про шаманов – это проецирование жизни: рождение, смерть, любовь, ненависть, которые он отразил на своих работах. Шаманизм – это и есть сюрреализм, где реальность сплетается с фантастичностью. Весь мир с его богатствами – в нашей голове.

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Сергей БОРОВСКИЙ

КРУЖЕВНИЦЫ добрая русская сказка

Жили-были три сестрицы,
Три сестрицы-кружевницы¹:
Без чудес и волшебства
Вышивали кружева.
Ручки тешили работой
С серебром да с позолотой,
На скатерки и платки
Клали роспись в завитки.
К ней рисуночки живые,
Тонкой нитью прошивные,
Где шелковой, где льняной,
Под узор – одна к одной.

Сами пряли, сами ткали,
За работой не скучали,
Грусть делили на троих.
Дело спорилось у них.
Все предметы рукоделья,
От нужды, не от безделья,
Продавать возил отец –
В зрелом возрасте вдовец.
Красота – товар расхожий:
На базаре в день погожий
Плат, что золотом расшит,
Полминуты не лежит.
Полотенца с голубками,
С голубыми завитками
Брали по три да по пять –
Успевал едва считать.
Под стишки и поговорки
Предлагал ковры, скатерки,
И к полудню сбыв товар,
Обходил кругом базар.

Купит пряники, баранки –
Три большущие вязанки,
Карамельки, леденцы...
Там лошадок под уздцы
Запряжет, а сам – в телегу

¹Кружевница – мастерица кружевной вышивки, кружевоплетения.

Или в сани, коль по снегу,
Вожжи в руки – и домой
По дороженьке прямой:
Три версты² до поворота
У Лешайкина болота,
Вдоль болота три версты,
Три версты через кусты,
Три по лесу, три вдоль поля,
И, лошадок не неволя,
Он к родному хуторку
Добирался к вечерку.

А сестрицы-кружевницы –
Три молоденьких девицы –
На скамейке у крыльца
Ждали батюшку-отца.
Разговаривали, пели...
В небе сумерки густели,
Надвигалась темнота.
Вдруг открылись ворота,
В воротах каурых³ пара –
Прибыл батюшка с базара.
Снял с гостинцами суму,
Дочки кинулись к нему –
Кто скорее, без оглядок –
Помогли распрячь лошадок
Да в конюшню отвести,
Скинуть сбрую⁴ по пути.
Короба⁵ снесли на полку
И за делом без умолку
Все пытали – что да как.

А хозяин, сняв кушак⁶,
Говорит: «Возок ломался,
Да зайчишка повстречался –
Доброй шкуркою прельстил.
Битый час его ловил.
Ишь, притих, не шелохнется.
Отгулял свое, сдается,
Хватит бегать по кустам.
Ну-ка, гляньте, жив он там?»

²Верста – старинная русская мера длины.

³Каурая – масть лошади (светло каштановая, желто-рыжая).

⁴Сбруя – конная упряжь, предметы для запряжки, седлания и управления лошадьми.

⁵Короб – плетеное изделие из бересты, служащее для укладки и переноски различных предметов.

⁶Кушак – пояс из широкого куска материи.

Сестры к бабушке с мольбою:
«Что ты, что ты, Бог с тобою!
Отпусти его в лесок,
Под калиновый кусток,
Под раскидистые ветки.
У него, наверно, детки!»

«То ли есть, а то ли нет, –
Заворчал отец в ответ.
– Ладно, будь по вашей воле –
Отпущу косоного в поле.
Пусть бежит к себе домой,
Может, встретимся зимой
У Лешайкина болота».
Взял мешок – и за ворота.
И девицы тут как тут,
Ни на шаг не отстают.
У кусточка небольшого
Отпустил отец косоного.
Тот – с тропинки под кусток,
Через поле да в лесок,
Только сучья затрещали...

Звезды в небе заблестали,
Вышел месяц молодой.
Все отправились домой –
В терем рубленый сосновый,
За тесовый стол дубовый,
На широкие скамьи –
Посидеть в кругу семьи:
Сдобы, сладостей откусывать,
Сказки добрые послушать,
Чтоб спокойнее спалось,
Чтоб желание сбылось,
Чтоб проснуться без печали.
Утром солнышко встречали,
Насладясь чудесным сном.

В хороводе кружевном,
В тихом шелесте кудели⁷
Проходили дни, недели.
А отец под птичий звон
Сеял рожь, пшеницу, лен,
Как и все весною сеют.
Прибирал, когда созреют,
И в узорчатой печи
Пек хлеба да калачи –

⁷Кудель – очищенное волокно льна, приготовленное для прядения нитей.

Для себя, не на продажу.
Лен сестрицам шел на пряжу.
А зимою он с тоски
Глухарей ловил в силки⁸,
Ставил сети для лисицы.
Правда, дочери-сестрицы
Отпускали их тайком.
Лес им с детства был знаком.
И зверюшки все лесные
Сестрам были как родные:
Зайцы, белки и ежи...
Засмеют, кому скажи.
Даже волки и медведи,
Как хорошие соседи,
Повстречавшись иногда,
Не чинили им вреда.

И сестрицы, не робея,
Языком лесным владея,
Почитали лес вторым
Домом сказочным своим.
За грибами, за малиной
Тропкой бегали звериной
Или чащей вековой
За целебной травой.
Что солили, что сушили,
В котелке траву варили –
Хворь из тела выгонять
Или раны заживлять.

Ран у батюшки хватало,
Тело к старости страдало.
Раньше – молод был пока –
И медведю мял бока,
И врагов во время схваток
В одиночку клал десяток.
А мечом когда владел –
Перед сотней не робел.
Ран не чувствовал в горячке,
И болячка шла к болячке,
Умножая их число...
Время каяться пришло.
Удаль он свою прославил,
Дело ратное оставил
Да отправился в лесок:
Там поставил теремок,
Жизнь наладил понемногу,
И дочурки, слава Богу,

⁸Силок – приспособление для ловли птиц и мелких животных.

Хоть без матери росли,
Поднялись и расцвели.

С этих пор в ночное время
Он, почесывая темя,
Думку думал до утра:
«Старшей замуж бы пора.
Уж и в зеркальце глядится.
Если в девках засидится –
С вдовым разве под венец».
И повадился отец
Брать прекрасную девицу
На базар с собой в столицу,
Уверяя, что ему
Трудно стало одному.

Та, послушаться не смея
И в душе его жалея,
Не перечила отцу.
Но дела не шли к венцу.
Дочь пригожая от дела
На прохожих не глазела,
Крыла голову платком
И вела себя тишком,
Не дразня мужей столицы,
Спрячет очи под ресницы,
Молча кружева подаст –
Приценяйся, кто глазаст.
Подойдет купец богатый,
Развернет кошель пузатый,
Глянет искоса слепцом,
Поторгуется с отцом
И, не дав торговле хода,
Пропадет в толпе народа.

Был купец и посмелей,
И глядел повеселей,
Даже пробовал рядиться.
Говорит: «Почем девица?
Не сойдемся ли в цене?
Али шапка не по мне?»
Но отец не стал равняться,
Он не думал торговаться
И товару цену знал –
За гроши⁹ не отдавал.

⁹Грош – мелкая разменная монета.

Ждал купца не из народа –
Непростого чтобы рода,
Да не хромый, не с клюкой...
И нашелся же такой:
Из бояр, богат и знатен,
И лицом красив, и статен!
Дочь такого и ждала.
Свадьба славная была!
Яств¹⁰ и меда¹¹ не жалели,
Гусли струнами звенели.
Но не век же пировать –
Надлежит и дело знать,
Поутру успеть проснуться:
Не успеешь оглянуться –
День погожий пролетит,
Солнце под гору катит...

Сестры в тереме скучали,
А отец опять в печали:
После свадьбы минул год –
Средней дочери черед.
Сон опять не удается –
Жениха искать придется,
Брать девицу на базар,
Врать, что немощен и стар.
Месяц, два возил – извелся...
К ноябрю жених нашелся:
Не боярин, но купец,
И собою молодец!
Дочь глазами не водила,
Но головушку вскружила
Да согласие дала.
Свадьба славная была!
Яств и меда не жалели,
Гусли¹² струнами звенели,
Но утихли наконец.

Пригорюнился отец:
Дочь одна при нем осталась
И пока не обвенчалась –
Часа сужденного ждет.
Но однажды час придет –
Унесет как ветер птицу!
Не отдать – сгубить девицу.
А отдашь – томись потом
Скукой в тереме пустом.

¹⁰Яство – изысканное угощение.

¹¹Мед – бодрящий некрепкий напиток, изготовленный из меда, воды и трав.

¹²Гусли – старинный щипковый музыкальный инструмент.

Дочь, когда снега упали,
Видит: батюшка в печали.
Говорит ему: «Отец,
Не спешу я под венец.
О супруге не мечтаю,
Дней до свадьбы не считаю
И судьбу не тороплю.
Я сестриц, тебя люблю.
Разве нам с тобою худо?
А случится если чудо
С сердцем встретиться родным –
Мы о том поговорим.
Не спеши пока девице
Жениха искать в столице.
Знаю – сам меня найдет –
В терем сватов приведет».

Так они и порешили,
И о том не говорили:
Дочка кружево плела,
У отца свои дела –
Пашет, сеет понемногу
Да лошадок в путь-дорогу
Снаряжает в месяц раз –
Отвести купцам заказ,
Дочерей своих проведать,
Меда сладкого отведать;
Облизнется – и домой
По дороженьке прямой:
Три версты до поворота
У Лешайкина болота,
Вдоль болота три версты,
Три версты через кусты,
Три по лесу, три вдоль поля,
И, лошадок не неволя,
Он к родному хуторку
Добирался к вечерку.
Дочь ворота открывала,
Прибаутками встречала
И пыталась – что да как...
Год вдвоем прожили так.

Но в Покров¹³ отец девицы
Не вернулся из столицы
До заката ко двору.
Не явился и к утру.

¹³Покров – день встречи осени с зимой в славянском календаре, связанный по приметам с первым снегом (14 октября).

Дочь, почувствовав тревогу,
Выходила на дорогу –
Проглядела все глаза,
В терем шла под образа¹⁴.
Нет спокойствия сердечку.
Отыскав седло, уздечку,
Лук да стрелы, два клинка¹⁵,
Оседлала Воронка –
На коня и за ограду –
Прямиком к столице-граду,
Счет на версты не творя,
Вдаль внимательно смотря:
Полям с высохшей травой,
Чуть приметною тропой,
Припорошенной снежком,
Где открыто, где тайком –
Через лес, через кусточки.

Вдруг – зайчишка из-за кочки.
«Стой! – девице говорит.
– Атаман¹⁶ в лесу шалит,
Не дает нигде проходу
Ни зверюшкам, ни народу.
Он и Правду оболгал,
Он и смелых запугал.
Тут и бравые не бравы,
Тут и славные без славы,
И героя не найти,
Чтоб злодея извести!
Царь насилу жив остался,
Да сидит – перепугался –
В царском тереме своем,
И известий нет о нем.
Мне бы тоже схорониться...»

Прервала его девица:
«Ты напрасно не дрожи,
Мне другое расскажи:
Не встречал ли где живого
Моего отца родного,
Может, с краю наблюдал?»
А косой в ответ: «Видал!
Он в невольниках – у речки
Лес изводит на дощечки –
Клен, березу и дубы,
Сосны валит – на столбы.

¹⁴Образа – иконы.

¹⁵Клинок – кинжал, стальное холодное оружие.

¹⁶Атаман – предводитель шайки или банды – группы разбойников, воров и бандитов.

С ним и старые, и дети:
По плечам гуляют плети!
Стережет бедняг Яга¹⁷ –
Атаманова слуга...»
Вновь она его прервала:
«Слезы вытри для начала
И домой скорей беги –
Деток малых береги.
Пережди беду до срока.
От тебя немного прока,

Отдышись чуть и ступай,
Да от страха не плутай!»
А сама – через кусточки,
Через сучья, через кочки,
Поскакала вдоль леска
Прямо к дому Лешака¹⁸.
Добралась не на два счета:
Дом стоял среди болота,
От дороги вдалеке,
На песчаном островке.
К этой самой серединке
Шла девица по тропинке
Через гиблые места
Шагом – целая верста!
Осторожно перебралась,
Потихоньку постучалась;
Хорошо, что дома был,
По болоту не бродил.

Говорит: «Спасай, Лешайка!
Завелась в округе шайка –
Лесу, городу грозит.
Атаман царю дерзит!
Поднимай семью лесную
За сторонущку родную,
Я ей тоже помогу –
Не останется в долгу».
«Ты лети себе, девица,
Как степная соколица, –
Отвечает ей Лешак,
– Обмозгую – не простак!
Соберу своих соседей:
Кабанов, волков, медведей,
Приведу лесную рать.
Не горюй и слов не трать».

¹⁷Яга – уродливая старуха, владеющая волшебными предметами и наделенная магической силой.

¹⁸Леший – дух – хозяин леса, способный принимать различные образы, становиться невидимым и издавать всевозможные звуки.

Попрощались у порога:
Кружевница – с верой в Бога,
Леший – с верою своей –
С ней спокойней и верней.
А девица – на тропинку,
Воронку опять на спинку –
Лук поправила, клинки...
К ночи были у реки.

Тут и там костры горели,
Рядом узники¹⁹ сидели,
Согреваясь у огня.
Слезла девица с коня,
С бугорка спустилась ниже,
Подошла тайком поближе,
Стала узников считать.
Насчитала сотен пять,
Среди них отца признала.
Стражу всю пересчитала.
Их пришлось на пересчет
Тридцать против пятисот.
Но видать, что боевые –
В ножнах²⁰ сабельки кривые,
За плечами колчаны²¹
Снаряженные видны.

Призадумалась девица:
Как судьбой распорядиться,
Чтоб никто не пострадал –
У костров – и стар, и мал!
Зря геройствовать не стала –
Сойку к Лешему послала,
Передать, чтоб он скорей
Поспешил на помощь ей.
А сама опять пригнулась –
К Воронку назад вернулась,
В чаще спряталась лесной,
Под высокою сосной.
Прилегла, прикрыла очи –
Проспала бы до полночи,
За день выбившись из сил,
Да Лешайка разбудил.

¹⁹Узник – человек, находящийся под стражей, в неволе.

²⁰Ножны – футляр для ношения и хранения сабли.

²¹Колчан – кожаный чехол для стрел.

Собралась и рать лесная:
Кабаны да волчья стая,
Три медведя, семь лосей.
К речке двинулись скорей,
Подобрались тихо-тихо,
Да Лешак присвистнул лихо,
Стая приступом пошла.
Кружевница лук взяла –
Стрелки острые пускает –
Снова стражников считает.
Насчитала их пяток –
Остальные наутек!

Беглецов ловить не стали,
Путы с узников снимали.
Упустили и Ягу –
Атаманову слугу.
Бабка их перехитрила:
Позволения не спросила –
В ступу²² прыг – и в темноту.
Да грозила на лету
Изловить красу-девицу,
Бросить дерзкую в темницу.
И волкам надрать хвосты
Обещала с высоты.

А спасенных от неволи,
От лихой тяжелой доли,
Проводили по домам,
По родным своим краям.
Тех, чьи ноженьки дрожали,
На лосей верхом сажали,
За лосями волки шли –
От погони берегли.
Кое-кто решил остаться –
С Атаманом поквитаться –
Без пристрастия, слегка
Наломать ему бока.

И отец красы-девицы,
Смелой юной кружевницы,
Повидаться с ним хотел –
На злодея зуб имел.
Хоть на кровь и не был падок,
Но желал вернуть лошадок

²²Ступа – деревянный сосуд, в котором что-либо толкут, а Баба-Яга использовала в качестве летательного аппарата.

И телегу, и товар,
Вез который на базар.
С ним остался и Лешайка:
И ему постыла²³ шайка.
«Лес изводит, – говорит,
– Лес за Правду постоит!»
Посидев перед кострами,
Снарядившись топорами,
Войско вышло на тропу,
Растянув по ней толпу.

А девица удалая,
Воронка не подгоняя,
Поскакала напрямки:
Через кочки и пеньки,
Через лес, через полянки
До разбойничьей стоянки –
Приглядеться – что да как,
Не попасть чтобы впросак.

Месяц под гору скатился,
Снег под солнцем заискрился,
Обнажая полосу
Свежей просеки в лесу.
Там – возок неподалеку,
У возка кобылки сбоку,
Шеи вытянув, стоят –
Сено нехотя едят.
Рядом – молодец румяный,
На плечах – кафтанчик²⁴ рваный.
На сосенку кинет взор,
Бросит к маковке топор –
Тот, пока наверх взлетает,
Ветки толстые срубает,
А к земле летит пока –
Не оставит ни сучка!

Тут неведомая сила
Воронка остановила –
Трех саженьей и вершка²⁷
Не добрался до возка.

²³Постыла – очень надоела.

²⁴Кафтан – верхняя мужская одежда.

²⁵Маковка – макушка.

²⁶Сажень – старорусская мера длины – 2,16 метра.

²⁷Вершок – старорусская мера длины – длина фаланги указательного пальца.

Конь притих, не шелохнется,
И герой не обернется.
Он гостей, видать, не ждал
И девицы не видал –
Ремеслом увлекся слишком,
Знай играет топорिशком
Вдоль высокого ствола:
Раз – и сосенка гола!
Снова вверх его подкинет –
У сосны макушку снимет,
Рубанет по комельку²⁸ –
Ствол и свалится к пеньку.
Так сосенку за сосенкой
Он тяжеленькой ручонкой
На три счета и валил –
Чудеса в лесу творил.

А красавица-девица
Не спешила схорониться,
Повод бросила, сидит
Да на молодца глядит.
Он на взгляд и обернулся,
И топор к нему вернулся...
Взгляды, встретившись тайком,
Заиграли огоньком.
Миг глаза в глаза глядели,
А сердца в груди запели,
Прославляя красоту:
Он удал, она в цвету!
Словно ждали этой встречи.
Молодец, расправив плечи,
Кружевнице говорит:
«Отчего твой взор горит?
Расскажи, откуда, кто ты,
От беды или с охоты
Мчишь на резвом скакуне?
Лук, смотрю я, на спине,
Но сама скромна по виду.
Не нанес ли кто обиду?
Если горе, так скажи,
Слезы в сердце не держи».

Рассказала кружевница,
Почему по лесу мчится,
Позабыв про дом родной,
Лук имея за спиной, –

²⁸Комель – толстая нижняя часть ствола дерева, выступающая над поверхностью земли.

Без утайки, без обмана –
Про отца, про Атамана,
Про Лешайку, про Ягу,
Про костры на берегу...

Молодец сказал девице:
«Ты веди отряд к столице,
Я тем временем в бору
Лесорубов соберу.
Выйдет добрая дружина.
Перед городом – ложбина,
Там, у рощи вековой,
Мы и встретимся с тобой.
Если вдруг не доведется,
Если что-то не сойдется,
Знай – потом тебя найду,
Сватов в терем приведу!
Намекни, коль не согласна,
Коли речь была напрасна».
Та, припав к его груди,
Прошептала: «Приводи...»
Воронку на спинку села
И стрелю улетела,
Лук поправив на скаку.
Молодец пошел к возку.

А красавица-девица
На коне по лесу мчится
Через кочки и сучки,
Через старые пеньки.
Прискакала на лужайку,
Повстречала там Лешайку
И, построив войско в ряд,
Поспешила в стольный град.
Так и шли – солдат к солдату,
Добрались почти к закату.
Смотрят: нет нигде войны –
Тьма народа у стены,
Над толпой царя качают,
Сестры девицу встречают,
В город с бабушкой зовут,
Речи сладкие ведут.

Да поведали сестрице,
Самой младшей кружевнице,
Как разбойник приходил
И войной царю грозил!
Но пришел герой румяный:
На плечах – кафтанчик рваный,

А за поясом топор –
Страсть как ловок и остер.
Молодец топорик вынул,
Под дубок столетний кинул –
Тот качнулся и упал –
Всех разбойников подмял!
А негодника-смутьяна,
Озорного Атамана,
По лбу стукнуло сучком –
Укатился кувырком!
И Яга за ним умчалась,
Следом шайка разбежалась...
Царь послал вдогонку рать,
Чтоб трофеи²⁹ собирать.
А герой не похвалился –
Как сквозь землю провалился.
Щель искали – не нашли...

Тут их в терем провели.
Приуныла кружевница:
За столы зовут садиться,
А она в окно глядит –
Рану в сердце бередит,
Молодой тоской тоскует.
За столом родня воркует
Под хрустальный звон гуслей
Все душевней и теплей...

Погостив, засобирались:
Лошаденки вскачь помчались,
Хоть никто не подгонял.
Прытких батюшка унял.
Воронок то в след, то с края
С ними шел, не отставая,
Травку серую топтал.
Снег покровский-то пропал.
Сутки с солнышком сражался –
Отступил, не улежался –
В этот раз не удалось.
Бабье лето началось,
Рощи золотом сияли,
Листья изредка роняли.

А лошадки шли да шли,
Воз с подарками везли,
И хозяйина, и дочку,
Приближаясь к хуторочку.

²⁹Трофеи – оружие и имущество, захваченное после победы над неприятелем.

Дочка, спрыгнув у куста,
Отворила ворота,
Лошадей, коня поила,
Хлебом досыта кормила,
Терем чисто прибрала,
Только к ночи прилегла.

Утром слышит кружевница:
Кто-то с улицы стучится,
Нарушая тишину.
Подошла скорей к окну,
Половинку отворила,
Очи сонные открыла,
Видит – суженый стоит,
Взглядом ласковым глядит!
С ним наряженные сваты,
Все румяны, бородаты.
По крылечку к ним сошла...
Свадьба славная была!
Яств и меда не жалели,
Да плясали – не хмелели!
Посидел и я с четой,
Пил напиток золотой,
Но решил, что хмелю мало –
Веселей с ведра не стало,
А другое не вошло –
Все на бороду текло.

13.11.2016 г.

НАШИ ГОСТИ

Тюменская и Северо-Казахстанская область много лет назад подписали договор о дружбе и сотрудничестве в области экономики, науки, культуры. В рамках этого договора начали сотрудничать и литераторы двух братских территорий. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию творчество членов литературного объединения, которое работает на базе литературного отдела Северо-Казахстанского областного краеведческого музея. Организовано литературное объединение имени Аверина в 1992 году Альфредом Пряниковым. С 1994 года выпускался альманах «Пришимве». В разные годы объединением руководили Валерий Любушин, Владимир Трусков, Владимир Щукин.

ПОЭЗИЯ

Саня ЕФРЕМОВА

Открытия любви

К яблоку Парис, Парис...
Где мой Парис?
Мужчины чередой проходят мимо.
Амура лук в бездействии завис
И не пронзает сердца шаловливо.
Кто первой в мире назовет меня,
Отведать яблока любовного огня
Прельстит, как змей в раю, маня?

Эсмеральда

Твое имя – грохот бубна,
Легких ножек быстрый лет.
Чудный пламень изумруда
Всех сердец растопит лед.
Глазки темные лукавы,
Их колодец так глубок!
Распустился в нем для славы
Чистой прелести цветов.
Красота твоя бездонна,
Всемогуща и хрупка.
Опоила белладонной
Ты святого старика.
Разве можно не любить
Эти ножки, гибкий стан?
И любовь твою бранить
За невинности обман?

Открытия любви

Возлюбленная (по Песни Песней)
Блестит, как заря,
Прекрасна, как луна,
И светлая, как солнце...
Сестра моя, невеста!
Как вспомню стан твой, глаз озера,
Не нахожу себе я места
И слышу вновь слова укора.
Уста что мед и молоко,
Мне говорят уже давно:
«Изнемогаю от любви,
Свои мне ласки подари.
Мой царь, все ночи напролет

Цикада о тебе поет.
Приди, я жду твоих шагов –
И отодвинула засов».
Губ алых ленточный извив,
Румянец сладостных ланит,
Кудрей пурпуровый отлив
Сильней вина меня манит.
Рука художника творила
Округлость бедер, грудь.
Очей волнующая сила
Мне указывает сладкий путь.
Как смерть, крепка ее любовь,
Она что пламень сильный.
Ни реки не зальют, ни кровь
Пожар души любвеобильной.

Песнь

Еслиходишь в открытую дверь
И встречают чужие глаза,
Улыбнись и в удачу поверь,
И скажи, что хотела сказать.
Я встречала одна зарю.
Был рассвет так далек и пуст.
И в усталом огне корю
Не ушедшую прочь грусть.
Свое сердце в ладонях держи,
Не боясь остаться другим.
Я готова отдать тебе жизнь,
Потому что весь мир – пилигрим.
Я встречала одна зарю.
Но она не пришла, как ты.
В ожидающем свет краю
Превратились в стекло цветы.

Июльские грезы

Я буду любить тебя так,
Что солнце затмишь ты и звезды.
Весь мир для того только создан –
Быть рамой в портрете, как знак восхода,
расцвета и песни твоей красоты!
Да воскреснет любовь и рассеется мрак!
Мне надо услышать твой голос,
Увидеть улыбку и взгляд,
Подкрасться неслышно и словом
Начать мне желанный обряд.

Открытия любви

Коснуться губами запястья,
Привлечь обжигающий стан...
О как же мечтаю упасть я
К твоим недоступным ногам!

Не огорчай меня

Не огорчай меня скольльзящим взглядом,
По струнам тонким пятерней не бей,
Не оборачивай лицо фасадом
Пустым, слепым без окон и дверей.
Ведь изойти могу в тоске слезами –
Сочиться будут алою волной.
Ты не обидишь – огорчишь, не зная,
Как тяжело сейчас мне быть с тобой.

Дарю тебе бабочку сердца

Дарю тебе бабочку сердца,
Призывную песнь пою:
Открой же и ты в сердце дверцу
И выпусти в небо свою.
Мы будем кружиться, а солнце
Омоет все наши печали.
И крылья заблещут, и солнце
Откроет зеленые дали.
Мы будем дышать ароматом
Мечты и высоких стремлений.
И будет единство в нас свято,
И светом наполнятся тени.

Nosce te ipsum

Бежать и слушать шум крови,
Сесть на колени, опалить дыханьем.
Будь безрассудным, поцелуй сорви,
Заполни между нами расстоянье
Словами, ласками, слияньем тел,
Неистовым, безумным полыханьем...
Вплывать в фантазии – мой огненный удел,
Терять от предвкушения сознание...

Кудрявая кокетка

Смотри, кудрявая кокетка
Еще не убралась в зеленый цвет.
Играет ветер прядью ветки
И будто ждет лобзания в ответ.
Красавиц ветренность известна,

К досаде, и любовник ей под стать.
Вдруг им под небом стало тесно,
Друг друга не ласкать уж стали – гнать.
Не хочет вовсе вольный странник
Зазнобушки капризам потакать:
«Шалишь – получишь кнут, не пряник,
Могу за косу щедро оттаскать».
И разметал каштановую гриву,
А сам запутался в сплетениях ветвей.
В объятьях замерли, черпая силу
Для новых, верно, ссор и нежности своей.

Единственному

Заговори со мною языком
Прикосновений легких и тягучих,
Тогда понять ты сможешь лучше,
Каким желанием влеком.

Смотри – в согласье струны тел.
И ты, и я – одно дыханье.
Найдем ли мы любви предел
В сиюминутном обладанье?
Открой глаза, взглядишь в мои –
Увидишь там бездонность дали.
Сегодня мы мудрее стали.
В дар глубину мою прими...
Вплыви в мой сон и в радость дня.
И оставаясь сам собою,
Будь продолжением меня,
Моей судьбой, моей звездой.

Формула веры

Кристалльно ясный облик пирамид
Облит слепящим солнцем.
Резки тени. В словах и образах полночных бдений
Мечта о воскресении царит.
Величественность форм вбирает небо,
Она звучит, как мощный зов тоски,
Но не по вечности (все чуждо там и слепо),
По жизни, что засыпали пески.
Задумчив взгляд эбеновых зрачков
У Эхнатона с гордой Нефертити.
Как будто в ожидании стоите –
Отпустят вас из лодки мертвых снов.
И молвит жрец магическое имя,
Атон расстанется с душою-птицей.

Двойник, живущий в статуе доньне,
И с именем, и с птицей воплотится.
И золотисто-розовым теплом
Нальется тело милой под руками
Того, кто столько ждал ее – веками,
Чтобы под пальмою побыть вдвоем...

Ожидание

В разгоряченную ладонь – комочек снега.
Шипучий лед шампанского во рту.
Но нет, неохладима страсти нега.
Близки твои глаза, хоть я свои сомкну.
И помня каждое твое прикосновенье,
Взрываю сердце – крови океан.
Не ведаешь: сгораю в нетерпенье
Прильнуть к тебе и жадно ищущим губам...

Ожидание

Сяду у твоих коленей,
В омут темных глаз нырну –
Вот и нет в душе сомнений,
Вот и жизнь уж не кляню.
Бархатистый рот притянет
Губы-странники мои.
Мысль последняя вдруг канет
В нежный шелк твоей груди.
Обнимая стан твой хрупкий,
Я весь – жадный поцелуй.
Ты люби меня, голубка,
Сладость ласк своих даруй.
В лепестки раскрытых бедер
Проскользну пчелой в нектар.
Мы слились в одной природе
Жертв на алтаре Иштар.

ПРОЗА

Кирилл ФИЛОНОВ

Трудная дорога навстречу (в сокращении)

К старухе Широковой на лето приехал внук Павел. С нетерпением ждала гостя Валентина Николаевна. Часто звонила сыну в Новосибирск, упрашивала Анатолия привезти Павлика хотя бы на недельку. Незаметно вырос внук. Не успела баба Валя оглянуться, как маленький щуплый мальчишка превратился в пятнадцатилетнего юношу – невысокого, но плечистого и коренастого парня.

Любопытные соседки, как вороны, выглядывали из окон, когда к дому Валентины Николаевны подъехала серебристая машина, недавно купленный Nissan Patrol. Темноволосый симпатичный внук подошел к невысокой, полненькой Валентине Николаевне и крепко обнял ее за плечи.

Старушка жила одна десять лет, с тех пор, как муж утонул на озере Хорошем во время рыбалки. Не любила Валентина Николаевна одиночество, поэтому нечастые приезды родных для нее были настоящим праздником.

– Мои хорошие! – радостно кружила она по комнате, торопливо собирая на стол. – Был бы у меня этот ваш... «сотик» или, как его, «мотик», давно обед стоял бы на столе! Позвонила бы, узнала: подъезжаете или нет...

– Не переживай, мама, – разглядывая альбом с черно-белыми снимками, говорил сын.

Павлик почти ничего не ел, копался в тарелке. Старуха обиженно приметила:

– Не такая полезная еда, как в городе?

– Ну что ты, мама! Не голоден парень, – улыбнулся Анатолий. – Лучше скажи, не правда ли, я похож больше на тебя, чем на батю?

Сын поглядывал на старую фотографию. Молодой Григорий Степанович в строгом костюме и Валентина Николаевна с крупными бусами на красивой, тонкой шее всегда вызывали у сына необъяснимый интерес и трепет. Вспоминалось далекое, безвозвратно ушедшее время. Маленький Толя с мамой и папой впервые поехали на выходные в город. Манили любопытного мальчишку широкие асфальтированные улицы и проспекты, большие каменные и кирпичные дома, машины и люди. Много слышал Толя рассказов о Новосибирске, каждый деревенский старик любил вспоминать о передрыгах, случившихся там. Один ездил за деталью для трактора, потерял все деньги и приехал ни с чем. Второй рассказывал, как стал обходить лужу и в толпе потерял жену, будто ребенок, выпустивший из рук надувной шарик. Заявил в милицию, наделал шуму, а она его ждала на автостанции.

Несмотря на рассказы стариков, Толя мечтал о городе. Потом, когда вырос, отучился в медицинском институте, вернулся в Аксениху (правда, ненадолго) и переехал окончательно в Новосибирск. Звала его родная деревня, долго снилась беззаботная пора жизни, печной дым, поднимающийся над крышами домов, сугробы и почему-то олады, приготовленные мамой. С годами все меньше тянуло на малую родину, все глуше билось сердце, когда Толя подъезжал к Аксенихе. Правда, в последнее время снова что-то теплое, как русская печка, стало греть душу Широкова: то ли воспоминания о детстве, то ли любовь к состарившейся матери, то ли нелепая смерть отца...

– Ну чего задумался? – с обидой в голосе спросила Валентина Николаевна Анатолия. – Тоже думаешь, что еда не полезная?

– Ничего я не думаю, – постарался уйти от неприятного разговора сын.

Понимал Толя, о чем говорила 78-летняя мать. Дело было в жене Широкова. Немного высокомерная, городская Инга недолюбливала свою свекровь, не принимала ее деревенского характера, а жителей Аксенихи считала кем-то вроде обитателей тундры.

Сколько ни пыталась Валентина Николаевна сблизиться со снохой – толку не было. С полными сумками гостинцев из деревни она приезжала в Новосибирск, к родным, а Инга демонстративно оставляла Анатолия с матерью и уходила из дома. У нее появлялись неожиданные дела.

Натянутые отношения между свекровью и снохой установились давно, почти сразу после свадьбы Инги и Толи. Пару месяцев молодая пара жила в деревне. Девушка не переносила поучений свекрови, считала, что Валентина Николаевна вмешивается в семью сына и разрушает отношения. Когда Толю приняли в НИИ гигиены, молодые уехали в город, и все успокоилось. Анатолий стал научным сотрудником у себя в НИИ, доцентом, шел уверенно вверх, готовил докторскую диссертацию. Когда родился сын, Анатолий приезжал с женой и ребенком в деревню, на выходные, погостить. Валентина Николаевна часто звонила в город, поздравляла родственников с праздниками.

После смерти мужа Валентина Николаевна немного замкнулась, стала ревностно относиться к сыну, переживала за него: как он питается, тепло ли одет. Тогда-то и началась вся эта чертовщина между матерью и снохой. Самолюбивая Инга (или как ее называл муж Ингрид) по совету экзальтированных подружек накупила специальной литературы, сидела часами в Интернете: все читала о питании. Из рациона в семье Широковых быстро испарилось все мучное, жареное, пареное, вареное и копченое. Остались лишь одни салаты, зелень да творожки, активно рекламируемые на каждом канале, на каждом сайте. Все Широковы должны были презрительно смотреть в сторону мяса, булочек, конфет и белого хлеба, а людей, покупающих такие «неполезные» продукты, стараться снисходительно не замечать в магазинах. Толя сначала ругался с женой, но вскоре почувствовал небывалую разгрузку для кошелька и уже ничего не мог поделать. Теперь он часто употреблял такие слова, как «ГМО», «холестерин» и «шлаки».

Но окончательно разрушило отношения между родными людьми другое. Павлику тогда было лет одиннадцать. Папа привез из Аксенихи гостинцы: свежие беляши и домашнее соленое сало. Мальчик заметил, что мама положила все гостинцы в один большой мусорный пакет и поставила его возле входной двери. Павлик очень расстроился, пытался посвятить в это вечно занятого папу, но передумал. Через месяц, когда после большого скандала между папой и мамой Павел все-таки приехал к бабушке, он осторожно рассказал Валентине Николаевне о ситуации в семье. О том, что мама не хочет пускать мальчика к бабушке, в эту «антисанитарию», как она говорит, и о том, куда все бабушкины гостинцы отправляются напрямиком с дороги.

У Валентины Николаевны было в тот день плохо с сердцем. Переволновалась старушка, горько плакала и жалела сына с внуком: «Вот какая мать досталась Павлику! В деревню, к родной бабушке ехать нельзя! Беляши есть – не смей! Сало – в мусорку! Безобразие! Анатолию мясо нужно, мужик все-таки, а она его салатами из морковки кормит! Кролик он, что ли?! У Павла одни кости, и сама – дура дурой – нажрется своей цветной капустой и начинает бредить: питание не по ней...»

Чувство обиды жгло душу Валентины Николаевны. Толя ничего не понимал, но было осознание, что мама с Ингой враждуют, между ними стена. «Ничего изменить нельзя – вот что самое страшное», – с грустью думал Анатолий. Успокаивал он себя лишь одной мыслью, занимаясь самообманом: «Разве у людей иначе? Все то же самое, одна и та же катавасия».

– Как там поживает Инга? – неожиданно спросила мать, убирая посуду со стола. Похоже, Валентина Николаевна сама испугалась своего вопроса: руки дрогнули так, что из тарелки выпала вилка. Толя обомлел: впервые за пять лет мама спросила о жене.

– Ни-че-го, – отрывисто, с запинкой заговорил Анатолий, поперхнувшись конфетой. – Устроилась ко мне в НИИ, в лабораторию...

– Да-а! – удивленно протянула мама. – Какая молодец! Ты помог?

Анатолий не понял: издевается мать или действительно рада успехам снохи. Помнил Толя, как Валентина Николаевна сокрушалась, почему Инга нигде не работает, окончила вместе с Анатолием медицинский и сидит дома почти двадцать лет!

– Милый мой сыночек... – слезы Валентины Николаевны покатались по морщинистому лицу. Старуха подошла к сидящему в кресле сыну и начала гладить его темные волосы. Валентина Николаевна вела себя необычно. Раньше она была всегда сдержанна, даже обнимала сына, слегка похлопывая по спине, осторожно, словно не желая казаться назойливой.

– Тебе сорок три года, а ума не нажил! Ученым стал, на работе Анатолием Григоричем называют, машину огромную купил. Не машина, а трактор, квартира большая, зарабатываешь... – глядя со вниманием и любовью, проговорила мать.

– Почему ума не нажил?

– Разве для чужой женщины я тебя рожала? – не слышала мать вопрос сына.

– Завела шарманку! – рассердился Толя.

Внук тем временем слышал беседу папы и бабы Вали, но не очень интересовался этим скучным разговором, где было полно разных недомолвок.

– Пойду погуляю, – нехотя сказал Павел, выходя из комнаты.

– Иди, Павлуша, – ответила старушка, провожая внука добрым взглядом.

Павел знал, что мама против его поездок в деревню. Мальчик не мог понять всех премудростей взаимоотношений между тремя родными людьми: мамой, папой и бабой Вале́й. Ему казалось, что они осложняют свою жизнь ненужной игрой, какими-то пустыми принципами, страдают от этого, но ничего не меняют. В этой игре больше всего достается папе. Видно, как ему тяжело, как у него слезятся глаза, как он ходит подавленный. И только мама, как всегда, убеждена в своей правоте. Мама четко знает, что Павлику нечего делать в Аксенихе, среди деревенских вшей и клопов.

Мальчик и сам не горел желанием ехать в эту глухомань, где не ловит Интернет, где мобильная связь почти не работает, а из благ цивилизации – лишь телевизор. (Было когда-то радио, но провода давно сняли). Сверстников в деревне почти нет, да и в городе Павел почти ни с кем не дружит. Единственное, ради чего ехал юноша в деревню, – скрашивать бабушкино одиночество. Еще Павла интересовал дедовский шкаф, не шкаф, а настоящая сокровищница! В специальных лотках, по ячейкам, были разложены резисторы и конденсаторы. Внук набирал нужные детали, чтобы дома, в городе, спаять схему для какого-нибудь старого усилителя музыки. Вален-

тина Николаевна не разрешала увозить детали помногу, да и Павлик не имел наглости взять все сразу – платы и микросхемы.

Последние дни мая выдались на редкость холодными даже по сибирским меркам. Целыми днями моросил нудный, почти осенний дождь. Только лишь три дня назад утих пронизывающий северо-восточный ветер, небо разъяснилось. Первый по-настоящему теплый летний день выдался лишь сегодня. Павел вышел за ворота.

«Дружище, помоги толкнуть!» – послышался нетвердый и картавящий голос. Из открытого настежь гаража высунулась голова парня лет семнадцати. Его хитроватый взгляд вызвал у Павла раздражение. Это был сосед бабы Вали. Не раз Павел играл с ним, но имени не помнил, да и было это уже давно, когда Широкову было лет семь-восемь.

В гараже, на стеллажах, валялся разный хлам: инструмент, детали. Под потолком, на проволоке, сушились березовые веники. Двое парней копошились возле мотоцикла «Урал».

– Аккумулятор? – спросил Павел, с интересом заглядывая через головы склонившихся ребят. Он прошел по грязи и собирался очищать свои новые белые кроссовки.

– Не заводится, – коротко ответил ломающимся голосом парень.

– Смотрели все? Свечи, контакты?

– Смотрели, – отозвался второй, видимо, помладше – курносый мальчишка лет тринадцати. – Может, карбюратор чего?

– Не думаю, – Павел резко, но тактично отодвинул ребят от старого зеленого «Урала» с вмятиной на баке и облезшей коляской. В каждом устройстве юношу интересовала электрическая часть.

– Снимите сиденье...

– Зачем снимать, Кулибин? – задиристо спросил хитрый.

Павла задело язвительное обращение паренька, но Широков оставался спокоен.

– Нужно все проверить, – деловито сказал Павел, не поднимая взгляда.

Ребята молча сняли сиденье. Провод от катушки зажигания оказался переломлен. Павел обратил внимание на замытие изоляции.

– Вот он, видишь? – Широков подозвал парня постарше. – Изоляцию сниму – провод «в обрыве»...

– Ну! Кулибин! – с восторгом проговорил курносый, все время повторявший за старшим другом. Наверняка думал, что подражая выглядит старше.

Широков зачистил концы проводов и соединил их между собой. Курносый подал Павлу изоленту. «Урал» завелся без труда. Парни поглядывали на своего нового знакомого с удивлением. Плутоватый был немного высокомерен: презрительно смотрел на городскую одежду Павла. Дорогие спортивные штаны, зеленая фирменная футболка и новые белые кроссовки вызывали у парня зависть, что было заметно сразу.

– Ты приехал на дорогой тачке? – спросил старший, поглядывая на машину. Павел ничего не ответил.

– Меня зовут Вовчиком, – завистливый протянул руку ладонкой вниз, как бы показывая свое превосходство над Павлом.

– Макс, – и второй парень дружелюбно вытянул правую руку вперед.

– А я Павлик, – просто ответил Широков и услышал смех ребят. Он сначала не понял причины.

– Ты Кулибин, а не Павлик...

– У него и дед был чудной, ремонтировал телевизоры в деревне, – ребята не переставали смеяться.

– Сами вы... Кулибины! – обиделся Павел. – Вы знаете, кто такой Кулибин?

– Знаем! – выкрикнул Вовчик.

– Кто?

– Павлик!

Не выдержав, Широков зашагал домой, перепрыгивая через лужи и грязь. Ребята догнали своего знакомого.

– Не обижайся, мы шутим, – наперебой заговорили парни, похлопывая его по плечу.

Широкову нравилось помогать людям. Впервые в жизни юноша почувствовал, что от его умения разбираться в электрических схемах зависит, будет ли работать техника, смогут ли его новые знакомые кататься на «Урале»...

– Ну что, прокатимся? Мотоцикл водить умеешь, Кулибин? – Вовчик задиристо глядел на Павлика. Старенький мотор мягко урчал, рука Вовчика властно, по-хозяйски лежала на руле.

– У папы машина... – разволновался Широков. От былой деловитости Павла ничего не осталось, взгляд был испуганным.

– Садись! – напористо проговорил Вовчик. – Поедем за деревню. Батя может увидеть или соседи сдадут с потрохами...

За деревней раскинулось большое поле – не поле, а настоящая степь. Лишь редкие колки виднелись по берегам полусоленых озер. На белесой почве рос один лишь хвощ, который к середине лета становился бордовым, и казалось, что земля красная. Впереди большого озера виднелось соленое – по-народному Соленка, а справа стояла деревня Федоровка – десяток жилых домов и руины вокруг. Покосившиеся остатки стен, разграбленные, брошенные избы, как после бомбардировки.

– Садиться будешь? – с непонятной усмешкой спросил Вовчик, указывая на мотоцикл, словно намекая: «Ну что, слабо городским?»

– Буду! – решил Павел в ответ на молчаливый вызов товарища. Не успел Широков сесть за руль, как Макс уже устраивался в люльке.

– Ты-то куда собрался? – сквозь негромкий говорок двигателя спросил Вава и поторопился занять место сзади Широкова.

Павлик не знал, как переключаются скорости. Ему не хотелось показаться невеждой перед хлыстом Вовчиком. Ударив со всей силы по рычагу переключения передач левой ногой, Широков отпустил ручку сцепления. «Урал» резко дернулся. Большой, неуклюжий руль резко вывернулся влево на кочке.

«Э-э-эй!» – только и услышал Павлик истошный крик сзади. Мотоцикл вылетел на ухабины. От сильной тряски первым упал Вовчик, следом вылетел Широков. Защитное стекло на люльке разлетелось вдребезги: Максим головой пробил его и сидел окровавленный, вцепившись руками за поручень.

«Уби-и-и-ли!» – вдалеке послышался старушечий крик. – Расши-и-иблись! Ой-е-е! Чо ж делается-то!»

– Началось! – занервничал Вовчик. – Откуда Мирониха здесь?! Черт-това бабка!

– Валим! – крикнул Макс в шоке.

– Садись! – властно проговорил Вовчик, глядя на Павла, который рассматривал кровавую ссадину на локте. – Живо! Я же говорил, соседи сдадут... Батя теперь меня порвет на части...

За огородами, по высокой траве шла Мирониха – первая на деревне склочница и сплетница. Она продолжала истошно голосить, пытаясь обрратить на себя внимание.

– Куда вы? – не понимал Павел. Ребята сели на мотоцикл. – Какой смысл скрываться?

– Ты ветровое стекло найдешь в Аксенихе? – теперь кричал Вовчик, затравленно оглянувшись на Павла. – Без спроса взял мотоцикл – полбеды, а стекло мне не простят! Помятого бака хватило...

Широкову пришлось сесть сзади Вовчика. Юноша понимал, что стекло разбилось по его вине, из-за него порезался Макс.

– Я знаю, где есть похожее стекло, – Макс размазывал по лицу кровь грязной футболкой. Чуть выше лба виднелся большой порез.

– Перевязать надо! Давай помогу! – говорил Павел, снимая с себя легкую, хлопчатобумажную зеленую футболку. Мотоцикл дернул, Широков так и не перевязал голову Макса.

– Где стекло? – выезжая на дорогу, с недовольством проговорил Вовчик. – Куда едем?

– В Федоровку, – громко ответил Максим, – у Колывана есть ветровое, правда, от «Днепра»...

– Какая разница! – Вова был на взводе. – Надо ехать быстрее, пока Мирониха не растрезвонила на всю деревню! Кулибин, у тебя деньги есть?

– Нет, а зачем?

– Красавелла! – ехидно усмехнулся Вовчик. – Стекло мне разбил. Макс у лицо поранил! Компенсация.

Не мог ответить Широков на обидное обращение. Ему казалось, что Вовчик его ударит, и тогда он расплачется, не сможет дать сдачи, над ним будет смеяться даже вечно заискивающий хлюпик Максим.

Путь в Федоровку оказался долгим. «Урал» вело в бок: в ложбинах, где проходила дорога, стояла грязь. Павел чувствовал, что у мотоцикла неполадки с аккумулятором: плавали обороты, «Урал» едва не глох.

От озера до Федоровки дорога вела в горку. Ближе к деревне прямопуть резко изгибался перед небольшой рощицей, стоящей посреди степи оазисом. Двигатель мотоцикла стал вовсе замирать и вскоре окончательно заглох. Не было слышно ни жаворонка, ни кузнечиков, степь была торжественно тиха.

– Приехали! – выругался Вовчик, нервно слезая с отцовского старенького «Урала».

– Связался с вами, сопляками! – психовал Вовчик, дергаясь. – До Федоровки рукой подать – встали... Кулибин, а ты чего? Подскажи, что делать будем?

– Слушай, не называй меня так! – начал раздражаться Павлик.

– А как мне тебя называть? Угробил «Харли-Дэвидсон» и доволен... Гусь городской... – с надменным видом сказал Вова, пытаясь раздуть конфликт. – Павлик ты...

– Журавлик, – подхватил Макс, почувствовав безнаказанность.

Обида жгла душу. Сейчас бы уйти, уехать, чтобы никогда не видеть этих мерзавцев. Наверняка папа еще в Аксенихе. Поедет ближе к вечеру, когда спадет жара. Если бы только можно было оказаться рядом с отцом, телепортироваться! Вот оно, истинное лицо людей: мелочных, жалких, угодливых! В чем-то права мама, когда нехотя отпускает Павла в деревню. Что здесь хорошего? Что?!

– Заигрался Павлушка, – садясь в машину, сказал Анатолий, – как вернется, усади его поесть.

– Конечно, сынок, – успокаивала Валентина Николаевна. Быстро попрощавшись, мужчина мягко хлопнул дверью, автомобиль легко тронулся с места.

– Инге передай привет, – неуверенно и как всегда немного сдержанно проговорила мать. Валентина Николаевна решила сделать шаг навстречу снохе.

Анатолий не сразу понял слова матери. Ему сначала показалось, что Валентина Николаевна решила слегка уязвить сына, продолжив общение в старом ключе. Да, пусть не такую жену хотела мать для Анатолия, по-проще, но это выбор сына... С ним нужно смириться! Не ожидал Анатолий, что мама в первый раз за долгое время передаст привет Инге. По дороге в Новосибирск, домой, Толя будет осмысливать те слова, неоднократно прокручивая их в голове, разбирая все до мелочей.

Как ни хотел брат Анатолий соленье, настойчивая Валентина Николаевна все-таки поставила в багажник три трехлитровые банки с огурцами и баночку вишневого варенья.

Мать проводила взглядом машину и подумала: «Все равно выбросит! Выедет на трассу возле Кайгородского и зашвырнет мои гостинцы в кусты на повороте. Инга не допустит его с бесполезной едой. Не выкинет сын – выбросит банки его жена, ничего тут не попишешь!»

Только успела Валентина Николаевна попрощаться с сыном, как услышала истошные вопли Миронихи. Бежала она по улице и кричала: «Расшиблись ить! Ой, распи-и-иблись!»

– Что случилось? – спросила Валентина Николаевна.

– Ой-е! Твой внучок-то... ой-е!

– Что с Павлушей? – вскрикнула Валентина Николаевна.

– Подчистую разбились... на мостацikle в поле, за деревней!

В доме справа отворилась калитка. На улицу выбежала Ольга Семенова, 50-летняя соседка, и подхватила старуху Широкову. Валентина Николаевна начала медленно валиться с ног.

– Вы только не волнуйтесь! – сказала Ольга, обращаясь почтительно к человеку старше себя.

– Пашка твой да Вовка Скворцов... – причитала Мирониха, – перевернулись оне на мостацikle! Бошки, видать, повыворачивали! Потом подняли его...

– Кого подняли-то?! – говорила Ольга, едва удерживая грузную Широкову.

– Мостацикл, кого еще, и драпать от меня!

– Погоди, они живы?!

– Да откудова же я знаю-то... оне как кувыркнулися, сразу поставили мостацикл-то на колесы, а хто там живой, хто нет – не знаю! Хто-то крикнул из их, и все, и нету ребят!

Валентину Николаевну посадили на лавку рядом с домом. Вынесли ей корвалол и валерьянку, накапали. Взгляд у старухи стал мутным.

– Плохо ить! – орала на всю улицу Мирониха.

– Не кричите вы! – пыталась усмирить Ольга свою вторую соседку (окна Ольги смотрели точно на дом Миронихи, которая любила подглядывать).

– Ничего, все хорошо, – с одышкой проговорила Валентина Николаевна.

Когда старуха стала немного приходить в себя, ее решили завести домой. К ним присоединился муж Ольги Михаил. Мирониха командовала: «Держи ее крепше-то, крепше! Во... Куды ноги кладете, ногами к выходу нельзя!»

– Скворцовым сообщили о горе-то? – спрашивала Мирониха, хватая за рукав Михаила. – Надо же... сказать...

– Какое горе! Надо выяснить сначала! – ругалась Ольга.

– Говорят ить, бошки посворачивали начисто, а она одно свое!

– Прежде чем разносить сплетни, надо узнать все как следует!

– Ой-е, бат-т-тюшки святы! Каки умные мы! Слов нахватаются и ходют, птицы важные!

– Нет, надо сразу бежать и трубить на всю деревню! Узнать надо...

– Знаю! – оправдывалась Мирониха. – Пьянешеньки оне были, вот че!

– Ой! – плакала Валентина Николаевна.

– Че же таперича делать-то, как перед родителями ответ держать?! Ить убилися начисто...

– Да замолчите вы, раскудахтались наперебой! – крикнул Михаил Семенов, которому изрядно надоело слушать верещание женщин. – Ехать надо!

Мирониха, крупная, здоровая 80-летняя старуха, очень любила разные сплетни. Каждую новость она обсуждала, добавляла что-нибудь свое, как добавляют перец при засолке сала, и готовый продукт выходил от нее неузнаваемым. То стадо коров сбил поезд, не успели их отогнать утром на котлован, то на току в молотилку упал какой-то мужик, а кто – не знает... Бегают потом вся деревня, кто мужа ищет на току, кто корову на котловане... Пора перестать верить Миронихе, но люди не могут махнуть рукой и сказать: «Врешь ты, старая!» Ведь говорят о мужьях, детях, родителях. Как не верить...

Жила Мирониха одна. Дети в городе, а муж оставил ее давно – уехал в Барабинск, где, поговаривают, его пырнули ножом в пьяной драке. От безделья Мирониха не страдала: завела подруг и начала вносить смуту и интриговать людей. Насмотрится по телевизору разных передач и носится, приговаривая: «Этот ить, как его, Басков-то, разводится ить, от че! Простым людям че делать-то, раз оне тако творят!»

Широкова вытирала слезы. В теле ощущалась слабость, ныло сердце, болела голова, и в глазах все плыло. Грудной голос Миронихи слышался эхом.

– Как «скорую» вызвать? – испуганно спросила Ольга, видя, что старуха теряет сознание.

– Я пошто знаю, ноль три!

Семенова побежала домой, посмотреть в записях.

На улице собрались люди: по деревне поползли слухи, что внук Широковой вместе со Скворцовым-младшим погиб, а Валентина Николаевна лежит при смерти.

– От! Беда подкрадется и не посмотрит, что все благополучно у людей. А мы завидовали: и дом хороший у них, и внук растет – здоровый крепкий парняга, и машины красивые Толька покупает, и профессор он в городе, и жена красавица...

– Да-а... От! А беда подкралась – открывай ворота!

Ольга вернулась быстро. За телефоном сидела Мирониха, пыталась вызвать райцентр.

– Девушка! Мне «скорую»!

– Наберите ноль три, – звонкий голос молодой телефонистки был спокоен и раздражал своей невозмутимостью. – Вы откуда звоните вообще?

– Дак ить от Широковой Валентины!

– Где живет Валентина?

– Дома, хде ишпо! У себя! – не понимала старуха.

– Понятно, что не у меня, бабушка! Местность, село назовите! – вышла из себя девушка.

– Дак ить это... деревня Аксениха Краснозерского району...

– Бабушка, да вы что! Кто к вам поедет?! Везите свою Широкову Валентину сюда, в район.

– Как это?.. – недоумевала старуха.

– Да вот так! У нас всего две машины: реанимационная и линейная обще-
профильная! Вторая стоит без бензина – лимит выработала!

– Дак и давайте нам лилейную, че, мы не люди што ль!

– Бензина нет! – едва не крикнула девушка.

– Тьфу! Краля кака! Зачем она нужна, си-и-и-ди-и-и-ит! – Мирониха не стала дальше говорить, положила трубку.

Семенов и Скворцов отправились на поиски ребят. Красная «Нива» шла тяжело по непролазной грязи, без разбору, собирая все кочки и ямы. Через три дома она скрылась за поворотом и поехала в сторону дороги на озеро. Машину вело по месиву. Ближе к озеру Семенов начал объезжать мешанину из глины и налетел на солонец. «Нива» стояла на месте, колеса крутились без остановки. Яма становилась все больше. Скворцов, матерясь, пытался толкать машину.

«Найду, убью гаденыша!» – приговаривал Петр, отец Вовчика, все сильнее напирая весом тела на заднюю часть автомобиля.

В Федоровку заехал гусеничный трактор Т-170. Он тащил мотоцикл. В начале улицы возле дома с покосившимся забором и выбитыми окнами стоял согнувшийся старик. Вовка махнул трактористу, что означало: «Остановись!»

– У кого в деревне есть ветровое стекло на «Урал»? – бойко заговорил Вовчик, обращаясь к старику, словно к приятелю – с напором, твердо, как разговаривают мужики.

– Нашел что спросить! Погоди, в кармане поищу! – съязвил старик, собираясь идти дальше, куда направлялся. Издали увидев трактор, он любопытно наблюдал за двигавшимся «эскортом». Дедушка зашагал по пустынной улице, опираясь на палку. Избы страшно зияли чернотой пустых окон. От некоторых домов остались лишь одни стены, другие избушки оставались целыми, но в них никто не жил. Огороды заросли крапивой да лопухами.

Павел удивленно огляделся по сторонам и заметил рыжего пса, который бродил по развалинам одного из домов. Шерсть на собаке висела лохмотьями. Широкову стало жутко, он увидел умные глаза одинокого животного и поторопился за своими попутчиками.

– Куда мы идем? – с волнением в голосе спросил Павлик.

– До Кольвана, – нехотя отозвался Вовчик, увлеченно рассказывая Максиму о том, как будет злиться батя, если они в ближайшее время не вернуться в Аксениху. Ребята пошли через какие-то развалины. Во дворе полуразрушенного дома лежал разный хлам: разбитая стиральная машина «Малютка», поломанные стулья, рваные тряпки.

– Нет здесь никакого стекла! – Павел начал выходить из себя. – Ищем непонятно что!

– Еще этот Кулибин навязался! – пренебрежительно сказал Вовчик, доставая из пачки сигарету.

– А мне дашь? – Макс попытался вытянуть одну, но Вовчик больно ударил его по руке.

– Еще раз полезешь, ручонки оборву!

Вовчик зашагал вдоль улицы. Через пару домов он остановился и долго разговаривал с худощавым невысоким человеком.

– Тащите аккумулятор! – крикнул Вова. На его приказной тон Павлик никак не отреагировал. Макс побежал обратно к мотоциклу. – Ты не понял? Аккумулятор тащите, заряжать будем!

– Тебе надо, ты и тащи! – грубо отрезал Широков.

Вовчик не ожидал такого резкого ответа. Худощавый человек недобро поглядывал на Павла.

– Че это за дятел?

– Павлик, – ответил Вовчик.

– Э, Павлик! – дерзко обратился худощавый. – Где такие шмотки брал?

– Он же городской!

– Может, махнемся, на? Я тебе свое бельишко, а ты мне свое – от Версаче!

Человек с опухшим от выпивки лицом подошел к Павлу. Мужчине было лет сорок. Он пристально смотрел на Павла.

– Че дерзишь, на? – обратился пропитый, обдав Широкова резким запахом водки. – Ну, пошел за аккумулятором!

Человек толкнул Павла так сильно, что Широков едва не упал. Униженный юноша, сжимая от злости кулаки, поплелся вслед за Максом.

– Больше не огрызайся, на, шнурок! – пригрозил алкоголик. – Еще раз услышу твой писк – все тряпки фирменные отдашь, а сам голый пойдешь, урод!

Через десять минут Павлик и Макс принесли аккумулятор. Вовчик немало оживился: повеселел и начал хвастливо рассказывать, как хорошо «бегает» старенький «Урал». Павел понял, что алкоголик – это и есть тот самый Колыван, который может отдать ветровое стекло за бутылку.

– Рано веселитесь, на! – стоя за кривым забором, говорил Колыван.

– Электричество дадут в шесть.

– А сейчас сколько? – Вова спросил своим ломаным голоском.

– Без пятнадцати.

Колыван вынес самодельную зарядку для автомобильного аккумулятора. Она представляла собой три провода с лампочкой и блоком питания от ноутбука.

– Где же стекло для мотоцикла? – спросил Павел, поглядывая на Вовчика. Теперь Широков его не боялся, не переживал, что Вовчик может его ударить или обидеть. Перед Павлом стоял детина, способный лишь заискивать перед сильными и обижать слабых.

– Какое стекло? – не понял Вовчик.

– Вы же сами говорили с Максом: «У Колывана возьмем стекло, отдаст за бутылку...»

– Не ври! – разъярился Вовчик.

– Не было такого! – воскликнул Макс, толкнув Широкова в плечо. – Ты не прикидывайся, Кулибин.

– Не толкай меня! – крикнул Павел и что было сил швырнул Макса на траву.

– Ты че, Павлик?! – сидя на корточках и периодически сплевывая, с угрозой сказал Колыван. Из-под грязной и дырчатой рубашки виднелись наколки. – Я же тебе говорил не высовываться!

– Ах ты так! – к Широкову подбежал Вовчик и ударил его лицом об колено. Все произошло очень быстро, после сильного удара Павел упал. Из носа потекла кровь.

– Еще выступает! Разбил мне стекло на мотоцикле, Макс порезался из-за этого говнюка! – продолжал кричать Вовчик.

– Пусть бабки отдает или бельишко скидывает, – невозмутимо проговорил Колыван, не поднимаясь с корточек. Широкова раздражало уголовное поведение алкаша, заискивание перед ним Вовчика, раболепное прислужничество Макса.

– Да пошли вы все! – с досадой ответил Павел и зашагал по безлюдной деревне. Через несколько метров Широков остановился и прокричал:

– Я думал, вместе разбили, сообща и добудем стекло, а вы... свиньи вы! Особенно ты, Вова!

– Иди сюда! – Вовчик догнал Широкова и больно пнул его под зад. – Теперь вали!

Колыван и Макс смеялись, раздавленный Павел, не оборачиваясь, вытирая рукой окровавленный нос, поплелся по деревне. Сзади на спортивных штанах виднелся белесый след от пинка. Не мог Широков отомстить обидчикам, не мог это сделать одному, не говоря о троих. Часто Широков сталкивался с непониманием, неуважением, но впервые расплакался. Павлик никогда не испытывал такого позора, как сейчас. Слезы обиды перешли в рыдание. Он вышел за деревню и на дороге голосил, отдавшись эмоциям. Павел смотрел на залитое солнцем небо, и синева отвечала ему: «Поплачь, станет легче!»

Позади осталась забытая деревня Федоровка с ее неприветливыми жителями, развалинами-домами и заросшими огородами. Усталый, измотанный Павел, едва не запинаясь, брел по грязной дороге. Новенькие кроссовки, белые от высохшей на них глины, казались бесформенными и потрепанными. Широкову хотелось залезть в свою городскую с чистым светлым кафелем ванную и помыться. Можно было подойти к озеру, искупнуться, но солоноватая, немного пахнувшая сероводородом вода казалась Павлику мертвой. На озере Хорошем утонул Григорий Степанович, поэтому Павлик никогда в нем не купался. Когда-то здесь водилась рыба: язь, карась и сазан – настоящее богатство, находка для рыбаков. Но уже года три или четыре в Хорошем пропала рыба, словно ее и не было вовсе.

В ложбине стояла красная «Нива». Два человека крутились возле машины, видимо, пытались вытолкать ее из солончака. Один подкладывал что-то под колеса, второй то садился за руль, то оставлял салон и громко матерился, размахивая жилистыми руками. Наверняка им нужна помощь! Широков хотел подойти к людям, но решил обойти стороной. На сегодня приключений хватит...

Ближе к вечеру со стороны далекого озера потянулись высокие, плотные, перисто-слоистые облака. Жара сменилась невыносимой духотой. В Аксенихе стоял горький запах полыни.

– Я знаю, где она щас! – говорила неугомонная МIRONИХА, переместившаяся из дома Широковых на улицу. – Поди в Федоровку поехали.

– Ты же говорила, убились насмерть... С тобой только время терять, – махнул рукой местный алкоголик Коля Егоров и побрел прочь неровным шагом. – Всю деревню опять переполошила, воду мутишь...

– Праильно, че со мной говорить, я ж не лью святу воду, так ить? – завелась МIRONИХА. Что-то ее задело за живое. – Алкаш!

– Балаболка!

– Что мутишь воду, это все понимают! – раздался голос Ольги, которая не ругалась с МIRONИХОЙ, зная ее умение подличать. Семенова за день нагляделась на сплетницу и поняла, что ее нужно прилюдно опозорить. – За что ты отыгрываешься на Валентине Николаевне? Делянку вспоминаешь, выкошенную при царе Горохе? Может, и мне теперь подлость сделаешь?! Давай, не медли! Расскажи, будто Мишка мой гуляет! А что?!

– Дак ить с кем?

– Да хоть с тобой же!

Семенова специально вышла на улицу прекратить болтовню. Раздался дружный смех. Мирониха не знала, чем крыть.

– Ты на всю округу растрясла, что я припадочная! Только ты! Меня теперь увольняют в месяц по три раза! – кричала Лариса Старцева, мать Максима.

– Дак ить...

– Валентину Николаевну теперь со света сживаешь!

– Никого я не сживаю, поди...

– А за мной подглядываешь в окно, если забуду ставню закрыть! – припомнила Семенова, как Мирониха любит смотреть в окна напротив.

– Тьфу! Людишки... – побрела старуха к своей калитке.

– Вот и шагай, не оглядывайся! – добавила вслед Ольга.

Всю дорогу Анатолий думал о матери. Хотелось вернуться домой и сказать Инге что-то обидное, чтобы задеть ее самолюбие, встряхнуть эту ласковую и хитрую женщину. Она стала полновластной хозяйкой его жизни. Толя и опомниться не успел, как начал выполнять любые требования жены, да что там требования – команды! Он, Анатолий Григорьевич Широков – человек неглупый, образованный, работающий на хорошей должности в институте, и вдруг... полностью зависит от мнения жены, от ее желания! Боже, как это все смешно! С другой стороны, все, что связано с женой, это его семья, благополучие! Что нужно человеку, нормальному современному человеку? Конечно, важна семья, устроенность, уверенность в завтрашнем дне, ведь у Толи растет сын!

Уже открывая дверь в квартиру, Толя все еще думал о матери, сложной жизни и своей семье.

– Ну как дорога? – спросила Инга, выйдя из комнаты. Она услышала шум в прихожей.

– Нормально, – сухо сказал Толя, поправляя очки.

– Я хочу обратиться к нашим институтским специалистам, – заглядывая в дорожную сумку, проговорила Инга, – дело в том, что у меня появились частые головокружения. Нужно изменить рацион.

– Что с тобой? – удивился Широков.

– Нужно сдать анализы... – женщина говорила отстраненно, словно не мужу.

– Я боюсь за свое здоровье, понимаешь? – с напором сказала Инга, доставая из сумки банку с вареньем. Она долго и немного брезгливо разглядывала содержимое сосуда. Потом, подумав, добавила:

– За наше здоровье... семьи...

«Странно, – подумал Анатолий, – никто даже не говорит, зачем я приволок домой бесполезную пищу!»

Широков ходил по квартире привычным маршрутом, как заведенный: переодевался в домашнюю одежду, умывался с дороги, а сам все слушал Ингу. Жена рассказывала о своих планах. Кроме зелени, овощей и салатов, нужно включить в рацион немного мяса. В понедельник она посоветуется с диетологами в институте питания, подберет необходимый список продуктов. Нужны молоко, сметана, творог – все, что раньше она и допустить не могла на столе! Оказывается, не у одной Инги начались проблемы со здоровьем: кто-то из подруг мучился бесконечными мигренями, начал есть все подряд, и боли как рукой сняло. Одна вообще попала на операционный стол: открылась язва. Шутка ли, несколько лет жевать лишь зеленый горошек, баклажаны и фасоль, и никакого майонеза!

– Ингрид, мне нужно с тобой переговорить, – решительно сказал Ана-

толий, заходя в просторную девятиметровую кухню. – Дело в том, что в Аксенихе не все хорошо...

– Как?! – заволновалась Инга, внимательно глядя на мужа. – Что-то случилось с Павлушей?

– Нет, дело не в том, – Анатолий был особенно серьезен. Он поправлял очки и поглаживал гладко выбритый подбородок. – Меня волнует душевное состояние мамы.

– Что-то произошло с Валентиной Николаевной? – изображая тревогу, спросила Инга.

– Да... вернее, нет... все хорошо. Дело в другом.

– В чем же?

– Понимаешь, Ингрид, она сильно постарела, сдала. Мама плачет. Я ее не видел в таком состоянии никогда. Возможно, наступили старость и сентиментальность, допускаю, но я задумался: неужели придет день, когда мамы не станет? Боже, как я этого боюсь! А больше всего мне страшно, что тихая вражда между вами так и уйдет с моей одинокой матерью! Вы не скажете друг другу теплых слов, не протянете руки навстречу, а глупость и нелепость недомолвок останутся огромным и тяжелым камнем на душе.

Анатолий говорил нетвердым, немного дрожащим голосом. Инга почувствовала, что муж готов расплакаться, и подошла к нему. Они стояли у окна.

– Когда я уезжал, мама передала тебе привет впервые за долгое время, – Анатолий говорил эти слова, а сам корил себя за слабость, сусальность. Он боялся, что его не поймут или сделают вид, что понимают, а сами будут в душе смеяться. – Мне стало легче! Разве я не заслужил понимания, только понимания!

– Господи, да что же это! – заплакала Инга, крепче прижимаясь к груди Анатолия.

– Помнишь, как мы переживали смерть твоей мамы? Это была наша общая скорбь и боль... – говорил Толя, хлопывая жёну по спине. – Ответь мне, почему же я теперь как между двумя жерновами? Вы не принимаете друг друга, а страдаю я! В чем я виноват?

Инга не хотела звонить в деревню. Она давно не разговаривала со свекровью и уже не представляла, как отреагирует Валентина Николаевна на неожиданный звонок. От Инги требовалось лишь поднять трубку, кратко поговорить с матерью мужа о какой-нибудь пустяковине, одним словом, проявить участие. Этот трудный шаг был необходим совсем для другого: нельзя сейчас обижать Анатолия. Нужно сделать так, чтобы муж ощутил: его любят, дома прислушиваются к его просьбам. Она должна помочь своему чувствительному мужу еще и потому, что в НИИ прокатился слушок: будет освобождаться место заведующего кафедрой. Толю могут повысить, это очевидно! Хороший знакомый из управления здравоохранения сделает все необходимое, чтобы Толя занял неплохую должность! Разве ее любимый Толенок забудет о своей Ингрид? Ощущение близости перемен говорило ей, что нужно учиться переступить через себя, свои обиды, сделать этот жалкий шаг в сторону свекрови! Пусть скрипя зубами, но надо наладить отношения с Валентиной Николаевной, хотя бы на время...

Валентина Николаевна немного вздремнула, сердце отпустило.

– Как вы себя чувствуете? – беспокоилась Ольга Семенова, видя, что Широкова открыла глаза.

– Тикают часы... слышишь, Оля? – прислушалась Валентина Николаевна. – Этим часам лет сорок. Они идут до сих пор...

– Не беспокойтесь, – суетливо поправляла подушку Ольга, – вам нужно еще полежать.

– Твой вернулся? Скворцов с ним уехал?

– Не возвращались еще, но... с мальчишками все хорошо! – заторопилась с ответом Семенова.

– Откуда знаешь? – старуха схватилась рукой за соседку и начала тяжело приподниматься.

– Люди говорят...

– Лю-ю-юди... – отмахнулась Широкова.

– Кто жив есь? – раздался голос старухи Ребровой. Дверь открылась, на пороге стояла вторая после Мироники сплетница.

– Есь, да не про вашу чесь! – передразнила Ольга.

– Там, кажись, Пашка идет к деревне. Я от че хотела сказать! – мялась на пороге Реброва. – Значит, все хорошо!

– Не надо говорить! – недовольно сказала Семенова.

– Подожди, – перебила Широкова. – Где идет?

– От озера, по дороге.

– Откуда знаешь?

– Сказали...

– Не может быть такого! – возмущалась Ольга. – Мужики уехали на Федоровку! Не могли они разминуться!

– Ну как знаете...

Реброва вышла. После ее ухода Валентина Николаевна поднялась, у зеркала протерла носовым платком красные глаза. Не говоря ни слова, старуха накрыла на стол: принесла винегрет, хлеба, нарезала колбасы.

– Я поставила воду на пельмени. Как она закипит, свари, а я пойду – встречу Павлика.

– Валентина Николаевна, вам нельзя нервничать! – сказала Ольга вслед, опасаясь, что старуха начнет ругать внука.

На улице почти стемнело. Последние отблески красного солнца еще виднелись на облаках. Аксениха готовилась ко сну. Изредка откуда-то с краю деревни доносился собачий лай. Поскрипывала дверь сарая, чья-то корова, видимо, запуталась в привязи и тянула дверь. Раздавались мычание и ругательства хозяина.

Слышался звук сепаратора – отдоились, прогоняют молоко. Через час-другой в Аксенихе наступит полная тишина, прерываемая стрекотанием кузнечиков. Деревня будет спать, чтобы утром доить коров и выгонять их в половине шестого...

Старуха шла рядом с дорогой. За день месиво подсохло, но даже в га-лошах мелкая гусиная трава была скользкой. Ближе к выезду Валентина Николаевна заметила далекий силуэт и решила дальше не ходить. Сердце чувствовало – это Павлик.

– Баба! Ба-а-абу-у-ушка! – закричал Павел, разглядев знакомую фигуру в темноте.

– Павлуша!

Парень подбежал к старухе и обнял ее, больно сжимая родные плечи.

– Милая, прости меня!

– Ну все... все... перестань...

Валентина Николаевна не спрашивала у внука, где он был, и не стала ругать.

Едва они вернулись в дом, как зазвонил телефон. Мягкий женский голос приветливо произнес:

– Валентина Николаевна, здравствуйте! Это... Инга...

– Ой! – изумилась старуха. Ей показалось, что Инга сейчас начнет кричать, требовать во что бы то ни стало отправить внука обратно первым же автобусом, электричкой, черт знает чем, но отправить! Возможно, Инга знает о случившемся.

– Как у вас дела? – неуверенно спросила Инга. По ее натянуто бодрому голосу чувствовалось, что ей что-то мешало быть более искренней.

– Я... Ой!..

– Послушайте, я была не права... Толя очень переживает. Не могу смотреть на его мучения... Мы должны вместе с вами его вернуть из депрессии, длящейся годами! – насмелившись, на одном дыхании проговорила Инга.

– А мы ужинать садимся с Павлушей! – весело заговорила Широкова, испытывая счастливое смятение. – Как доехал Толя?

– Мама! Мама! – выхватывая телефон из бабушкиных рук, в трубку кричал Павел. – У нас все хорошо! Я немного погулял...

Павлик осекся. Баба Валя искоса посмотрела на внука и сказала в трубку:

– Он поливал огород.

– Пусть хорошо питается, – волновалась Инга. – Топите ему баню хотя бы через день. Пусть ест мясо...

Валентина Николаевна не верила своим ушам. «Ест мясо» – что это? Инга ли говорит?

– Простите меня, Валентина Николаевна!

– Ничего и не было! Я не помню, забудь и ты!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Июнь

Делегация Тюменской области приняла активное участие в V Международном фестивале книги на Красной площади в Москве. Из ста тысяч представленных книг три тысячи были от Тюмени. А в 12 номинациях конкурса «Лучшая книга года» в четырёх награды получили тюменцы. В том числе Гран-при присудили Аркадию Елфимову за четырехтомник о Северном морском пути, изданный Благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» в серии «Тобольск и вся Сибирь».

Тюменская делегация провела на Красной площади 10 презентаций своих изданий. В их числе – альманах «Врата Сибири», флешбук Анатолия Омельчука, вобравший более сорока книг писателя, первый в истории российского книгоиздания «живой» фотоальбом со стихами Александра Новопашина «Тюменское счастье», научная и учебная литература.

Шесть ведущих тюменских писателей получили новые членские билеты Союза писателей России на Красной площади в Москве на открытии V Международного фестиваля книги. Вручил билеты генеральный директор СПР, член правления Союза писателей России Василий Дворцов.

В Екатеринбурге состоялся первый культурный форум УрФО, в работе которого приняли участие шесть ведущих тюменских писателей. На конференции обсуждались, в том числе, вопросы продвижения региональной литературы, издание литературных журналов и альманахов, проблемы чтения в молодежной среде. На конференции от Тюменской области выступили директор областной научной библиотеки Ольга Адамович и руководитель регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов.

В Северо-Казахстанской областной универсальной научной библиотеке им. Сабита Муканова прошла презентация литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири». Его редактор Леонид Иванов представил также свою новую книгу «Суббота – банный день», рассказал о Тюменской писательской организации и передал в дар библиотеке книги тюменских авторов. В их числе – произведения Анатолия Омельчука, Сергея Козлова, Аркадия Захарова, Александра Новопашина, Михаила Федосеевкова, Ольги Ожгибесовой, Виталия Огородникова и других.

Июль

В Тюмени в День города прошел V «Пикник книг». Традиционно этот праздник литературы с его разнообразной программой собирает большое количество читателей. Вот и в этом году «Пикник книг» посетили более 15 тысяч тюменцев и гостей города. В программе была презентация издательских проектов, представление которых в июне состоялось на Красной площади в Москве в рамках Международного фестиваля книги.

Перед любителями литературы выступили ведущие тюменские поэты и прозаики, а также писатели из Курганской области.

В Центральной детской библиотеке создана экспозиция, приуроченная к 90-летию известного тюменского писателя Станислава Мальцева.

На книжной выставке «В Мальцевграде – славный юбилей!» представлены произведения детского автора, давно полюбившиеся тюменской ребятне. Среди них – сказки про забавного котенка Кузю Щучкина, озорные истории о зайке Пете и его друзьях, путешествия в Страну кошек, в которой оказались игрушечные человечки Умнюшкин и Хитрюшкин, и многие другие произведения писателя.

Сетевая акция «#ЧитаютТюменское», посвященная 75-летию образования Тюменской области, стартовала в начале июля 2019 года. Ее организаторами выступили сообщества «ВКонтакте», Instagram муниципального автономного учреждения культуры города Тюмени «Централизованная городская библиотечная система» (МАУК «ЦГБС»).

Акция проводится с целью повышения интереса к творчеству тюменских авторов, продвижения произведений региональной литературы и узнаваемости их в мировом информационном пространстве.

Август

Сразу три тюменских писателя отмечены литературными наградами.

За вклад в развитие детской литературы и в связи с 90-летием со дня рождения Станислав Владимирович Мальцев награжден одной из высших наград Союза писателей России – золотой медалью «Василий Шукшин». Такой же медали удостоен Аркадий Петрович Захаров, неутомимый краевед, автор исследований о Золотой Бабе – божестве коренных народов Севера, а также об одном из главных персонажей русских народных сказок – Бабе Яге. Поэт Александр Павлович Новопашин за личное творчество и большую общественную деятельность во благо региональной литературы отмечен медалью «Русская звезда» им. Ф.И. Тютчева. Эту награду Союз писателей России учредил совместно с Благотворительным фондом «Дорога жизни».

Сентябрь

В селе Нижняя Тавда Тюменской области прошел десятый областной фестиваль-конкурс поэзии и авторской песни «Когда струна сливается со строчкой». В нем участвовали поэты и авторы песен Тюменской, Свердловской областей и ХМАО – Югры.

Победителями стали Александра Мазкова, Сергей Дюкалов из Тюмени, Ольга Губина из Ялуторовска, Наталья Данилова из г.Тавда Свердловской области, Вера Федорова из Исетского. Очный этап фестиваля, на который собралось 63 участника, состоялся в день фестиваля. Все участники и зрители смогли оценить песни 11 авторов, 2 из которых – Юрий Борисов из Тюмени и Алексей и Татьяна из Голышманово – стали дипломантами.

В этот раз представить своё поэтическое и песенное творчество впервые смогли и дети. Оргкомитет поощрил Дмитрия Потчежерцева (10 лет, г.Туринск), Дмитрия Мальцева (11 лет, г.Тюмень), Софию Мальцеву (5 лет, г.Тюмень), Глеба Новоженова (12 лет, с.Нижняя Тавда).

Проводится фестиваль при поддержке Тюменской областной Думы и Тюменского регионального отделения Союза писателей России.

В Шадринской центральной городской библиотеке им. А.Н. Зырянова Курганской области прошел творческий вечер тюменских писателей.

Тюменскую литературу представляли руководитель регионального отделения Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, прозаик Леонид Иванов; автор более сорока книг документальной прозы, лауреат Большой литературной премии Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин Тюменской области Анатолий Омельчук; путешественник, художник, музыкант и поэт, член Союза писателей России Виталий Огородников и недавно переехавший в Тюмень из Шадринска Сергей Перунов.

Продолжением творческих контактов будут организованные библиотеками онлайн-встречи через Интернет и обмен произведениями, которые опубликуют на своих страницах альманахи «Врата Сибири» и «Тобол».

В Тюменской областной научной библиотеке им. Д.И. Менделеева открылся очередной, девятый по счету сезон деятельности областного клуба любителей литературы. В его традиционно разнообразной и насыщенной программе прошли презентации новых книг Ольги Ожгибесовой «Городской сезон», Вадима Вирченко «Агент» о легендарном разведчике Николае Кузнецове и партизанском движении на Западной Украине, Арнольда Райспу и других авторов. Леонид Иванов вручил Почетную грамоту Союза писателей России известному журналисту Татьяне Оносовой, которая на протяжении нескольких десятков лет вела на областном радио передачу о тюменских писателях, и грамоту областного департамента культуры Леониду Ткачуку за активную работу по продвижению региональной литературы.

Известные писатели, лауреаты международных и всероссийских литературных премий Анатолий Омельчук и Леонид Иванов приняли участие в V Кердановских чтениях, которые прошли в г. Коркино Челябинской области. Руководитель ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья Александр Кердан – почетный гражданин этого города горняков, его имя присвоено и Центральной городской библиотеке.

Кердановские чтения собирают ведущих писателей Урала, потому пользуются большим интересом у жителей города. Тюменцы принимали участие в этом литературном празднике впервые.

В Тюменском театре драмы состоялся торжественный вечер, посвященный 25-летию Тюменского регионального отделения Союза российских писателей, который был создан как альтернативный Союзу писателей России, который называют патриотическим, а его членов – «почвенниками». СРП же позиционирует себя как союз либеральных взглядов.

Между тем в Тюмени больших разногласий между писателями двух союзов нет, многие мероприятия проводятся совместно. От имени бюро

ТРО СПР коллег поздравил с праздником член бюро Аркадий Захаров и вручил руководителю регионального отделения Союза российских писателей приветственный адрес.

Октябрь

В Тюменской областной научной библиотеке им. Д.И. Менделеева состоялась онлайн-встреча с писателями из Петропавловска. На протяжении многих лет Тюменская и Северо-Казахстанская области тесно сотрудничают в экономике, культуре и искусстве. Теперь это сотрудничество налажено и между писателями.

Во встрече, прошедшей благодаря информационным технологиям, принимали участие не только писатели, но и многочисленные читатели с обеих сторон.

Принято решение проводить подобные интернет-встречи в дальнейшем с коллегами из других регионов России, что позволит в значительной степени возродить некогда единое литературное пространство.

Прозаик Леонид Иванов принял участие в традиционных Беловских чтениях, ежегодно проводимых в Вологде.

Автор книг, которые продолжают так называемую «деревенскую прозу», Леонид Иванов выступил на конференции на родине классика советской литературы Василия Белова с докладом о современной деревенской прозе, провел презентацию альманаха «Врата Сибири», а в Беловском литературном центре представил вологжанам свою новую книгу «Суббота – банный день», что органично вписывается в тематику конференции.

Ноябрь

В Сыктывкаре состоялась очередная, 20-я конференция ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья. На конференции обсуждался вопрос: «О состоянии и проблемах литературно-художественного перевода в современной России».

В форуме принимали участие ответственный секретарь Тюменского регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов и лауреат Большой литературной премии Союза писателей России Анатолий Омельчук.

Следующая, 21-я конференция ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья пройдет в ноябре 2020 года в Тобольске.

Коротко об авторах

АНАШКИН Эдуард Константинович – член Союза писателей России, прозаик и эссеист, литературный критик. Родился в 1946 году в Читинской области. Автор книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет», «Под крылом Пегаса», вышедших в Самаре и Москве. Печатался во многих московских, всероссийских и областных изданиях – «Роман-журнал 21 век» (Москва), «Русское эхо» (Самара), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Сура» (Пенза), «Балтика», «Наша улица» (Москва), «Парламентская газета» (Москва). Лауреат Самарской региональной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Живет в Самарской области.

АКИМОВ Валерий Юрьевич 1949 года рождения, уроженец города Новомосковска Тульской области. Бывший пограничник, старший лейтенант запаса. Выпускник МХТИ им. Д.И. Менделеева, инженер-механик. Стихи пишет с детства. Автор поэтических сборников «Полоса отчуждения», «До чего же день хорош», «В буднях праздники бывают», «Мне повезло». Член Союза писателей России.

БАРКОВ Иван Иванович родился в 1959 году в украинском городе Каховке. В 1978 году в Тобольске окончил ГПТУ № 11, получив специальность столяра-строителя. В Надыме с 1979 года. Работает таксидермистом в УЭВП ООО «Газпром добыча Надым». Стихи и проза публиковались в периодической печати Надыма, в четырехтомнике «Антология Ямальской литературы».

БЕЦКО Анжела Михайловна родилась 1 июня 1968 года в городе Барановичи Брестской области (Беларусь). В 1993 году окончила филологический факультет Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. Более двадцати лет живет в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

Автор двух поэтических сборников, книги прозаических миниатюр «Про одну девочку» (2014). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Неман», журналах «Югра», «проЛучшее», «Наш Филиппок», «Рюкзачишка», альманахах «Эринтур» и «Чаша круговая», поэтической серии «Антология живой литературы». Член Союза писателей России (2017). Живет в г. Нефтеюганске.

БОРОВСКИЙ Сергей Брониславович

родился в 1959 году в древнем городе Торопце Тверской области. После службы в рядах советской армии работал на авиационном заводе в г. Киеве. С 1980 года жил и работал в г. Москве. Окончил Московский строительный техникум МО СССР. Основная специальность – техник-строитель. С 1996 года живет и работает в Тюменской области. Стихи пишет более двадцати лет. Изданы книги «Сторона ты моя златоглавая», «Русь», сборник «Добрые русские сказки» – два издания – в Ишиме и Кургане, «Сказка о царе и кузнеце». Дипломант Международного литературного конкурса имени Петра Ершова.

ВАНУЙТО Валентина Юрьевна родилась в 1961 году в г. Салехарде.

Кандидат исторических наук. Работала в научном центре гуманитарных исследований коренных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа г. Салехарда. Автор научных статей и монографий, посвященных культуре и религиозным традициям коренных народов Крайнего Севера ЯНАО. Преподавала в Тобольском педагогическом институте им. Д.И. Менделеева.

ВТОРУШИН Николай Михайлович родился в 1946 году в деревне Шалимово Уватского района Тюменской области. Работал машинистом бульдозера в Бобровском лесозаготовительном предприятии (1969–2002). Первые стихи опубликованы в альманахе «Самаровский ямб» (2001). Публиковался в альманахе «Эринтур» (2004, 2006, 2008), литературном сборнике «В памяти нашей навечно!» (2010), антологии «Современная проза Югры» (2010), журнале «Югра», газете «Новости Югры». Автор более десяти сборников стихов, рассказов и песен. Почетный гражданин Ханты-Мансийского района. Член Союза писателей России (2007), Российского Союза писателей. Живет в поселке Бобровском Ханты-Мансийского района.

ЕФРЕМОВА Людмила Георгиевна родилась в 1959 году в Киргизии в семье рабочих. Окончила филологический факультет Фрунзенского государственного педагогического университета. Работала на заводе, затем корреспондентом и редактором многотиражных газет в городах Фрунзе, Сургуте, Надыме. Стихи Людмилы Ефремовой публиковались во многих журналах, альманахах и газетах: «Литературная газета», «Наш современник», «День поэзии», «Урал», «Бийский вестник», «Эринтур», «Врата Сибири». Автор десятка поэтических сборников, лауреат нескольких литературных премий. Много лет была членом редколлегии альманаха «Врата Сибири», с 1990 года руководит литературным объединением «Надым», с 2012 года – ответственный секретарь Ямальского отделения Союза писателей России. Член Союза писателей России. Живет в Надыме.

ЕФРЕМОВА Оксана (Саня) – по профессии учитель русского языка и литературы. Творчеством занимается давно, публиковалась на литературных интернет-порталах «Стихи.ру» и «Проза.ру». Как литератор Оксана Сергеевна стала известна в Петропавловске после выхода сборника стихов и прозы «Интроверсии» (2016) и презентации в 2018 году двух выпусков альманаха творчества школьников и педагогов «Пробы», изданных под ее редакцией.

ЖУРАВСКИЙ Александр Ефимович (Саша Жур) – член Российского Союза писателей, лауреат и дипломант международных литературно-музыкальных конкурсов и фестивалей. Он из тех романтиков, кто приехал некогда осваивать Тюменский Север, да и прикипел сердцем к суровой, но отзывчивой на добрые деяния земле. Александр Журавский – автор текста и музыки «Самотлорского вальса», прозвучавшего в 1982 году по Центральному телевидению СССР в музыкальной программе «Шире круг» и по сей день являющейся визитной карточкой города Нижневартовска, а также многих стихов и песен о Тюменском крае.

ЗАХАРОВ Аркадий Петрович (Иван Разбойников) родился в 1944 году в г. Нижневартовске. Работать начал с 15 лет рабочим гальвано-штам-

повоchnого завода. Окончил Тюменский лесотехникум по специальности «техник-механик», в 1972 году – заочно факультет трудового и гражданского права в Высшей школе профсоюзного движения в г. Москве. Позднее окончил Уральский политехнический институт по специальности «инженер-экономист». Литературную деятельность начал как публицист в газетах «Тюменский комсомолец», «Собеседник», «Тюменская правда». Активный член клуба «Тюменская старина». Под псевдонимом Иван Разбойников опубликовал роман в двух частях «Сень горькой звезды». В 1994 году под своей фамилией издал литературно-краеведческое исследование «На неведомых дорожках», посвященное связи А.С. Пушкина с Сибирью. Лауреат литературной премии Уральского федерального округа. Награжден медалью «Акинфий Демидов» и золотой медалью «Василий Шукшин». Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

КИРИЛЛОВ Игорь Викторович (И. Северский) родился в 1954 году в городе Красный Луч Ворошиловградской области. С 1973 по 1975 год служил в советской армии. В это же время в областной молодежной газете «Молодогвардеец» выходит первая большая подборка стихов. С 1976 года живет и работает в Ханты-Мансийском автономном округе. С 1978 по 1996 год работает корреспондентом, заместителем редактора, редактором в различных газетах Югры, руководителем пресс-службы Думы Ханты-Мансийского автономного округа. Автор двух сборников стихов «Письмена» и «Фрески», публиковался в нескольких коллективных поэтических сборниках и литературных альманахах. Член Союза журналистов России и член Союза российских писателей. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа Югры. Член Союза журналистов России и член Союза российских писателей.

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич родился в 1966 году в г. Тюмени. Писатель, сценарист, публицист. Служил в армии, после окончания ТюмГУ работал учителем истории в Тюмени. В 1996-м переехал в пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского района. С 1998-го работал директором средней школы. С 2007-го преподавал на кафедре журналистики Югорского государственного университета (доцент). С 2008 по 2010 год – главный редактор окружной общественно-политической газеты «Новости Югры». С 2011-го был депутатом Тюменской областной Думы. Автор почти двадцати книг. Некоторые его произведения переведены на сербский, греческий, болгарский и азербайджанский языки. По сценариям Сергея Козлова снято несколько художественных фильмов. Лауреат международных, всероссийских и региональных литературных премий. Член Союза писателей России (1999), член Союза журналистов России (2009). Живет в Тюмени.

КУЗЬМИНА Альбина Семеновна родилась в 1953 году в с. Рынья Тобольского района Тюменской области. Окончила Всесоюзный Свердловский электротехникум Министерства связи СССР (1975), Томский политехнический институт им. С.М. Кирова (ныне университет, 1988). Прозаик, исследователь, журналист. Кандидат культурологии (2003). С 1996 года возглавляет городское литературное объединение «Замысел» в г. Нижневартовске. Автор нескольких книг. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Лауреат премии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера»

(2007), лауреат конкурса «Золотое перо просветителя» (1996). Живет в г. Нижневартовске.

МАРКОВА Антонина Юрьевна родилась в 1959 году в г. Усолье-Сибирское Иркутской области. Детство и ранняя юность прошли в небольшом живописном поселке Среднем. Там окончила школу. В Тюменском государственном университете получила диплом филолога. С 1991-го работала в разных библиотеках города. Первые публикации на страницах областных газет появились в 90-е годы. Затем вышли персональные сборники «Застенчивый рассвет» (1999) и «Каждый лист у сентября свят» (2002). В 2014 году появился на свет третий сборник стихов «Судьбы потаенная нить». В творческом союзе с тюменским композитором Валерием Серебренниковым написано около 30 лирических и детских песен. 20 лет является руководителем авторской студии для детей и молодежи «Вершок». Член Союза писателей России (2018). Живет в Тюмени.

МИХАЙЛОВСКИЙ Валерий Леонидович родился 13 июня 1953 года в г. Хмельника Винницкой области на Украине, врач. Окончил Винницкий медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Автор десятка книг, увидевших свет в различных издательствах. Произведения переводились на украинский, английский, итальянский языки. Идеолог и руководитель нескольких крупных научно-практических экспедиций по изучению ландшафтов, истории, этнологии Западной Сибири, России и Канады. Автор более тридцати научных работ. Лауреат международных, всероссийских и региональных литературных премий. Член Союза писателей России, член Русского географического общества.

НЕЧВОЛОДА Владимир Алексеевич (1945–1984). Родился в семье офицера-политработника. После армейских скитаний по ряду городов семья осела в Ишиме. Здесь В. Нечволода окончил школу рабочей молодежи (1962), работал киномехаником. Позднее стал литсотрудником городской газеты «Ишимская правда». Был инструктором горкома комсомола, художественным руководителем в районном Доме культуры. Окончил курсы рулевых, возил в баржах первую тюменскую нефть с Севера в Омск. В 1975 году окончил заочно Литературный институт имени А.М. Горького. Работал корреспондентом областного комитета по радио и телевидению, руководителем бюро пропаганды художественной литературы при областной писательской организации. Автор восьми поэтических сборников и двух книг очерков. Его стихи переводились в Болгарии и Чехословакии. Почетный гражданин Советского района Тюменской области. Член Союза писателей СССР с 1982 года.

ПАВЛОВА Светлана Владимировна родилась в Тюмени в 1956 году. В детстве и юности довелось жить в селе Дубровном, Тобольске, Увате, Ханты-Мансийске. Окончила исторический факультет Тюменского государственного университета. Работала корреспондентом Ханты-Мансийского окружного радио, заведующей музеем «Штаб-квартира В.К. Блюхера», заместителем председателя комитета по культуре администрации Тюменской области, помощником депутата облдумы, консультантом управления по обеспечению информационной политики. Член правления региональной общественной организации «Наследие Сибири», член редакционного совета альманаха «Тобольск и вся Сибирь».

ПЕРУНОВ Сергей Александрович родился в городе Шадринске Курганской области. После школы учился в институте, служил в армии, после армии снова учился, работал учителем русского языка и литературы. Поступил на службу в МВД. Автор трех поэтических книг «Весна-река», «Неопалимая рябина» и «Березовое причастие», печатался в различных литературных изданиях, в том числе «Наш современник», «Москва», «Проталина», «Чаша круговая». Лауреат литературной премии Уральского федерального округа. Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

ПИОНТ Екатерина Лаврентьевна родилась в 1946 году в поселке Березово Ханты-Мансийского автономного округа. Долгие годы жила в городе Белоярском, работала в системе связи. Печаталась в районных газетах, коллективном сборнике тюменских авторов «Очертания основ». Первая книга стихов «У родного порога» издана в 2000 году с предисловием А. Тарханова. В 2002 году вышла книга стихов «Раздумье», первый сборник стихов для детей «Мне рано в школу». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

ПЛЮХИН Павел Семенович родился в 1948 году в деревне Карагайка Саткинского района Челябинской области. В 1972-м с отличием окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства и остался в нем работать младшим научным сотрудником. В 1973-м переехал в г. Нижневартовск. В это же время его лирические произведения печатались в литературных изданиях городов Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Ханты-Мансийска, Нижневартовска. Работал на нефтяных промыслах Севера. Автор пяти книг и 57 публикаций в коллективных изданиях и журналах Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Ханты-Мансийска, Нижневартовска. Член Союза писателей России. Кандидат технических наук. Награжден несколькими медалями. Заслуженный энергетик Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Почетный нефтяник Тюменской области. Живет в Тюмени.

ПОТЕМКИНА Татьяна Николаевна (Королева) много лет работала журналистом и по сей день верна этой профессии. Пишет статьи для газеты «Российская кооперация» (Москва), «МК-Тюмень», журнала «Сибирское богатство».

Автор трех изданных книг «Живущий под Кровом Всевышнего», «Но любовь из них больше», «Капля Правды перевесит» – увидела свет в конце 2018 года. Отрывки из повести «Живущий под Кровом Всевышнего» вошли в парижский литературный альманах «Глаголь», где печатаются авторы из разных стран. Награждена медалями «За трудовую доблесть», «Патриот России». Живет в Тюмени.

РУСАНОВА Елена Германовна родилась в 1964 году в г. Куйбышеве. Детские годы прошли в Астраханском государственном заповеднике. На формирование ее личности решающее влияние оказала та среда, в которой прошли детские и юношеские годы, уникальная природа дельты Волги и профессиональная деятельность родителей. Работала экономистом, педагогом, преподавателем по предметам «Изобразительное искусство» и «Мировая художественная культура», главным бухгалтером, редактором сайта. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

САЗОНОВ Геннадий Алексеевич родился в 1950 году на станции Пожитово Торжокского района Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Работал в городских, областных и центральных газетах, в том числе «Правда» и «Труд» в Ярославле, Череповце, Вышнем Волочке, Твери, Оренбурге. Геннадий Сазонов – писатель и поэт, журналист, краевед, историк, директор Вологодского областного отделения Литфонда России, член Союза писателей России, лауреат ряда премий и конкурсов. Им создано более 20 книг поэзии, прозы. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич родился в 1956 году на Донбассе. Окончил исторический факультет Донецкого государственного университета. Служил в группе советских войск в Германии, был токарем, школьным учителем, работал в системе МВД, с 1988 года – в журналистике. Имеет около 200 литературно-художественных публикаций, автор нескольких сборников фантастики и реалистической прозы, шести сборников стихов. С 1994 года – член Союза журналистов России, с 2002-го – член Союза писателей России. В 2015 году переехал на постоянное место жительства в Тюмень.

СТРОГАЛЬЩИКОВ Виктор Леонидович родился в 1950 году на станции Манзовка Черниговского района Приморского края. Писатель, журналист. В 1967 году начал работать литературным сотрудником в газете «Тюменский комсомолец». Служил в армии, был старшим редактором редакции молодежных программ на тюменском телевидении. После 1987 года работал в газетах. С 2006 года – ответственный секретарь общественно-политического журнала «Сибирское богатство». Победитель первого открытого литературного конкурса «Российский сюжет» (2002), номинант литературной премии «Букер – открытая Россия» (2003). Награжден золотой медалью «Василий Шукшин» (2018). Член Союза писателей России с 2000 года. Живет в Тюмени.

ТКАЧУК Леонид Владимирович родился в 1954 году в г. Ивдель Свердловской области. Окончил Тюменский государственный университет. Много лет работал журналистом газеты «Тюменская правда».

Дипломант областных и городских фестивалей авторской песни. Автор сборника «Новолуние» (Тюмень, 2000), альбома «Там, где добрые кедры» (2005), участник магнитного альбома «Барды Тюмени» и нотного сборника тюменской поэзии «Вместе» (2007). В 2013 году в Тюмени выпущен сборник стихотворений «Иван-чай» (стихи, поэма, фотографии). Член Союза писателей России. В настоящее время живет в Израиле.

ФИЛОНОВ Кирилл Николаевич родился в Петропавловске в семье железнодорожников. Основная профессия – инженер. В 2011-м окончил Омский государственный университет путей сообщения. В студенческие годы писал стихотворения и рассказы, был редактором газеты при вузе. В 2010-м принял участие в семинаре молодых литераторов (г. Омск). В 2018-м издал сборник прозы «Близкие люди». В 2019 году издана книга «Что запомнилось». Кирилл Филонов является председателем Северо-Казахстанского областного литературного объединения имени М. Аверина. Член Союза журналистов Республики Казахстан.

ЧЕРКАШИН Павел Рудольфович – поэт, литературный переводчик. Родился в 1972 году в селе Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Член Союза журналистов России с 2000-го, Союза писателей России – с 2003-го. Лауреат международных, всероссийских и региональных литературных премий. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе.

ШИРМАНОВ Игорь Александрович (Олег Яненагорский) родился в 1959 году в г. Кургане. По окончании Свердловского юридического института (ныне – Уральская государственная юридическая академия) работал следователем, адвокатом, директором частной юридической фирмы, преподавал правовые дисциплины в Курганском государственном университете. С 2001 по 2007 год заведовал кафедрой юриспруденции в филиале Южно-Уральского государственного университета в г. Нижневартовске, был преподавателем Югорского государственного университета, советником председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В 2005-м в Ханты-Мансийске опубликован первый сборник его рассказов и миниатюр «Торговля смыслами», после чего выпущено еще несколько книг. Член Союза писателей России (2017). В том же году назначен ответственным секретарем Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России. Живет в г. Ханты-Мансийске.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках: работы художника Леонида Лара

На обложке:

картина «Продолжение рода», 1999 г.

Художник: Леонид Лар

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, оф. 1108

тел./факс: (3452) 49-00-18

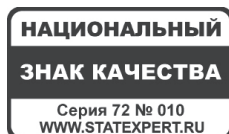
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410

Директор-главный редактор Скорбенко Александр Николаевич

тел. (3452) 49-00-18

Подписано в печать 10.11. 2019 г.

Дата выхода номера в свет 10.12. 2019 г.

Формат 70x108¹/₁₆. Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 2962. Цена свободная.

Журнал отпечатан в типографии АО «Тюменский издательский дом».

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Павлова Александра Павловна.

Корректоры: Рыжкова Елена Александровна, Ишимцева Оксана Ивановна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

«Полет за счастъем»

«Тени предков»

«Скованные Боги»

«Нашествие»

«Озеро Шамана»

